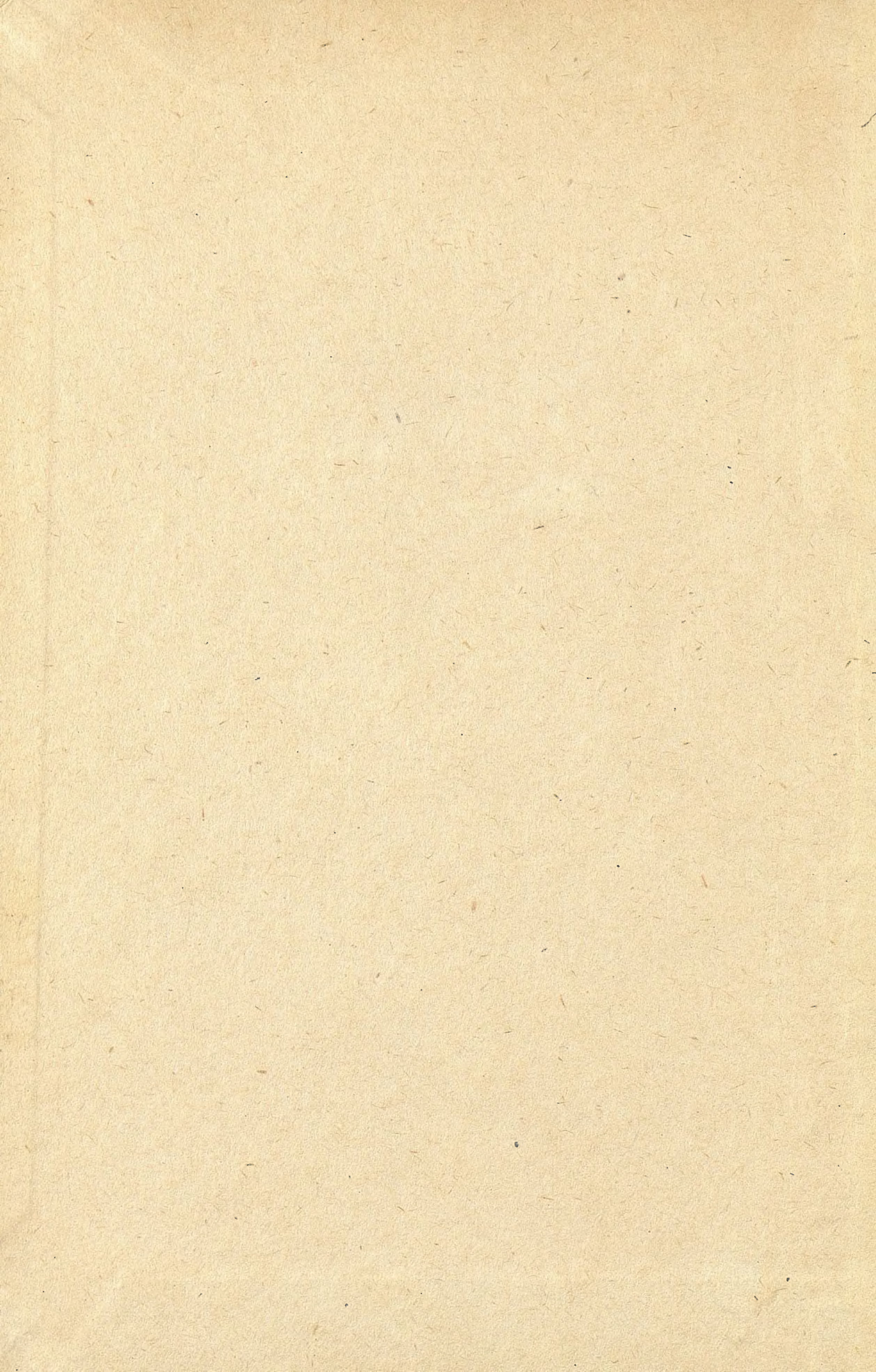

A7 2/14

П. А. Вырубовъ.

Десять лѣтъ изъ жизни русскаго моряка

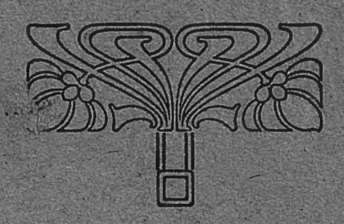
погибшаго въ Цусимскомъ бою

(Въ письмахъ къ отцу).

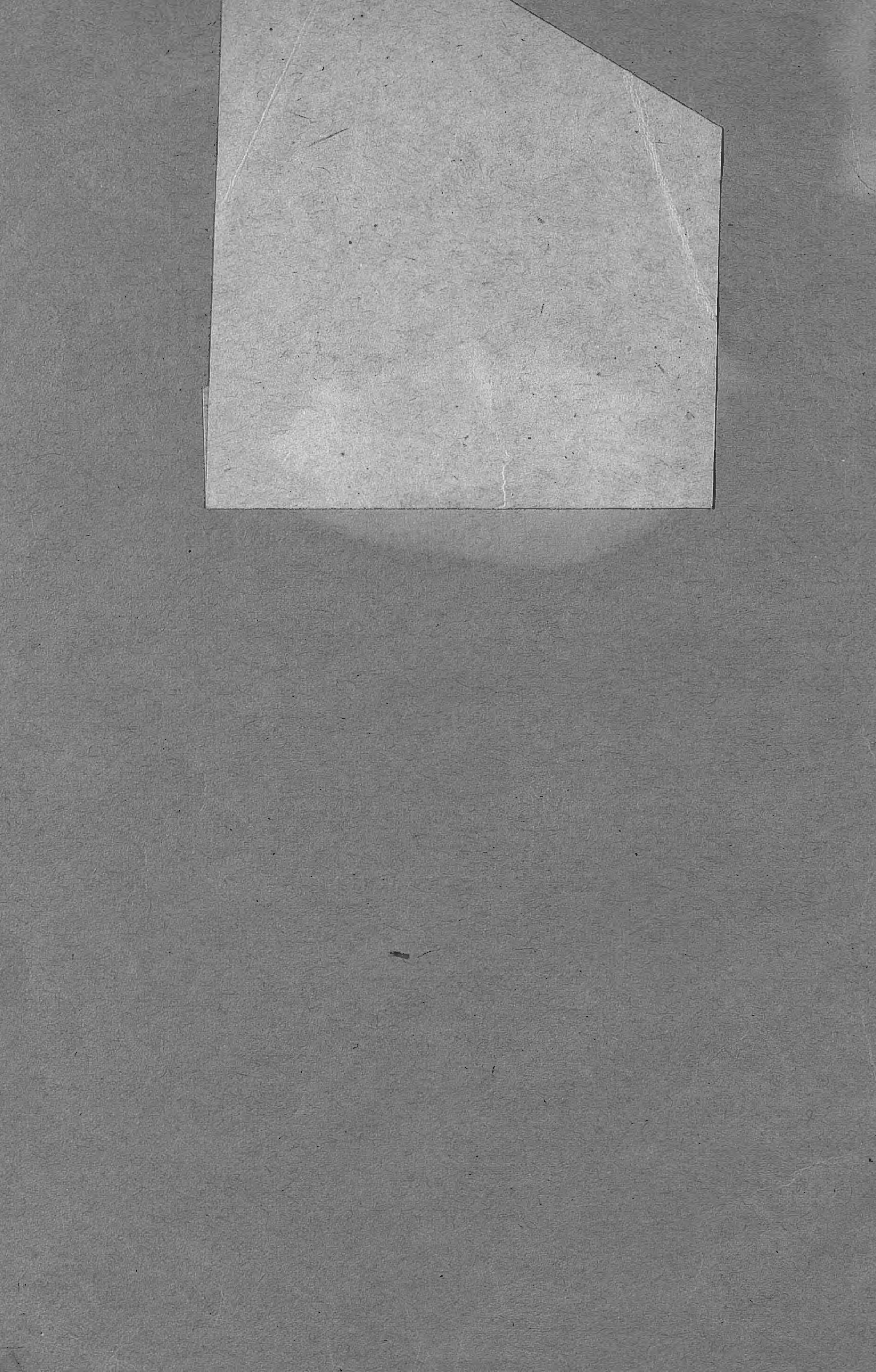
1895—1905.

Съ портретомъ автора и рисунками въ текстѣ.

Посмертное изданіе.

КІЕВЪ.
Тип. 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.
1910.

П. А. Вырубовъ.

Десять лѣтъ изъ жизни русскаго моряка

погибшаго въ Цусимскомъ бою

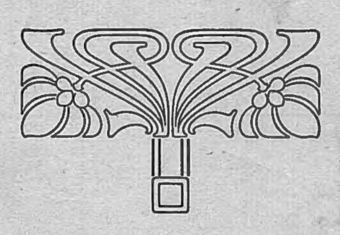
(Въ письмахъ къ отцу).

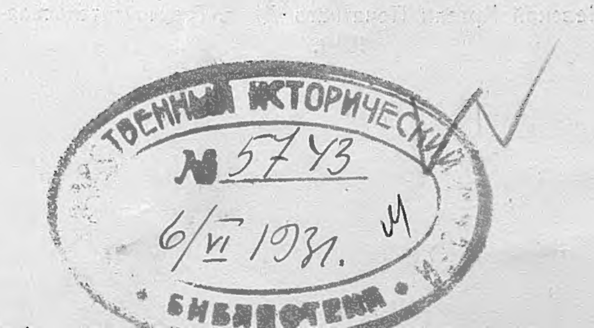
1895—1905.

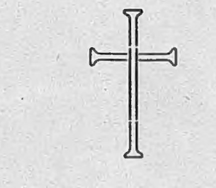
Съ портретомъ автора и рисунками въ текстѣ.

Посмертное изданіе.

КІЕВЪ.
Тип. 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.
1910.

№ 5743
6/VI 1931.
БИБЛИОТЕКА

Цусима 14 Мая 1905 г.

Посвящается памяти лейтенантовъ

русскаго флота

Петра Александровича Вырубова,

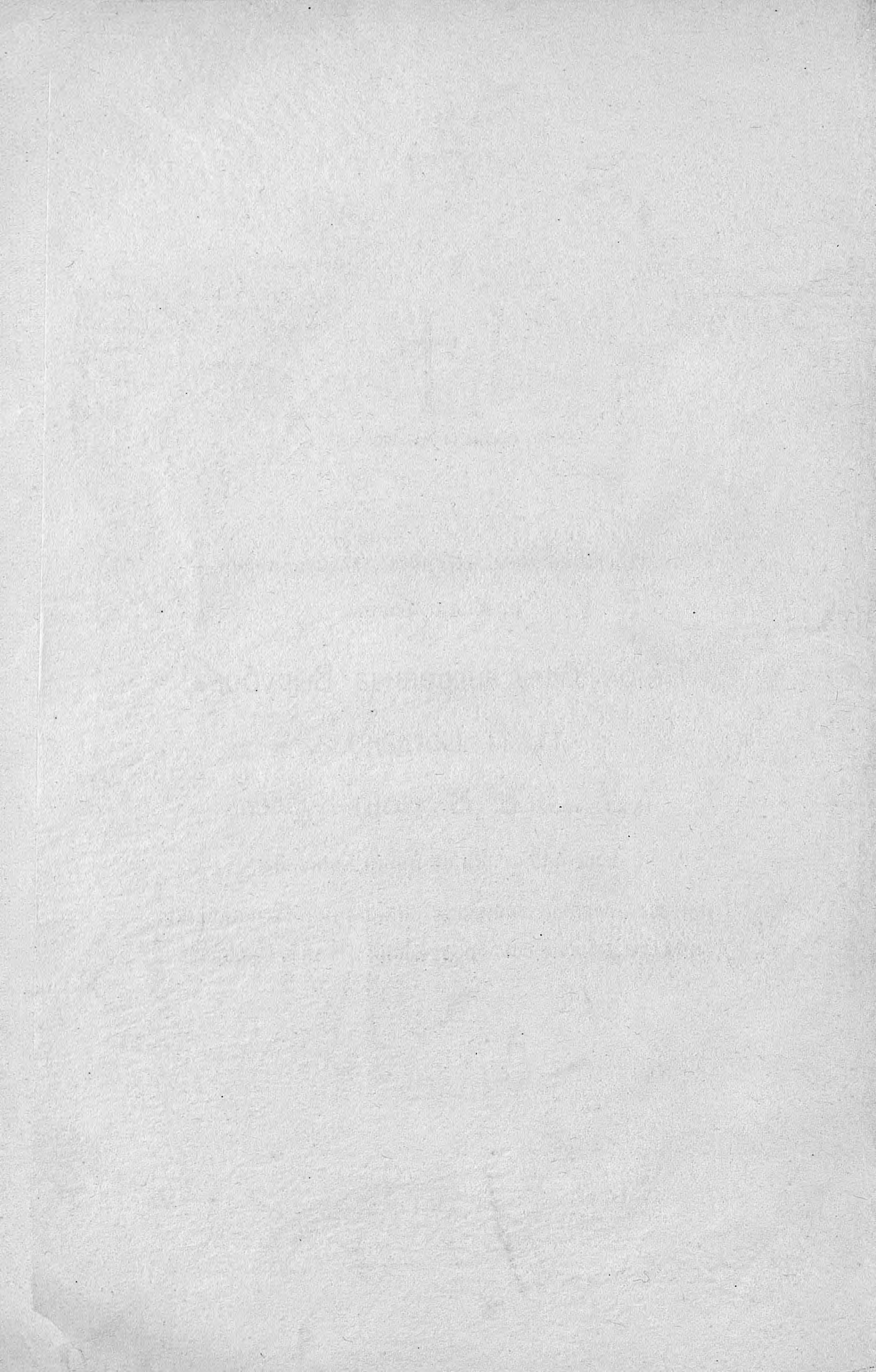
Н. П. Богданова,

Прапорщика В. В. фонъ-Курсель

и оставшейся съ ними команды,

послѣднихъ доблестныхъ защитниковъ погибшаго

въ Цусимскомъ бою броненосца „Князь Суворовъ".

1904
1898
1900
КРЕЙСЕРЪ I РАНГА
РЮРИКЪ
БРОНЕНОСЕЦЪ
СУВОРОВЪ
П. Вырубовъ
1892
Рис. А. Иванов

Предисловіе.

Прошло 5 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ разыгралась Цусимская трагедія, унесшая въ могилу столько доблестныхъ героевъ. Съ тѣхъ поръ въ печати появилось не мало матеріаловъ, такъ или иначе освѣщавшихъ какъ общее состояніе нашего морского дѣла наканунѣ и во время войны съ Японіей, такъ и причины Цусимской катастрофы. Первое мѣсто среди этихъ матеріаловъ принадлежитъ, несомнѣнно, свидѣтельству лицъ, бывшихъ непосредственными наблюдателями событій, логическимъ слѣдствіемъ которыхъ была гибель нашего флота при Цусимѣ. Однимъ изъ такихъ безпристрастныхъ свидѣтельствъ являются издаваемыя въ этой книгѣ письма къ отцу лейтенанта русскаго флота Петра Александровича Вырубова, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Н. П. Богдановымъ и прапорщикомъ В. фонъ-Курсель-Вернеръ и горстью команды принявшаго мученическій вѣнецъ за родину на погибшемъ въ Цусимскомъ бою броненосцѣ „Князь Суворовъ". Часть этихъ писемъ, очень небольшая (14 изъ 70), относящаяся къ движенію на Дальній Востокъ Тихоокеанской эскадры въ 1904—1095 году, была, въ выдержкахъ, опубликована въ „Новомъ Времени" (см. „Н. В." декабрь 1906 г. иллюстр. прил.). Цѣнность ихъ, какъ матеріала для исторіи Цусимской трагедіи, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ процессѣ бывшаго адмирала Небогатова о сдачѣ 15 мая 1905 года непріятелю судовъ отряда письмами этими пользовались для обрисовки общей картины тогдашняго печальнаго положенія русскаго флота (см. „Отчетъ по дѣлу бывшаго адмирала Небогатова", СПБ. 1907 г. с. 558—98, прил. къ № 11 „Мор. Сбор." 1907 г.), но опубликованными въ 1906 г. выдержками изъ

писемъ къ отцу лейтенанта П. А. Вырубова далеко не исчерпывается ихъ историческій и бытовой интересъ. Письма эти, охватывая собою 10 лѣтъ жизни П. А. Вырубова, начиная съ пребыванія его въ Морскомъ Корпусѣ и кончая кануномъ Цусимскаго боя (послѣднее иисьмо было написано 29 апрѣля 1905 года), въ цѣломъ, даютъ въ безхитростномъ, чуждомъ всякихъ прикрасъ разсказѣ, живую картину жизни русскаго моряка, раскрывая въ то же время не мало любопытныхъ подробностей, касающихся нашей Китайской кампаніп 1900 года и особенно послѣдней войны съ Японіей. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и побудило опубликовать эти письма. По своему содержанію, они, естественно, распадаются на четыре части, чѣмъ и объясняются четыре отдѣла этой книги: 1) Морской Кадетскій Корпусъ; 2) Дальній Востокъ: Китайская кампанія; 3) Обратный путь съ Дальняго Востока въ Балтійское море; минные классы; наканунѣ войны съ Японіей; 4) Война съ Японіей; походъ второй эскадры Тихаго Океана на Дальній Востокъ. Письма иллюстрированы рисунками, большинство которыхъ заимствовано изъ фотографическихъ снимковъ покойнаго П. А. Вырубова. Издатель сознательно избѣгалъ дѣлать въ письмахъ сколько-нибудь значительныя сокращенія, полагая, что чѣмъ больше неприкосновенности сохранятъ эти отличающіеся глубокой искренностью документы, тѣмъ болѣе представятъ они интереса для читателя. Въ нихъ въ такомъ видѣ сильнѣе чувствуется неприкрашенная, жизненная правда, гдѣ великое переплетается съ ничтожнымъ, трогательное со смѣшнымъ, благородство съ пошлостью...

Вся сумма, вырученная отъ продажи изданія, поступитъ въ комитетъ по сооруженію въ С.-Петербургѣ храма-памятника въ память погибшихъ въ Японскую войну русскихъ моряковъ.

Издатель.

Лейтенантъ Русскаго Флота

Петръ Александровичъ Вырубовъ.

(Біографическій очеркъ).

Авторъ печатаемыхъ ниже писемъ, лейтенантъ Петръ Александровичъ Вырубовъ, родился въ Москвѣ 18 декабря 1879 года. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ старинной дворянской русской фамиліи Вырубовыхъ, родъ которыхъ восходитъ къ XIV вѣку. Отецъ его, Александръ Петровичъ, бывшій тогда студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета, за годъ передъ этимъ женился на Елизаветѣ Ильиничнѣ Бибиковой; П. А. былъ ихъ сыномъ-первенцемъ.

До десятилѣтняго возраста маленькій Петя воспитывался дома, гдѣ и былъ подготовленъ для поступленія въ извѣстную тогда въ Москвѣ частную гимназію Льва Ивановича Поливанова, отличавшуюся прекрасной постановкой учебно-воспитательнаго дѣла. Сначала онъ былъ приходящимъ ученикомъ, а затѣмъ его помѣстили въ пансіонъ при гимназіи Е. Н. Кедрина. Въ 1891 году въ семьѣ Вырубовыхъ произошелъ разладъ: они разошлись, и Елизавета Ильинична вышла замужъ за другого. Отчасти это обстоятельство, а также недостаточная успѣшность въ классическихъ языкахъ были причиной того, что мальчика взяли изъ 3-го класса гимназіи Л. И. Поливанова и помѣстили на нѣкоторое время въ подготовительный пансіонъ Ивановскаго въ Петербургѣ съ цѣлью

подготовить его въ Морской Корпусъ. Въ 1892 году онъ блистательно выдержалъ вступительный экзаменъ и былъ зачисленъ въ Морской Корпусъ.

Въ разыгравшейся семейной неурядицѣ маленькій Петя сталъ всецѣло на сторону отца. Съ этого времени начинается самое тѣсное единеніе его съ послѣднимъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе принимающее характеръ самой интимной дружбы. Печатаемыя ниже письма его къ отцу служатъ лучшимъ доказательствомъ этому.

Морской Корпусъ пришелся какъ нельзя болѣе по сердцу полному силъ и энергіи мальчику, и онъ съ большимъ успѣхомъ занимался по всѣмъ предметамъ, живо интересуясь морскимъ дѣломъ. Еще кадетомъ онъ выписывалъ себѣ „Морской Сборникъ", тратилъ свои карманныя деньги на покупку у букинистовъ различныхъ книгъ по своей спеціальности, изъ которыхъ у него постепенно составилась цѣлая библіотека. Такъ, у А. П. Вырубова (отца) до сихъ поръ хранится принадлежавшая покойному „Исторія американскаго флота" Ч. Бойтона, съ помѣткой, сдѣланной рукой сына, что она пріобрѣтена въ 1896 году. На ряду съ серьезнымъ интересомъ къ чтенію по морскому и военному дѣлу, юный кадетъ увлекался также исторіей и путешествіями, съ упоеніемъ читая доступныя его возрасту книги и цѣлыя изслѣдованія, касающіяся этой области. Въ свободное время онъ ходилъ въ отпускъ къ другу его отца, полковнику Евтихію Константиновичу Адасовскому, герою русско-турецкой войны 1877—78 года. Е. К. оказалъ не малое вліяніе на будущаго моряка. Горячо преданный дѣлу, съ любовью относившійся къ нему, умный, свѣдущій, весь проникнутый сознаніемъ служебнаго долга и высокимъ пониманіемъ воинской чести, онъ внушалъ то-же настроеніе и своему молодому пріятелю, который цѣлыми часами просиживалъ у него въ кабинетѣ, съ интересомъ слушая его разсказы и занимаясь разборкой и сборкой различнаго рода оружія, до котораго покойный Е. К. былъ большой охотникъ. Е. К. Адасовскій (въ послѣдніе годы своей жизни въ чинѣ генералъ-маіора онъ занималъ должность начальника Красносельскаго полигона), все болѣе и болѣе привязывался къ Петѣ Вырубову и, замѣчая въ немъ твердость духа и самостоятельность характера, не разъ говорилъ: „А изъ Пѣтуха выйдетъ толкъ, и онъ постоитъ за себя".

Такъ протекали годы ученія П. Вырубова въ Морскомъ Корпусѣ. Въ маѣ 1898 года онъ однимъ изъ первыхъ окончилъ курсъ,

а осенью того-же года, послѣ плаванія, былъ произведенъ въ мичманы. До весны 1899 года П. А. Вырубовъ проходилъ военно-морскую службу въ Кронштадтѣ въ седьмомъ флотскомъ экипажѣ, а весной 1899 года былъ назначенъ въ Тихоокеанскую эскадру во Владивостокъ, куда и отбылъ 17 мая изъ Одессы на добровольцѣ „Москва".

Къ этому времени вполнѣ опредѣлились нѣкоторыя особенности П. А. Вырубова, какъ моряка. Это—рѣдкая преданность служебному дѣлу и громадный интересъ къ нему и, наряду съ этимъ, выдающаяся энергія и жажда полезной дѣятельности, а также сильно развитая наблюдательность и способность критически-объективно относиться къ переживаемому. Всѣ эти черты неоднократно ярко выступаютъ въ его письмахъ, и потому мы не будемъ останавливаться на нихъ болѣе подробно.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1899 по 1902 г., П. А. проходилъ службу на Дальнемъ Востокѣ, на крейсерѣ 1 ранга „Рюрикѣ", „Разбойникѣ" и канонерской лодкѣ „Гилякъ". Въ этотъ періодъ своей службы онъ участвовалъ въ Русско-Китайской войнѣ, три мѣсяца проведя въ дессантѣ въ цѣломъ рядѣ писемъ онъ даетъ любопытнѣйшія описанія Дальняго Востока и своего пребыванія тамъ, а также нѣкоторыхъ эпизодовъ Русско-Китайской войны и своего возвращенія въ Россію. Въ короткое время, за отлично-усердную службу, онъ получилъ три ордена: Анны 4-й степени (за храбрость), Анны 3-й степени съ мечами и Станислава 3-й степени съ мечами, за отличія въ дѣлахъ противъ китайскихъ мятежниковъ.

Благополучно вернувшись въ маѣ 1902 года въ Россію, въ Балтійское море, онъ, желая совершенствоваться далѣе въ любимомъ дѣлѣ, поступилъ въ Кронштадтѣ въ минные классы, въ которыхъ работалъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ. 6 декабря 1902 г. П. А. Вырубовъ былъ произведенъ въ лейтенанты. Во время пребыванія въ минныхъ классахъ въ личной жизни П. А. произошла значительная перемѣна: 5 октября 1903 года состоялось его вѣнчаніе съ дочерью адмирала Развозова Екатериной Владиміровной. Свадьба была отпразднована въ х. Жердова, возлѣ ст. Бобрикъ М.-К.-В. ж. д. въ Черниговской губерніи, гдѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ развода съ женой, окончательно поселился его отецъ. Шаферами его были, между прочимъ, Б. К. Ждановъ и С. П. Огаревъ, какъ и П. А. Вырубовъ, погибшіе геройской смертью въ Цусимскомъ бою 14 мая 1905 года.

X

Послѣ свадьбы молодые нѣкоторое время прожили въ Жердовѣ. Между тѣмъ, въ декабрѣ 1903 года начали ходить все болѣе и болѣе упорные слухи о близости нашей войны съ Японіей, и П. А. Вырубовъ, вмѣстѣ съ женой, не окончивъ отпуска, наканунѣ Рождества, поспѣшилъ въ Петербургъ.

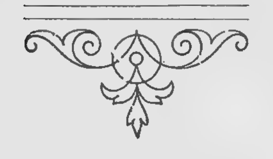
Въ концѣ января 1904 года была объявлена война, и П. А. былъ назначенъ на достраивавшійся броненосецъ „Князь Суворовъ“, который, черезъ 7 мѣсяцевъ пошелъ вмѣстѣ со второй эскадрой на Дальній Востокъ. Легко представить себѣ, что долженъ былъ переживать въ это время П. А., покидая молодую жену и новорожденнаго сына, который родился за недѣлю до отхода эскадры. Письма его, которыми онъ не переставалъ обмѣниваться съ отцомъ со времени поступленія въ корпусъ, теперь (IV-я часть) становятся особенно интересными, живо рисуя всѣ тѣ невзгоды, какія пришлось пережить доблестнымъ морякамъ второй эскадры. Несмотря на зловѣщія предзнаменованія, П. А. Вырубовъ не падалъ однако духомъ, вѣря въ благополучный исходъ кампаніи.

Но Богъ судилъ иное... 14 мая 1905 года, въ роковой день для русскаго флота и всей Россіи, онъ принялъ геройскую смерть за родину. Когда броненосецъ „Князь Суворовъ“, на которомъ находился лейтенантъ П. А. Вырубовъ вмѣстѣ съ адмираломъ Рожественскимъ, вышелъ изъ строя и, потерявъ способность управляться, былъ весь объятъ пламенемъ, къ нему подошелъ миноносецъ „Буйный“ и принялъ тяжело раненаго адмирала Рожественскаго и чиновъ его штаба. Но, какъ объ этомъ свидѣтельствовалъ на судѣ по дѣлу о сдачѣ японцамъ миноносца „Бѣдовый“ командиръ „Буйнаго“ Коломейцевъ и самъ адмиралъ Рожественскій, *лейтенантъ П. А. Вырубовъ, а также лейтенантъ Н. П. Богдановъ и прапорщикъ В. фонъ-Курсель-Вернеръ отказались перейти на миноносецъ* и, будучи вѣрными своему долгу, вмѣстѣ съ горстью команды погибли геройской смертью, до послѣдней минуты жизни отражая непріятеля.

Но гибель его и его доблестныхъ товарищей не изгладится изъ памяти тѣхъ, кому дорога судьба русскаго флота, кто умѣетъ цѣнить истинное геройство... Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ военныхъ писателей Н. Л. Кладо, выражая благодарность отцу покойнаго П. А. Вырубова за присылку его карточки, писалъ: „Мнѣ особенно дорого имѣть эту фотографію отъ Васъ, какъ память о геройски погибшемъ Вашемъ сынѣ, котораго я зналъ еще мальчикомъ, и который

былъ у меня въ ротѣ и въ классѣ, а потомъ зналъ, какъ прекраснаго, передового офицера, который подавалъ самыя блестящія надежды. До боли жалко, что погибъ офицеръ, но погибъ онъ блестяще, такъ-же, какъ и служилъ, погибъ, какъ герой, и Вы можете гордиться такимъ сыномъ... Придетъ время, и у насъ вспомнятъ о геройски погибшихъ въ эту войну и воздадутъ должное ихъ памяти"...

Такое время, по нашему мнѣнію, уже наступило, и этимъ объясняется появленіе настоящей книги.

I.

Морской Кадетскій Корпусъ

1895—1899 г.

Морской Кадетскій Корпусъ.

МОСКВА. *28 января 1895 г*

Дорогой папа!

Я думаю, вы очень удивитесь, получивъ мое письмо изъ Москвы. По правдѣ сказать, я даже для самого себя попалъ сюда совершенно неожиданно.

Въ среду, 24-го, къ намъ пріѣхалъ Государь. Вышло это, несмотря на постоянныя ожиданія, какъ-то совсѣмъ неожиданно: явился онъ во время четвертаго урока и прямо прошелъ въ классъ 5-й роты, гдѣ и просидѣлъ до конца урока. Потомъ его, по обыкновенію, повели показывать корпусныя достопримѣчательности. Нашъ классъ чуть было не попалъ въ очень неловкое положеніе: пятый урокъ у насъ былъ аналитическая геометрія—и вдругъ оказалось, что у насъ изъ всего класса буквально ни одинъ человѣкъ не знаетъ урока! Хороши бы мы были, еслибъ къ намъ въ классъ пришелъ Государь! За себя я, впрочемъ, былъ спокоенъ, такъ какъ наканунѣ получилъ по аналитикѣ 11, и меня, навѣрно, не вызвали бы. Къ счастью, урокъ на половинѣ прекратился, и Государь сталъ обходить роты.

У насъ произвели боевую тревогу, и мы имѣли счастье рвать въ Царскомъ присутствіи вытяжныя и гальваническія трубки.

Въ результатѣ, насъ отпустили до понедѣльника вечера, и я моментально рѣшилъ ѣхать въ Москву съ первымъ же поѣздомъ.

Отправляюсь къ Евтихію Константиновичу за деньгами, не застаю его дома; прождалъ до 6 часовъ, его все нѣтъ... Пришлось обратиться къ Александрѣ Семеновнѣ*). Къ счастью, у нея оказалось 15 рублей. На мою бѣду, пришлось ѣхать скорымъ поѣздомъ, въ которомъ III класса нѣтъ, да еще берутъ дополнительныя за честь ѣхать въ скоромъ поѣздѣ, такъ что все удовольствіе обошлось около 12 рублей. Какъ тутъ быть? Однако я рѣшилъ, что бабушка можетъ меня отправить въ Питеръ на свой счетъ. Въ довершеніе всѣхъ прелестей я съ самаго утра ничего не ѣлъ: по случаю ожиданія Евгенія Константиновича, обѣдъ еще не былъ готовъ, пришлось питаться на вокзалѣ и въ результатѣ въ Москву я пріѣхалъ съ единственнымъ рублемъ въ карманѣ. Бабушка**), конечно, была очень рада моему пріѣзду. Вообще, этой поѣздкой я очень доволенъ, хорошо только еслибъ въ корпусѣ не попало.

Петя.

II.

КРОНШТАДТЪ. *23 іюня 1895 г.*

Уч. судно „Кн. Пожарскій“.

Въ Ревелѣ мы простояли около недѣли, причемъ стоянка была одна изъ самыхъ веселыхъ. Съ нами на рейдѣ стоялъ артиллерійскій отрядъ подъ флагомъ контръ-адмирала Гильдебранта, состоявій изъ броненосцевъ „Первенецъ“, „Кремль“, броненосца береговой обороны „Чародѣйки“, родной сестры несчастной „Русалки“ и канонерки „Тучи“. Отрядъ каждый день упражнялся въ стрѣльбѣ. Особенно интересна была стрѣльба „Чародѣйки“ 9-ти дюймовыми бомбами по мишенямъ, стоящимъ на песчаномъ островкѣ.

---

*) А. С. супруга полковника Евт. Конст. Адасовскаго, куда кадетъ Вырубовъ ходилъ въ отпускъ.

**) Бабушка—Марія Григорьевна Вырубова.

Самый городъ Ревель мнѣ очень понравился своею оригинальностью: онъ своими узкими улицами и старинными домами, крытыми черепицей, производилъ впечатлѣніе чего-то средневѣковаго, но, впрочемъ, городъ довольно пыльный и вонючій, причемъ каждая улица имѣетъ свой специфическій запахъ. Впрочемъ, въ городѣ мы пробыли не долго: только занесли на почту мое письмо, да я купилъ себѣ сирену, и мы отправились въ Екатерининскій паркъ, гдѣ первымъ долгомъ выкупались. Паркъ, дѣйствительно, чудный, и мы очень весело провели время. Возвратившись въ Ревель, мы еще успѣли слазить на знаменитую Олай-Кирку, которая выше Исаакіевскаго собора.

Дня черезъ три послѣ съѣзда на берегъ, мы снялись съ якоря и ушли: „Воинъ" въ Ригу и Либаву, а мы въ крейсерство. Однако крейсировали не долго: вѣтеръ стихъ, мы развели пары и на другой день были уже въ Балтійскомъ порту. Здѣсь мы простояли всего четыре дня. На берегъ насъ не пустили, хотя и было воскресенье, такъ какъ поднялась настолько сильная волна, что сообщеніе съ берегомъ еле-еле поддерживалось. На другой день волненіе стихло, мы поставили паруса, отошли на болѣе мелкое мѣсто и начали стрѣльбу минами; преинтересная это штука. Мина выкидывается сжатымъ воздухомъ изъ аппарата, имѣющаго видъ мѣдной трубы, почти у стѣнъ борта падаетъ въ воду, гдѣ сейчасъ же начинаетъ работать ея машина, и она, со скоростью 25 узловъ, лупитъ подъ водою къ цѣли.

Изъ Балтійскаго порта мы вышли подъ парусами уже вечеромъ; къ ночи погода разыгралась настолько сильно, что пришлось убирать большую часть парусовъ. Наконецъ, дѣло дошло до того, что гротъ-марсъ-рей треснулъ, и когда стали брать рифы на форъ-марселѣ, то его оторвало отъ марса, и съ нимъ мы еле-еле справились. На другой день вѣтеръ стихъ, и марса-реи кое-какъ скрѣпили. Штормомъ насъ снесло къ самому Ревелю, такъ что все-таки пришлось развести пары. На другой день вечеромъ мы стали на якорѣ въ Рогенсальмѣ. Однако намъ пришлось прійдти въ Кронштадтъ, чтобы взять новую рею, такъ какъ въ Рогенсальмъ ее прислать оказалось невозможно.

III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. *25 сентября 1895 г.*

Морской Корпусъ.

Извините меня, пожалуйста, что я вамъ до сихъ поръ не писалъ. Времени до того мало, что просто не знаешь, что и дѣлать. Судите сами: на приготовленіе уроковъ полагается всего два часа: отъ 7 до 9 вечера, да еще неоффиціальнаго свободнаго времени наберется часа полтора, между тѣмъ какъ на каждый день приходится по крайней мѣрѣ три математическихъ предмета. Кромѣ того, пришлось порядочно таки нагонять. Новыхъ предметовъ количество довольно порядочное. Навигація, астрономія, теоретическая механика, начертательная геометрія, аналитическая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленія и сферическая тригонометрія. Мало того, теперь 6 и 7 считаются неудовлетворительнымъ балломъ и за нихъ приходится сидѣть безъ отпуска, чему, я, впрочемъ, отчасти радъ, такъ какъ въ свободное время я успѣлъ почти уже нагнать пропущенное, да послѣ дальняго отпуска здѣшніе отпуски не представляютъ ничего интереснаго.

Баллы у меня за это время довольно, по нынѣшнимъ временамъ, хорошіе, а именно: по астрономіи 9, аналитики 8, механикѣ 7 и 21, исторіи 12, французскій 10, русскій тоже должно быть 10. Астрономію удостоился отвѣчать въ присутствіи самого директора, а такъ какъ мои предшественники получили одинъ 4, а другой 0, а я отвѣчалъ довольно гладко, самъ же онъ въ астрономіи понимаетъ очень мало, то онъ отъ моего отвѣта остался въ восторгѣ и вообразилъ, что мнѣ преподаватель поставилъ 12.

Вообще, намъ, бѣднымъ, теперь приходится туго: предметовъ все прибавляется, и требованія все возрастаютъ. Да и мнѣ теперь, сидя вторымъ, неловко получить неудовлетворительные баллы: приходится поддерживать свое званіе.

Николай Өедоровичъ Рудневъ, дѣйствительно, умеръ и вмѣсто него назначенъ командиромъ 5 роты нашъ бывшій начальникъ отдѣла лейтенантъ Данчичъ.

Кстати, въ 4 роту поступилъ какой-то Александръ Вырубовъ *) кажется, намъ родственникъ. Напишите пожалуйста, какъ

*) Александръ Васильевичъ Вырубовъ, троюродный братъ. Въ Цусимскомъ бою спасенъ со „Свѣтланы“.

вы устроились, учатся ли ребята и вообще хорошо ли вамъ живется. Я понемногу втягиваюсь въ корпусную жизнь и уже вошелъ въ колею.

Залъ въ Морскомъ Корпусѣ.

IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. *12 ноября 1895 г.*

Морской Корпусъ.

За это время произошло столько всякой-всячины, что просто не знаешь съ чего начать. Эта недѣля вышла у насъ просто необыкновенная: ученье было только въ пятницу и въ субботу—остальные дни гуляли.

Въ понедѣльникъ былъ нашъ корпусный праздникъ, 6 ноября. Хотя, вслѣдствіе болѣзни Государыни, бала и не было, но праздникъ очень удался и было очень весело. На обѣдѣ присутствовалъ в. к. Алексѣй Александровичъ, который и приказалъ насъ уволить до среды вечера. Пятаго, вечеромъ, мы должны были явиться въ корпусъ на всенощную, послѣ которой я съ нѣсколькими товарищами отправился въ Александринскій театръ, гдѣ мы накану-

нѣ взяли въ складчину ложу. Шла глупѣйшая драма, которую мнѣ когда-либо приходилось видѣть: „Медовый мѣсяцъ“ и водевиль „Азъ и Фертъ“, тоже довольно глупый. Играли кромѣ Варламова и Потоцкой, довольно отвратительно, такъ что впечатлѣніе получилось самое гнустное. Изъ театра я отправился пѣшкомъ въ корпусъ, такъ какъ нужно было являться въ 8 часовъ утра. Идти пришлось по набережной Невы, которая въ это время поднялась до своего апогея, но, несмотря на это и на сильное волненіе, вода не достигла уровня мостовой; говорятъ, въ это время низменныя части города были уже подъ водой.

На другой день парадъ былъ очень удаченъ, и Великій Князь остался очень доволенъ. Обѣдъ также очень удался. Меню было слѣдующее: супъ пюре à la Reine (попросту, овсянка), пирогъ съ капустою, котлеты пожарскія съ гарниромъ, традиціонный гусь съ яблоками, пуншъ гранитъ и вѣнскіе пироги, на десертъ были фрукты, конфекты и кофе; сверхъ того, на столъ полагалось по четыре бутылки кахетинскаго; все это было очень хорошаго качества, хотя котлеты были холодныя. Музыка играла за обѣдомъ изъ оперъ: „Рогнѣда“ и „Князь Игорь“ и разныя другія пьесы. Послѣ обѣда мы съ однимъ товарищемъ хотѣли взять билеты въ Александринку, но тамъ, кромѣ ложъ, ничего не оставалось, и мы отправились въ Малый театръ (Суворина), гдѣ взяли мѣста въ амфитеатрѣ во второмъ ряду. Давали тамъ „Власть тьмы“ Л. Н. Толстого. Послѣ глупѣйшей пьесы и отвратительной игры, которую мы видѣли наканунѣ, пріятно было смотрѣть на такую образцовую пьесу и великолѣпную игру актеровъ литературно-артистическаго кружка. Особенно хороши были: Стрепетова въ роли Матрены, Михайловъ—Акимъ, Красовскій—Митричъ, недурна также была Домашева, игравшая Анютку. Подгуляла только Холмская—Анисья: она все время была какъ будто не въ своей тарелкѣ, видно она не привыкла играть деревенскихъ бабъ. Но за то такой игры, какъ играетъ Стрепетова, мнѣ еще не приходилось видѣть: обыкновенно въ такихъ роляхъ актрисы съ перваго же дѣйствія изображаютъ что-то зловѣщее, нѣчто à la кіевская вѣдьма, здѣсь же была самая простая деревенская старуха, которая совершенно безъ злобы, скорѣй даже изъ любви къ сыну Никитѣ, совершаетъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ преступленій. Всѣ остальныя дѣйствующія лица тоже замѣчательно хороши. Самая пьеса, по моему, великолѣпна: видно, что ее писалъ великій мастеръ.

Въ четвергъ спускали учебное судно „Вѣрный", и мы были въ почетномъ караулѣ. „Вѣрный" замѣчательно красивое судно; по обводамъ скорѣй похожъ на яхту и отдѣланъ, какъ игрушечка. На немъ устроены всѣ самыя новѣйшія приспособленія: артиллерія вся скорострѣльная; изъ орудій четыре крупныхъ системы Кане съ броневыми щитами; подача патроновъ къ нимъ электрическая; котлы на немъ Бенвиневскіе водотрубные и вообще пропасть всякихъ новостей. Пошелъ на воду „Вѣрный" необыкновенннo плавно и красиво. На спускѣ присутствовалъ Государь. Послѣ спуска заводъ угостилъ насъ чаемъ со всякой всячиной, и каждому кадету были выданы на память очень изящно отпечатанныя подробныя свѣдѣнія о „Вѣрномъ". Въ корпусѣ намъ дали завтракать, позволили спать до обѣда и послѣ обѣда опять уволили въ отпускъ. Но мнѣ здѣшніе отпуски такъ надоѣли, что я не пошелъ, а ходилъ только гулять до Николаевскаго вокзала и обратно.

Учебное судно „Вѣрный".

V.

КРОНШТАДТЪ. *3 іюня 1896 г.*

Уч. судно „Князь Пожарскій".

Доѣхалъ я сюда вполнѣ благополучно. Въ Севастополѣ я до четырехъ часовъ никуда не ходилъ и проболтался все время около вокзала. Нашъ вагонъ былъ почти пустъ и я устроился очень удобно. Въ Москвѣ поѣздъ останавливался всего на четверть часа и затѣмъ катилъ прямо на Питеръ, куда и прибылъ въ часъ ночи 29 мая, такъ что въ дорогѣ я былъ всего около двухъ сутокъ.

Въ Питерѣ мнѣ первую ночь пришлось провести въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ меня чуть не съѣли клопы; кое-какъ дождавшись утра, я отправился разыскивать новую квартиру Евтихія Константиновича. Онъ, какъ оказывается, поселился на Преображенской ул. № 42, но покамѣстъ квартира еще занята и перевезена только канцелярія, для которой помѣщеніе нанято въ томъ же домѣ; въ то же помѣщеніе свезены и всѣ вещи. Не знаю, какъ квартира, но помѣщеніе для полигона великолѣпное во всѣхъ отношеніяхъ. Евтихій Константиновичъ оказался, какъ и слѣдовало ожидать, въ Красномъ Селѣ, и я съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ къ нему отправился.

Въ генеральскомъ видѣ онъ очень эфектенъ и, вообще, стоитъ на высотѣ своего призванія. Въ Красномъ Селѣ, по обыкновенію, шла пальба, во время которой произошелъ довольно курьезный инцидентъ, едва не кончившійся трагически: стрѣльба велась по мишенямъ, изображавшимъ цѣлую деревню со всевозможными постройками, между которыми, между прочимъ, была мельница; саженяхъ въ двухстахъ лѣвѣе мишени была расположена наблюдательная вышка съ разными инструментами для наблюденія мѣста разрыва снарядовъ, около которой толпилась кучка офицеровъ и солдатъ. Батареѣ, только что выѣхавшей на позицію велѣно, было стрѣлять между мельницей и однимъ изъ домиковъ: наводчикъ перваго орудія принялъ вышку за мельницу, но, къ счастью, промахнулся и попалъ немного лѣвѣе, прямо въ стадо, гдѣ разрывомъ гранаты и убило двухъ коровъ. Отъ насъ казалось, что снарядъ попалъ прямо въ толпу, и тамъ поднялась какая то возня, такъ что пока все не выяснилось, нѣсколько минутъ было пренепріятныхъ.

Въ тотъ же день вечеромъ мы съ Евтихіемъ Константиновичемъ отправились въ городъ, и я отправился въ корпусъ. 30-го въ корпусѣ намъ устроили баню и медицинскій осмотръ и отпустили въ отпускъ до 10 ч. вечера 31 мая, такъ что я имѣлъ возможность еще разъ съѣздить въ Красное Село, гдѣ на другой день была очень интересная стрѣльба по подвижнымъ мишенямъ.

1-го іюня мы, наконецъ, со всѣмъ подобающимъ сему случаю церемоніаломъ направились въ плаваніе. Директоръ съ нами еще не прощался окончательно, но сказалъ намъ очень удачную рѣчь и при томъ сказалъ съ искреннимъ чувствомъ, чего обыкновенно не случается.

„Пожарскій“ остался тѣмъ же за исключеніемъ нѣкоторыхъ

мелкихъ подробностей, но зато составъ офицеровъ почти цѣликомъ перемѣнился. Новый адмиралъ, какъ кажется, человѣкъ очень милый. Вчера онъ водилъ насъ на свой собственный счетъ смотрѣть кинематографъ Люмьера. Ужасно остроумная штука: иллюзія получается полная, жаль только что не въ краскахъ.

Вчера и третьяго дня было ужасно тоскливо, чему, вѣроятно способствовало полнѣйшее отсутствіе дѣла, и я ужасно досадовалъ, что пошелъ въ плаваніе: также меня одолѣла тоска по родинѣ, но сегодня уже пришлось стоять первую вахту; досталась мнѣ самая собачая должность при вахтенномъ начальникѣ и адмиралѣ. Вахтенный начальникъ до того меня загонялъ разными порученіями и докладами, что куда и тоска дѣвалась.

Днемъ мы съ товарищами ходили на американскій крейсеръ „Mineapolis", гдѣ вслѣдствіе незнанія англійскаго языка были въ очень комичномъ положеніи. Вообще, эти дни идетъ такая сутолока, что я пишу это письмо уже третій день.

VI.

КОТКА. *11 іюня 1896 г.*

Уч. судно „Князь Пожарскій".

Сегодня мы въ два часа снимаемся съ якоря и идемъ лавировать подъ парусами, конечная же цѣль пока не извѣстна—вѣроятно, это будетъ Гельсингфорсъ. Послѣдняя почта отправляется въ $10^1/_2$, авраловъ предстоитъ масса, а потому спѣшу вамъ написать *).

Стоянка въ Кронштадтѣ, несмотря на довольно частыя прогулки по порту, намъ порядочно надоѣла, и мы всѣ очень обрадовались, когда, наконецъ, 4 іюня часовъ въ 8 вечера мы окончательно ушли изъ Кронштадта. Первая вахта досталась какъ разъ нашему отдѣленію. Мнѣ пришлось стоять сигнальщикомъ, но я рѣшилъ, что гораздо будетъ интереснѣе заняться машиннымъ телеграфомъ; мы брали на буксиръ „Моряка"; ходъ машины посто-

*) *Авралъ* старинное морское слово, употребляется для вызова экипажа корабля наверхъ, чтобы произвести какую-нибудь общую работу; такія работы и теперь называются *авральными*.

янно мѣняли и останавливали и вообще потрезвонить въ телеграфъ мнѣ пришлось всласть. Почти одновременно снялись „Воинъ" и „Вѣрный": первый немного раньше, второй позже. „Вѣрный"—это то самое учебное судно, которое строилось для нашего корпуса, и про спускъ котораго въ ноябрѣ прошлаго года я вамъ писалъ своевременно; онъ, несомнѣнно, лучшій по современности и качествамъ изъ всего нашего отряда, да и притомъ, благодаря своимъ барбетамъ и трубѣ, онъ имѣетъ очень красивый боевой видъ, напоминающій отчасти наши прежніе корветы.

Въ Рогенсальмъ (Котку) мы прибыли на другой день часовъ въ 11 утра и, конечно, по обыкновенію при входѣ два раза довольно сильно стукнулись о камень, впрочемъ, безъ вредныхъ послѣдствій; эта исторія повторяется съ нами хронически каждый годъ; вчера даже посылали четвертое отдѣленіе нашей роты со штурманомъ дѣлать промѣры, но они ничего путнаго не нашли.

На берегу здѣсь пришлось побывать мелькомъ два раза; одинъ разъ мы въ шестеремъ поѣхали съ офицерами на шестеркѣ подъ парусами къ царскому домику, время провели очень весело и съѣли цѣлый чанъ простокваши; другой разъ я съ товарищемъ Ждановымъ былъ назначенъ на паровой катеръ „Птичку" ѣхать съ флагманскимъ кадетомъ на почту. Покамѣсть мы втроемъ разгуливали по Коткѣ, пришелъ дежурный паровой катеръ „Рыбка" и раньше срока отослалъ „Птичку" на „Пожарскій". Старшина „Птички" былъ такъ глупъ, что даже не сказавши офицеру и не давши даже свистка, удралъ на „Пожарскій". Можете вообразить наше удивленіе, когда мы увидѣли, что „Птичка" превратилась въ „Рыбку"—удивленіе не изъ пріятныхъ, такъ какъ по правиламъ мы катера покидать не могли, разумѣется, за исключеніемъ флагманскаго кадета, обязанность котораго ходить за почтой. Впрочемъ, на наше счастіе старшій офицеръ былъ въ духѣ, и потому дѣло ограничилось только легкимъ нагоняемъ со стороны нашего корпуснаго офицера; мы же, со своей стороны, основательно распекли старшину катера.

На дняхъ мнѣ пришлось стоять первую собаку, т. е. вахту отъ 12 ч. ночи до 4-хъ часовъ утра. Спать хотѣлось страшно, да и было порядочно прохладно, вдобавокъ стояло вахту только насъ двое: я, да еще волонтеръ-лицеистъ, плавающій съ нами. Мы цѣлую вахту шлялись по мостику и ругались, впрочемъ, къ концу вахты у меня соскочилъ весь сонъ и я подсмѣнилъ товарища, стоящаго слѣдующую вахту при отходящей шлюбкѣ, и такимъ образомъ еще разъ попалъ на берегъ.

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ году насъ особенно морили авралами: въ прошломъ году мы работали гораздо больше. Живется вообще довольно весело, и еслибы побольше роботы, да почаще на берегъ, то было бы совсѣмъ хорошо.

Пока я писалъ это письмо, у насъ успѣли сдѣлать два аврала: подняли брамъ-реи и отдали паруса для просушки и начали готовиться къ походу; сейчасъ того и гляди опять вызовутъ на верхъ.

VII.

РОГЕНСАЛЬМЪ. *2 іюня 1897 г.*

Описная баржа № 10.

Мы продолжаемъ блаженствовать на нашей баржѣ, время летитъ страшно быстро, пожалуй, не успѣемъ оглянуться, какъ наступитъ роковое 23 іюня, день нашего переселенія на „Воина“.

Въ понедѣльникъ 15-го мы уходимъ въ Ловизу на соединеніе съ отдѣльной съемкой Балтійскаго моря, которою командуетъ Юрій Константиновичъ Иваницкій, тотъ самый, у котораго я готовился въ корпусъ. Наши работы просто кипятъ: мы уже покончили съ тріангуляціей и уже начали работать мензулой, снимая попутно отдѣльные острова компасомъ; параллельно ведутся и астрономическія работы, на которыя мнѣ почему то особенно часто приходится попадать: мною уже представлено 9 задачъ, всего же предстоитъ подать около 40 штукъ за все это время.

Жаль, что погода намъ не благопріятствуетъ: почти все время облачно, солнце никакъ не поймаешь, довольно часто идетъ дождь и порядкомъ холодно.

На работы съ нами постоянно ѣздитъ баржевой песъ, на видъ ничего особеннаго не представляющій, онъ слегка смахиваетъ на заньковскаго Волчка, только малость потоньше, но по своимъ внутреннимъ качествамъ собака замѣчательная, зовутъ его „Мальчикъ". На баржѣ онъ уже десять лѣтъ, но на съемку ѣздитъ всего второй годъ и такъ полюбилъ это занятіе, что не брать его съ собой просто невозможно. Впрочемъ, нужно ему отдать полную справедливость: ведетъ онъ себя безукоризненно, никому не мѣшаетъ и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу ужасно насъ забавляетъ. Плаваетъ этотъ песъ удивительно: на дняхъ онъ путешествовалъ съ буфетчиками въ городъ, тамъ ему надоѣло, и онъ, долго не думая, переправляся вплавь на островъ Наблюденій, который отстоитъ отъ берега Котки сажень на 100.

VIII.

РОГЕНСАЛЬМЪ. *27 іюня 1907 г.*

Уч. судно „Воинъ".

Вчера, вечеромъ, мы разстались съ нашей баржей и перебрались на „Воина", на которомъ послѣ завтра уходимъ въ Либаву съ заходомъ для нагрузки угля въ Ревель.

Мы очень быстро обжились на новомъ мѣстѣ; если и были какія пустяковинныя неудобства, то про нихъ всѣ скоро позабыли; съ офицерами очень быстро установились самыя дружественныя отношенія, и работа у насъ закипѣла, даромъ что погода все время стояла отвратительная. Въ три дня покончили тріангуляціи и приступили къ мензульной съемкѣ. Такъ какъ снимать пришлось мѣстность, изрѣзанную массою небольшихъ крайне изви-

листыхъ заливовъ и усѣянную мелкими островами, то работали преимущественно полярнымъ способомъ. Тріангуляціонная сѣть была раскинута очень удачно: оріентироваться было легко изъ каждой станціи и на всю работу пошло не больше недѣли. Кромѣ того, на отдѣльные острова посылались партіи для компасной и инструментальной съемки. Мнѣ больше всего понравились послѣдніе два способа работъ. Четырехъ человѣкъ снабжаютъ 24 саженнымъ линемъ *), компасомъ или секстантомъ, высаживаютъ на островъ и предоставляютъ полную свободу, лишь бы къ концу дня островъ былъ готовъ. Понятно, кончаютъ гораздо раньше, мы, напримѣръ, сняли островъ Хиръ-Сари, длина котораго по магистралямъ вышла въ 4000 сажень, отъ 10 ч. утра до 2-хъ часовъ дня Завтраки на работы брали въ видѣ бутербродовъ съ сыромъ, чай варили тутъ же на привалѣ въ мѣдномъ чайникѣ, кромѣ того, буфетчикъ обыкновенно отправлялъ съ каждой партіею нѣсколько коробокъ сардинокъ и плитокъ шоколада, который голодная публика раскупала нарасхватъ.

Не назначенные на съемку посылались на островъ Наблюденій, гдѣ рѣшали астрономическія задачи, данныя для которыхъ получали тутъ же изъ наблюденій. Къ несчастію, было всего два ясныхъ дня, уловить солнце было очень трудно, такъ что въ результатѣ на каждаго пришлось по 33 задачи.

Такого сквернаго лѣта здѣсь не запомнятъ: въ прежнее время бухта, въ которой мы стояли, славилась своимъ спокойствіемъ, а нынче мы едва остановились на двухъ якоряхъ и вернѣ, да еще едва не пришлось бросить имъ въ подмогу кошку.

14-го окончили всѣ работы въ Рогенсальмѣ, 16-го вечеромъ ушли въ Ловизу. За нами долженъ былъ прійти на „Зорькой“ начальникъ съемки Ивановскій, но его внезапно потребовали въ Транзундъ къ погибшему „Гангуту“, и намъ пришлось нанимать буксирный пароходъ.

Отъ Котки до Ловизы 32 мили шхерами; буксиръ былъ плохой, такъ что когда въ 3 часа ночи я смѣнился съ руля, намъ еще оставалось пройти около 5 миль.

Въ Ловизѣ мы застали только одну описную баржу № 2 и миноноску, № 3 только что была уведена въ Транзундтъ.

---

*) Линъ—тонкая веревка.

Приняли насъ крайне любезно и для практики дали намъ [illegible] одну изъ балокъ, входящую въ программу ихъ промѣра; работа отвѣтственная, такъ какъ балка предполагалась на [illegible] фарватеръ, гдѣ была нанесена только 30 ф. отличительная глубина.

Для начала мы отправились на катерѣ съ командиромъ № 2 лейтенантомъ Деливрономъ за 15 миль на пустынную группу острововъ Хамнъ-Хольморкэ выставлять тріангуляціонный сигналъ 3-го разряда. Поѣздка вышла очень веселая. Насъ велъ на буксирѣ паровой катеръ, въ 2 часа доставившій на мѣсто.

Сигналъ нужно было поставить на мѣстѣ бывшаго когда-то здѣсь въ тридцатыхъ годахъ, отъ котораго не сохранилось никакихъ слѣдовъ, такъ что искать его пришлось по примѣтамъ, на манеръ Кинда. Знакъ ставили на совершенно голомъ гранитномъ островѣ, сосны пришлось рубить на сосѣднемъ лѣсистомъ, отдѣленномъ отъ него полувысохшимъ проливомъ. Пока любители рубили сосны, мы измѣрили весь островъ, представляющій изъ себя цѣлый хаосъ гранитныхъ скалъ. Розыскали пропасть чайкиныхъ и гагарьихъ гнѣздъ, наловили молодыхъ чаекъ, а одному удалось поймать шапкой взрослую гагару. Однако, за такое легкомысліе мы были наказаны: рубившіе сосны, кончивъ свою работу, сочли для себя самымъ выгоднымъ благородно ретироваться, и намъ пришлось волочить сосны за полверсты по такимъ дебрямъ, что и налегкѣ еле пролѣзешь. Одинъ изъ нашихъ фотографовъ снялъ работу, когда мы уже установили сигналъ и начали скрѣплять его досками.

На другой день шелъ дождь, и насъ восьмерыхъ отправили на № 2 сдѣлать предварительно вычисленія, построить на планшетѣ меркаторскую сѣть и нанести сигналъ.

На баржѣ № 2 всѣ офицеры, кромѣ командира, оказались мичманами, вышедшими изъ корпуса уже при мнѣ. Свои вычисленія мы кончили очень быстро и все остальное время провели въ каютъ-комнатѣ за мадерой съ мичманами.

19-го начали промѣръ и къ 23-му нашли на 24 футовомъ фарватерѣ двѣ каменныя балки: одну 18, а другую 17 футовую, одна изъ которыхъ будетъ названа въ честь насъ—Гардемаринская.

24-го на буксирѣ того же парохода, который насъ привелъ сюда, ушли въ Котку, а 26-го переселились на „Воина“. Разставаніе съ

офицерами на баржѣ было самое сердечное: за этотъ мѣсяцъ мы такъ привыкли другъ къ другу, что впечатлѣніе получилось вродѣ какъ при отъѣздѣ изъ дому.

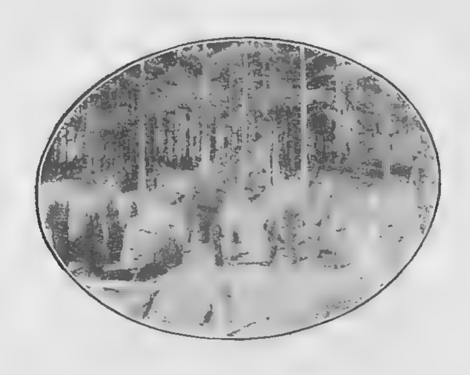
IX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. *21 сентября 1897 г.*

Морской корпусъ.

За это время я совсѣмъ вошелъ въ корпусную колею. Дѣла въ этомъ году пропасть, и время идетъ еще быстрѣе прошлогодняго. На прошлой недѣлѣ, въ четвергъ, произвели молодыхъ мичмановъ, и теперь нашъ выпускъ самый старшій въ корпусѣ. Странно видѣть прошлогоднихъ товарищей, съ которыми мы за этотъ годъ такъ сжились и привыкли, въ офицерской формѣ; подумаешь, что еще какой-нибудь годъ и самому прійдется обновлять мичманскій мундиръ. Просто даже не вѣрится: я еще помню, какъ вчерашній, мой первый день въ корпусѣ; странно думать, что съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ пять лѣтъ. Завтра, въ 12 час., назначенъ актъ, и мичманы будутъ приносить присягу. Какъ и въ прошломъ году, я назначенъ въ почетный караулъ, только на этотъ разъ уже командиромъ перваго взвода. Выпускъ этого года довольно скромный, и особыхъ буйствъ не предстоитъ: послѣ акта большинство собирается разъѣхаться изъ Питера по домамъ, такъ ли будетъ на самомъ дѣлѣ—увидимъ завтра. Корпусъ еще до сихъ поръ перестраивается, и половина 1-й роты спитъ въ нашей спальнѣ: ихъ помѣщеніе раньше перваго октября готово не будетъ. Будь у насъ теперь директоромъ Арсеньевъ, я до сихъ поръ былъ бы въ отпуску.

На этой или на будущей недѣлѣ насъ повезутъ осматривать Обуховскій заводъ. Вѣроятно, встрѣчусь тамъ съ Алексѣевымъ *).

X.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. *10 ноября 1897 г.*

Морской корпусъ.

Шестого ноября нашъ корпусъ праздновалъ свой храмовой праздникъ, и того же числа я былъ произведенъ въ фельдфебеля.

На парадномъ обѣдѣ и балѣ я былъ вторымъ распорядителемъ. Дѣла намъ было не мало, но зато въ награду мы получили отъ смотрителя 4 бутылки шампанскаго и цѣлую батарею прочихъ винъ; въ общемъ, обѣдъ у насъ вышелъ на славу.

Балъ въ этомъ году очень удался, хотя давка была страшная. Очень удачно у насъ были убраны гостиныя при помощи флаговъ, офицерской мебели, винтовокъ, палашей и голубыхъ шаровъ для электрическихъ лампочекъ. Мы соорудили такія гостиныя, что публика приходила спеціально ихъ смотрѣть, и у дверей чуть не устроили ходынки.

Вчера получилъ курьезное письмо отъ бабушки изъ Москвы: она изъ „Новаго Времени“ узнала о наводненіи 4 ноября и ужасно безпокоится о моей судьбѣ. Конечно, я написалъ ей успокоительное письмо и даже послалъ три фотографіи музея нашего корпуса.

---

*) Алексѣевъ—въ данное время извѣстный сотрудникъ „Новаго Времени“—*Брутъ*.

XI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ *22 марта 1898 г.*

Морской корпусъ.

Мои экзамены уже начались; покончены счеты съ теоріей девіацій и астрономіей; по обоимъ получилъ 12; еще не извѣстенъ баллъ за астрономическія задачи, впрочемъ, и онѣ рѣшены кажется, порядочно. Заниматься приходится основательно: мичманскія звѣздочки даромъ не даются. До пасхи остались экзамены: пароходная механика, теорія кораблестроенія, морская практика. Больше всего я боюсь теоріи кораблестроенія: она у меня всегда хромала, хотя имѣю въ годовомъ 12. Придется приналечь Прошлую субботу насъ водили на казенный счетъ въ Михайловскій манежъ смотрѣть репетицію карусели, въ которой принималъ участіе чуть не весь питерскій большой свѣтъ; мы изображали изъ себя галерку; было очень весело. По субботамъ я рыскаю по всевозможнымъ портнымъ и магазинамъ; какъ новинка это занимаетъ, но устаешь, какъ собака. Между прочимъ присматривалъ я дорожныя вещи у Мюллера: цѣны просто съ ногъ сшибательныя, прямо страшно становится; положимъ и вещи очень хорошія. Одинъ сюртукъ я заказалъ у Нарденштрема изъ англійскаго матеріала спеціально, чтобы постигнуть разницу между сюртукомъ въ 60 и 115 рублей. Вчера была первая примѣрка платья, которое я шью у Дмитріева. Все оказалось очень хорошо, особенно сюртукъ. Заходилъ я въ новый магазинъ экономическаго общества присматривать офицерскія вещи, которыя не нашелъ себѣ еще по вкусу. Дешевизна страшная и вещи очень недурныя, такъ что въ концѣ концовъ, вѣроятно, куплю тамъ.

XII.

ЛИБАВА *3 іюня 1898 г.*

„Вѣрный“.

Нельзя сказать, чтобы наше плаваніе*) началось для отряда особенно счастливо: въ первый же день, какъ мы вышли на рейдъ, „Азія“ потеряла якорь, а мы при подачѣ буксира навалили на „Моряка“, сломали ему форъ-брамъ-стеньгу, ободрали блиндъ гифеля и у насъ оказалась погнутой шлюпъ балка; на переходѣ же въ Роченсальмъ у насъ лопнулъ стальной буксиръ, а „Азія“ ухитрилась напороться на камень, къ счастью безъ особенно серьезныхъ послѣдствій. Неудачи продолжаются: вчера уже въ Либавѣ налетѣлъ страшный шквалъ съ дождемъ; насъ едва не сорвало съ якоря и понесло на „Рынду“, на которой, въ свою очередь, лопнулъ канатъ лѣваго якоря. Переходы до сихъ поръ были покойные: вѣтра не было и все время ходили подъ парами. Впрочемъ, завтра насъ, вѣроятно, основательно потреплетъ: море со вчерашняго дня никакъ не можетъ успокоиться, а переходъ до Ревеля предстоитъ сутокъ въ трое. Живется намъ нельзя сказать, чтобы плохо: дѣлать абсолютно нечего, и народъ больше спитъ. Я лично ничего не имѣлъ бы противъ какого-либо занятія, а то подчасъ скучновато. Кормятъ насъ на убой и передъ обѣдомъ полагается по рюмкѣ водки и закуски; вообще, въ этомъ отношеніи мы обставлены шикарно. Нашъ „Вѣрный“ прехорошенькое суденышко, очень удачное по постройкѣ; жаль только, что, вслѣдствіе поспѣшности работъ, онъ строился меньше одного года, многіе детали плохо пригнаны; особенно это замѣтно въ такелажѣ и механизмахъ. Составъ офицеровъ прекрасный. Корпуснымъ офицеромъ съ нами пошелъ фанатикъ астрономіи Михаилъ Михайловичъ Б—овъ; онъ насъ порядочно изводитъ своей астрономіей; впрочемъ, во всемъ остальномъ онъ милѣйшій человѣкъ. Съ командиромъ „Вѣрнаго“ нашъ выпускъ уже имѣлъ дѣло раньше, когда онъ былъ старшимъ офицеромъ на „Пожарскомъ“; мы съ нимъ были въ отличныхъ отношеніяхъ. Вообще, офицеры относятся къ намъ, какъ къ субъектамъ, которые надѣнутъ черезъ четыре мѣсяца мичманскую форму. Въ Роченсальмѣ мы почти каждый день съѣзжали на острова; мѣста тамъ очень красивыя, благодаря развалинамъ старинныхъ шведскихъ

---

*) Послѣднее плаваніе передъ выпускомъ въ гардемаринскомъ отрядѣ.

укрѣпленій. Несмотря на страшно холодную воду, что-то около 11° Цельзія, мы даже нѣсколько разъ купались. Въ Роченсальмѣ простояли до 28 мая, а 31-го вечеромъ уже благополучно прибыли въ Либаву. Здѣсь мы застали новый крейсеръ „Свѣтлану“, только что пришедшій изъ Португаліи Сегодня, утромъ, какъ разъ, когда я началъ это письмо, насъ повезли осматривать „Свѣтлану“. Она приспособлена служитъ яхтой „Генералъ-Адмиралу“, и отдѣлка ея поражаетъ роскошью; кромѣ этого, она представляетъ послѣднее слово науки по всѣмъ статьямъ корабельной техники. Приняли насъ на „Свѣтланѣ“ замѣчательно радушно: несмотря на то, что насъ было 54 человѣка, насъ чуть не до пьяна накачали шампанскимъ и ликерами. Жаль, у меня еще не проявлены снимки „Свѣтланы“ и Либавскаго порта. Съ прошлаго года работы въ порту сильно подвинулись впередъ: каналъ собственно конченъ вмѣстѣ съ первымъ докомъ,—остались бассейны и второй докъ. Морской городокъ почти готовъ, и осенью, говорятъ, переводятъ одинъ изъ экипажей Кронштадта. Недурны офицерскія квартиры: женатому оберъ-офицеру, напримѣръ, полагается квартира въ пять комнатъ съ лѣпными потолками и паркетными полами. Оригиналенъ домъ съ мичманскими квартирами: каждому мичману полагается двѣ комнаты и кухня, а такими квартирами полны два громадныхъ трехъ-этажныхъ дома. Вотъ гдѣ должно быть будетъ житье! Работы поражаютъ своею грандіозностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дикостью затѣи выстроить этакую штуку на совершенно ровномъ берегу. Отсюда мы идемъ завтра въ Ревель, гдѣ пробудемъ до одиннадцатаго, а оттуда пойдемъ въ Балтійскій портъ, гдѣ простоимъ до восемнадцатаго. Нашъ маршрутъ напечатанъ въ „Новомъ Времени“.

Крейсеръ „Свѣтлана“.

XIII.

РОЧЕНСАЛЬМЪ. *21 іюня 1898 г.*

„Вѣрный“.

Ваше письмо получилъ въ Ревелѣ, а деньги въ Балтійскомъ порту. За деньги благодарю, впрочемъ особой нужды въ нихъ я не имѣлъ. Хотя у меня въ Балтійскомъ порту вышелъ послѣдній двугривенный, я чувствовалъ себя превосходно, такъ какъ мы, главнымъ образомъ, предпринимаемъ экскурсіи въ мѣста необитаемыя. Какъ я вамъ писалъ, живется намъ превосходно, но всевозможныя несчастія продолжаютъ на насъ сыпаться. На дняхъ нашъ командиръ, милѣйшій человѣкъ, котораго мы всѣ очень любили, сошелъ съ ума, и его пришлось изъ Балтійскаго порта отправить въ отпускъ впредь до выздоровленія. Съ минуты на минуту мы ждемъ пріѣзда назначеннаго временно командовать „Вѣрнымъ“ капитана 2-го ранга Вирена, по слухамъ, субъекта довольно свирѣпаго. Собственно у командира сильнѣйшее нервное разстройство, и кромѣ того онъ почему-то вообразилъ, что изъ денежнаго ящика пропало восемь тысячъ рублей. Три раза комиссія ревизовала сундукъ и, кромѣ тридцати рублей лишнихъ, все обстояло благополучно. Онъ нѣсколько успокоился и перешелъ на другое: вообразилъ, что „Вѣрный“ во всѣхъ отношеніяхъ худшее судно въ отрядѣ, и ни за что не хотѣлъ вѣрить троекратной благодарности адмирала, которую онъ намъ поднималъ сигналомъ за отличную выправку и работу. Дѣло дошло до того, что пришлось у него отобрать, тайнымъ образомъ, конечно, револьверъ. Въ концѣ концовъ, адмиралъ уговорилъ его ѣхать въ отпускъ, что было страшно трудно. Говорятъ, съ молодыми командирами это случается: настолько тяжела отвѣтственность и такъ рѣзокъ переходъ отъ каторжной, но не отвѣтственной должности старшаго офицера, къ на видъ заманчивой, но страшно отвѣтственной должности командира. Мы всѣ искренно желаемъ ему скорѣе поправиться, настолько мы его полюбили за тѣ два года, что плавали съ нимъ на „Пожарскомъ“; да, въ этомъ году онъ былъ съ нами замѣчательно милъ. Собственно до сихъ поръ намъ была не жизнь, а масляница. Отъѣлись мы страшно: нашъ артельщикъ просто талантъ, и ѣдимъ мы куда лучше офицеровъ, но, помоему, такое безмятежное благополучіе нѣсколько скучновато. Дѣло дошло до того, что мы

для моціона каждый вечеръ, по собственной волѣ, часа три гребемъ на баркасѣ, который у насъ тяжести непомѣрной, а по утрамъ бѣгаемъ черезъ салингъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы мы уже очень бездѣльничали: занятій у насъ порядочно, да и, кромѣ того приходится занимать судовыя должности. Напримѣръ, я теперь назначенъ на мѣсяцъ штурманскимъ гардемариномъ, что уже само по себѣ даетъ порядочно дѣла, особенно на ходу. Къ несчастію, все это довольно однообразно и приходится самому изобрѣтать развлеченіе—таковымъ, главнымъ образомъ, служитъ катаніе на шлюпкахъ и скитаніе по дикимъ мѣстамъ.

Одинъ изъ моихъ товарищей завелъ даже себѣ, съ разрѣшенія начальства, ружье и дѣятельно истребляетъ всякую тварь. Я самъ подумываю выписать изъ Питера вновь появившуюся винтовку La Françaisee, благо она стоитъ всего 26 рублей и приспособлена для бездымнаго пороха и для патроновъ монтекристо; только до сихъ поръ не могу собраться продѣлать всю церемонію, для этой выписки необходимую. Переходы, насъ послѣднее время стали нѣсколько безпокоить: третьяго дня было довольно свѣжо, и размахи доходили до 33°; къ счастію, „Вѣрный" качается такъ плавно, что у насъ укачало только одного человѣка, остальные чувствовали себя превосходно. За этотъ переходъ мы опять получили благодарность адмирала. Собственно, что мы совершили особеннаго, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Намъ опять не повезло: изъ Балтійскаго порта мы должны были идти въ Гангэ, гдѣ всегда бываетъ очень весело, но вслѣдствіе невѣдомыхъ причинъ адмиралъ отправилъ насъ въ скучную Котку, гдѣ простояли уже до тридцатаго числа. Куды мы пойдемъ отсюда, неизвѣстно. Знаю только, что въ первыхъ числахъ іюля мы проведемъ недѣлю въ Ревелѣ, гдѣ будемъ проходить полный курсъ стрѣльбы изъ орудій на артиллерійскомъ отрядѣ, Я надѣюсь, не знаю на сколько основательно, что насъ повезутъ смотрѣть подъемъ изъ нѣдръ морскихъ покойника „Гангута". Во всякомъ случаѣ, въ Трапезундѣ мы побываемъ, такъ какъ тамъ стоитъ минный отрядъ, на которомъ мы также будемъ заниматься недѣльку. На „Пожарскомъ" дифтеритъ; поэтому всему отряду запрещено купаться, такъ что приходится пользоваться для купанья поѣздками на берегъ; досадно страшно. Погода то стоитъ чудная, то начинается невозможная пакость. Въ Балтійскомъ Порту мы еще застали ландыши, земляника еще цвѣла. На дняхъ у насъ начина-

ются повѣрочные экзамены по всѣмъ предметамъ. По нѣкоторымъ это будетъ балаганъ, а по нѣкоторымъ довольно серьезная штука.

— —

XIV.

РЕВЕЛЬ. *11 іюля 1998 г.*

„Вѣрный“.

За эти недѣли наша жизнь измѣнилась совершенно: въ Коткѣ пріѣхалъ новый командиръ, на смѣну заболѣвшаго стараго—и пошла писать губернія. Весь строй судовой жизни оказался перевернутымъ; попало намъ, но еще больше попало офицерамъ. Теперь, впрочемъ, все образовалось и живется не хуже прежняго. Пришлось встряхнуться отъ сплина и приняться за дѣло, чему я, впрочемъ, искренно радъ, такъ какъ начинало становиться скучновато.

Новый командиръ капитанъ 2-го ранга Робертъ Николаевичъ Виренъ *) личность довольно оригинальная, очень знающій офицеръ, прекрасный гимнастъ и, вообще, спортсменъ до мозга костей; жаль только, онъ черезчуръ мелоченъ и, обращая вниманіе на ерунду, упускаетъ изъ виду серьезныя вещи. Внутренней жизни гардемаринской палубы онъ, къ счастью, не касается. Попробовалъ было подтянуть за куреніе на палубѣ, да изъ этого ничего не вышло; онъ и оставилъ насъ въ покоѣ. Въ общемъ, больше всего боится командира нашъ корпусный офицеръ. Господа гардемарины сначала были очень недовольны, воспѣли даже всѣ эти событія въ стихахъ, но теперь все обстоитъ благополучно: до перваго недоразумѣнія, конечно. Изъ Котки прошли въ Гельсингфорсъ. Тамъ я отпраздновалъ 29 Іюня. Довольно удачно простояли мы здѣсь до 3 го Іюля. Въ Гельсингфорсѣ я, между прочимъ, заказалъ байдарку по очень хорошимъ чертежамъ, которые удалось достать въ мѣстномъ гребномъ кружкѣ. Изъ Гельсингфорса мы отправились въ Балтійскій портъ, гдѣ намъ 8 Іюля произвелъ смотръ генералъ-адмиралъ в. к. Алексѣй Александровичъ, пришедшій на „Свѣтланѣ“. Нашъ отрядъ, кромѣ „Рынды“ и „Вѣрнаго“, оскандалился: работали

---

*) Будущій доблестный командиръ „Баяна“ въ Портъ-Артурѣ.

„Пожарскій“ и „Азія“ преотвратительно; тѣмъ пріятнѣе намъ было получить благодарность генералъ-адмирала.

Въ Балтійскомъ порту былъ въ десантѣ, да разъ былъ на балу въ килечномъ сараѣ съ приложеніемъ концерта и любительскаго спектакля на эстонскомъ языкѣ; комичнѣе этого зрѣлища я ничего подобнаго не видалъ. Погода измѣнилась: начались холода, становилось скучновато, и мы какъ разъ во время снялись съ якоря и пошли подъ парусами въ Ревель на соединеніе съ артиллерійскимъ отрядомъ. Въ настоящее время „Вѣрный“ находится въ прикомандированіи къ артиллерійскому отряду, вплоть до 17 іюля. Приступили къ выполненію программы, составленной начальникомъ артиллерійскаго отряда Бирилевымъ. Дѣла пропасть и преинтереснаго дѣла: кромѣ стрѣльбы, насъ угощаютъ въ изобиліи всевозможными лекціями, и моему артиллерійскому сердцу остается только радоваться. Спѣшу кончить свое письмо, такъ какъ сейчасъ у насъ лекція о дальномѣрахъ отъ 2-хъ до 3-хъ, а отъ трехъ до пяти будемъ стрѣлять съ миноносцевъ на полномъ ходу.

XV.

БАЛТІЙСКІЙ ПОРТЪ. *22 іюля 1908 г.*

„Вѣрный“.

Семнадцатаго мы выполнили программу нашихъ занятій въ въ артиллерійскомъ отрядѣ и пришли на соединеніе съ эскадрой въ Балтійскій портъ. Вчера эскадра ушла въ Ревель праздновать 22 іюля, мы же почему-то остались здѣсь и только завтра уходимъ въ Біоркэ на стрѣльбу минами. Недѣля, проведенная въ прикомандированіи къ артиллерійскому отряду, прошла замѣчательно оживленно. Адмиралъ Бирилевъ, командующій отрядомъ, началъ съ того, что по неизвѣстнымъ причинамъ изругалъ насъ въ дребезги, но такое начало оказалось простымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ прощаясь съ нами, онъ покаялся и уже восхвалялъ насъ до небесъ. Впрочемъ, было за что: работали у насъ лихо и стрѣляли замѣчательно мѣтко. Но окончательно адмиральское сердце было покорено блестящей съемкой съ якоря подъ парусами и стрѣльбой по тактическому плану, въ которой мы, такъ сказать, побили

рекордъ числомъ попаданій. Жаль, что уже нѣтъ на свѣтѣ Евтихія Константиновича (Адасовскаго): было бы мнѣ объ чемъ съ нимъ потолковать, посмотрѣлъ бы онъ, какъ мы разнесли сухопутную батарею, стрѣляя только изъ одного 47m/m и одного 70m/m орудія. Дѣло въ томъ, что стрѣльба по такимъ батареямъ до сихъ поръ считалась безрезультатной за совершенной невозможностью опредѣлить разстояніе. Но, благодаря тому, что у насъ выработаны особые способы управленія своимъ кораблемъ, разстояніе становится вполнѣ извѣстнымъ, мѣняется пропорціонально времени, и, кромѣ того, горизонтальная наводка почти не мѣняется.

Въ тотъ день предполагалось двѣ стрѣльбы, но мы стрѣляли настолько быстро, что до обѣда обѣ стрѣльбы были закончены, такъ что весь день оказался свободнымъ; по этому случаю адмиралъ перенесъ назначенный на 18-е число докладъ лейтенанта Кладо о нашихъ новѣйшихъ броненосцахъ на сегодня и пригласилъ насъ присутствовать; это нужно считать выраженіемъ его особаго къ намъ расположенія и довѣрія, такъ какъ докладъ былъ крайне важный и, какъ у насъ обыкновенно дѣлается, даже секретный. Лейтенантъ Кладо, нашъ преподаватель тактики въ корпусѣ и академіи, субъектъ крайне талантливый; сообщеніе, сдѣланное въ очень рѣзкомъ тонѣ, вышло въ высшей степени интереснымъ. Жаль только, трактовались вопросы крайне печальные.

Въ Балтійскомъ порту мы занимались взрываніемъ минъ съ парового катера; зрѣлище получается замѣчательно красивое и, кромѣ того, полезное, такъ какъ наша партія, напримѣръ, взорвала почтенныхъ размѣровъ селедку, которую за ужиномъ мы торжественно съѣли.

Погода все лѣто стоитъ преотвратительная: рѣдкій день проходитъ безъ дождя. Живется, впрочемъ, несмотря на все это, очень и очень не дурно. Отсюда мы уходимъ въ Біоркэ, съ отрядомъ соединимся только въ Коткѣ 30 іюля.

6-го августа мы приходимъ въ Кронштадтъ; нашъ отрядъ, кромѣ „Вѣрнаго“, кончаетъ компанію, а насъ отпускаютъ на три дня въ Петербургъ, спеціально для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ по части обмундированія, послѣ чего мы уходимъ на 12 дней въ крейсерство. Производство бываетъ очень скоро послѣ плаванія.

XVI.

КРОНШТАДТЪ. *28 ноября 1898 г.*

Морское Собраніе.

Пишу Вамъ изъ Морского Собранія. За эти пять дней я уже успѣлъ устроиться, нашелъ себѣ квартиру и даже побывалъ въ Питерѣ. Служебное мое положеніе тоже выяснилось: я назначенъ адъютантомъ и уже третій день ношу аксельбанты. Не могу сказать, чтобы это назначеніе меня особенно порадовало, но судя по всему, лучше завѣдывать экипажной канцеляріей, чѣмъ получить сразу двѣ роты, не имѣя никакой опытности по этой части. Служба отнимаетъ у меня не болѣе двухъ часовъ въ день, остальное время провожу или у товарищей, или въ Собраніи, гдѣ имѣется громадная библіотека и скучать не приходится. По вечерамъ тутъ довольно часто дѣлаются научные доклады на животрепещущія темы. На двухъ лекціяхъ я уже былъ: 25-аго кап. 2-го ранга князь Ливенъ дѣлалъ докладъ объ Испано-Американской войнѣ, а вчера въ отдѣленіи техническаго общества Поповъ демонстрировалъ жидкій воздухъ.

Квартиру нашелъ на углу Стрѣльбища и Высокой улицы въ домѣ Гончарова. Живемъ вдвоемъ съ товарищемъ, занимаемъ двѣ комнаты, большую и маленькую, конечно, съ мебелью, обѣ очень чистенькія, свѣтлыя и съ паркетными полами. За свою комнату съ прислугой и самоваромъ плачу 12 руб. Оказалось, что квартиру найти здѣсь очень трудно, въ гостинницахъ же здѣшнихъ невозможно жить даже мичману. Моя квартира удобна тѣмъ, что близко рѣшительно отовсюду, хотя, правда, она не въ показной части города.

Обѣдать хожу въ Морское Собраніе, кормятъ прекрасно: обѣдъ изъ четырехъ блюдъ обходится полтинникъ, подается въ опредѣленные часы (въ 2, 3, 4 и 5), въ остальное время по картѣ, что, конечно, дороже.

Жалованье получилъ за три мѣсяца со всѣми вычетами 151 р. 38 к., да еще буду получать прибавки за адъютантство по 8 рублей въ мѣсяцъ.

Начальство у меня довольно милое и служить легко.

Письма адресуйте въ 7-й экипажъ. Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ извѣстій.

XVII.

КРОНШТАДТЪ. *11 декабря 1898 г.*

Загородная гауптвахта.

Пишу Вамъ при довольно оригинальной обстановкѣ: стою караульнымъ начальникомъ на Загородной гауптвахтѣ, стерегу артиллерiйскую лабораторiю со всѣми ея складами, цѣлыя сутки приходится сидѣть въ пальто, да еще надѣтомъ на мундиръ, при заряженномъ револьверѣ и саблѣ, въ комнатѣ, въ которой разность температуръ у пола и на высотѣ роста человѣческаго доходитъ до 8^0. Спать приходится не раздѣваясь и въ высокихъ сапогахъ, правда, на бархатномъ диванѣ.

Впрочемъ, это пустяки, вообще, служба очень легка, дѣла даже слишкомъ мало, такъ что даже такая скучная исторiя, какъ караулъ, служитъ развлеченiемъ. Оригинально, что Рождество я буду встрѣчать въ этомъ самомъ помѣщенiи: слѣдующая моя очередь будетъ въ самый сочельникъ, 24 декабря. Шестого декабря парадировалъ со своимъ знаменемъ въ морскомъ манежѣ, а пятаго командовалъ взводомъ на похоронахъ убитаго взрывомъ шт.-кап. Королькова. Вѣроятно, Вы уже изъ газетъ знаете подробности; катастрофа ужасная, унесшая 12 человѣческихъ жизней въ самый день окончанiя мобилизацiи, продержавшей около мѣсяца всѣхъ людей на фортахъ. Живется вообще не дурно. Милости просимъ, прiѣзжайте. Въ Питерѣ я уже давно не былъ: совершенно нѣкогда, да по правдѣ сказать, и не тянетъ.

XVIII.

КРОНШТАДТЪ. *3 января 1899 г.*

Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Нельзя сказать, чтобы Рождество я встрѣтилъ особенно удачно: сочельникъ стоялъ въ караулѣ, да еще съ флюсомъ, а 27-го дежурилъ по 2 экипажамъ. Вообще флюсъ, отравилъ мнѣ всѣ праздники; Спасибо Волковичу *) онъ положилъ мнѣ въ зубъ кокаину, и боль прекратилась, что да-

---

*) Докторъ морской, погибшiй на „Петропавловскѣ“ въ Портъ-Артурѣ.

ло мнѣ возможность бѣгать по морозу съ подвязанной физіономіей. Живется здѣсь вообще не дурно; доказательство тому то, что уже мѣсяцъ, какъ я не былъ въ Питерѣ и въ настоящую минуту не чувствую никакого желанія туда ѣхать. Службой я очень доволенъ. Экипажный командиръ относится ко мнѣ очень хорошо; познакомилъ меня со своей семьей, и я у него бываю. Дома только ночую, а потому не собрался еще прибрать хорошенько комнату, хотя, напримѣръ, купилъ для украшенія въ арсеналѣ четыре старыхъ пистолета. Наша молодежь держится дружной стайкой; иногда покучиваетъ, впрочемъ, умѣренно и, вообще, чувствуетъ себя прекрасно. Въ собраніи теперь довольно часто балы и маскарады, на которыхъ мы бываемъ всей компаніей, хотя и не танцуемъ. Впрочемъ, за меня здѣсь принялись довольно энергично знакомыя барышни и, въ концѣ, концовъ, кажется, обучатъ танцамъ: венгерку я, по крайней мѣрѣ, уже выучилъ. Намъ на свою судьбу грѣшно жаловаться: живется даже слишкомъ спокойно.

XIX.

КРОНШТАДТЪ. *30 января 1899 г.*

Марья Константиновна говорила мнѣ, что Вы были очень не довольны, что я Вамъ не писалъ о своемъ намѣреніи итти въ Тихій Океанъ. Дѣло въ томъ, что Вамъ я писалъ наканунѣ жеребья, ничего о немъ не зная, а ей послѣ него; послѣ этого я Вамъ не писалъ. Я еще не могу сказать Вамъ положительно, куда меня забросить судьба. Знаю только, что начальникъ штаба относится къ намъ очень мило и всегда устроитъ плаваніе. На дняхъ мнѣ, напримѣръ, предлагали итти въ Бѣлое море на „Баканѣ“, но я отказался, такъ какъ не хотѣлъ перебивать вакансію у двухъ пріятелей, которые объ этомъ назначеніи сильно хлопотали. Пока до свиданія. Хотѣлъ написать больше, но долженъ итти сейчасъ же въ экипажъ, такъ какъ только что принялъ двѣ роты и долженъ быть на перекличкѣ.

XX.

КРОНШТАДТЪ. *5 марта 1899 г.*

Загородная гауптвахта.

У насъ теперь злоба дня—приходъ ледокола „Ермакъ“ съ адмираломъ Макаровымъ. Я участвовалъ въ его встрѣчѣ. Событіе, дѣйствительно, поразительное и не для одного Кронштадта. Картина совершенно фантастическая: громадный пароходище идетъ по льду толщиною больше аршина, какъ по обыкновенной водѣ, даже не убавляя хода, а кругомъ него около самыхъ бортовъ неистовствуетъ тысячная толпа. Ледъ рѣжетъ „Ермакъ“ такъ легко и аккуратно, что нѣтъ ни трещинъ, ни нагроможденій льда кругомъ: онъ его засовываетъ подъ себя и подсовываетъ подъ окружающій ледъ, оставляя за собою совершено чистый каналъ. Нечего и говорить, что весь Кронштадтъ высыпалъ на стѣнки гаваней, а большинство прямо окружило „Ермакъ“ на льду. Еще наканунѣ вечеромъ, когда онъ еще только показался на горизонтѣ, вся публика взбудоражилась. Мы поѣхали было встрѣчать его въ море, когда онъ былъ еще верстъ за 20, но попали въ мятель, сбились съ пути и, въ концѣ концовъ, доѣхали до громадной трещины, идущей поперекъ залива, переправиться черезъ которую на извозчикѣ было невозможно. Пришлось вернуться назадъ. Главная встрѣча была на „Полтавѣ“. Туда собралась вся избранная публика, которая потомъ перешла на самый „Ермакъ“, гдѣ и былъ устроенъ торжественный обѣдъ.

Теперь уже выясняется, что лѣто я плаваю на „Полтавѣ“ и осенью, по всей вѣроятности, на ней же уйду за границу. Такой комбинаціей я вполнѣ доволенъ. Волковичъ уходитъ на „Баканѣ“ на Шпицбергенъ 15-го марта, онъ уже долженъ быть въ Либавѣ. Плаваніе „Бакана“ будетъ замѣчательно интересно. Знай я это два мѣсяца тому назадъ—теперь я былъ бы уже на немъ. Впрочемъ, жалѣть особенно не приходится: если „Полтава“, дѣйствительно, осенью уйдетъ за границу, то я только выиграю.

Масляница прошла довольно весело, хотя я два раза на ней стоялъ въ караулѣ. Блины ѣлъ только въ собраніи, гдѣ ихъ готовятъ прекрасно. Совершенно неожиданно для самого себя я началъ кататься на конькахъ. Какъ то разъ рѣшительно нечего было дѣлать: я взялъ на прокатъ коньки и не смотря на то, что семь лѣтъ не катался, ни разу не шлепнулся и чувствовалъ себя настолько свободно, что въ тотъ же день отправился и на вечернее

катанье. На этомъ катаньѣ, между прочимъ, былъ пущенъ фейерверкъ, довольно оригинальный: онъ весь состоялъ изъ довольно сложныхъ фигуръ, которыя начинались чѣмъ-то въ родѣ вертящихся фонтановъ, потомъ загорались разноцвѣтными огнями и начинали испускать массу швермеровъ, змѣекъ и бомбъ съ самой разнообразной начинкой. Просто приходилось удивляться, гдѣ это все помѣщалось въ сравнительно очень небольшой фигурѣ. Новинкою былъ воздушный велосипедистъ: онъ проѣхался по веревкѣ чрезъ весь катокъ, преисправно работая ногами. Сама фигура изъ бенгальскихъ огней, а велосипедныя колеса нѣчто вродѣ большихъ китайскихъ колесъ Въ общемъ очень мило. Какъ на зло, лишь только я началъ кататься на конькахъ, наступила оттепель, и кажется, скоро снѣгу совсѣмъ не останется. Судя по газетамъ, въ Кіевѣ уже давно весна, у насъ она пока еще только собирается.

Въ собраніи начались великопостныя развлеченія: лекціи всевозможнихъ лекторовъ, за ними послѣдуютъ художественныя вечера, а на 2-й или 3-й недѣлѣ состоится любительскій спектакль съ благотворительной цѣлью.

Ледоколъ „Ермакъ“ въ Кронштадтской гавани, подходящій къ мѣсту стоянки.

XXI.

ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ. *17 марта 1899 г.*

„Ермакъ".

Вы, вѣроятно, удивились, получивъ, мою телеграмму изъ г. Ревеля. Впрочемъ, я и самъ до сихъ поръ удивляюсь, какъ это я сюда попалъ. Началось съ того, что мы 8-го самымъ мирнымъ образомъ слушали лекцію въ Морскомъ собраніи. Читалъ полковникъ Мышлаевскій о Прутскомъ походѣ и читалъ очень увлекательно. Лекція кончалась въ 9½ часовъ вечера; въ 9 ч. 45 м. мы узнали, что завтра „Ермакъ" идетъ въ Ревель спасать пароходы, а въ 10 часовъ 15 м. мы уже получили разрѣшеніе адмирала Макарова*). Съ такою же быстротою получено согласіе и берегового начальства, которое отнеслось съ большимъ одобреніемъ къ нашему намѣренію и всячески намъ содѣйствовало. Моего экипажнаго командира я поймалъ чуть чуть уже не въ постели. Девятаго въ девять часовъ утра мы съ Развозовымъ уже были на „Ермакѣ", а въ десять часовъ двадцать минутъ ушли въ море. Собрались мы настолько быстро, что нечего было и думать доставать что-нубудь теплое, кромѣ того, что было въ запасѣ. Мнѣ пришлось довольствоваться шведской курткой и шелковой сѣткой. Какъ на зло восьмого я всѣ свои деньги сплавилъ въ сберегательную кассу, оставивъ себѣ на расходъ около десяти рублей. Касса открывается только около десяти утра — пришлось оставаться съ тѣмъ, что было въ карманѣ. Однако я разсчитывалъ, что этого хватитъ; къ несчастію, въ Ревелѣ въ морскомъ собраніи была устроена торжественная встрѣча: пришлось покупать эполеты, портупеи и бѣлыя перчатки; въ общемъ, наказали насъ на девять рублей каждаго.

Сначала думали, что „Ермакъ" пробудетъ въ отлучкѣ около недѣли, но когда мы теперь попадемъ въ Кронштадтъ, одному Богу извѣстно. Жалѣть намъ не приходится, хотя служба довольно

---

*) С. Макаровъ въ своей книгѣ „Ермакъ во льдахъ" пишетъ въ дневникѣ отъ 8 марта: „Поздно вечеромъ ко мнѣ явились два мичмана, Развозовъ и Вырубовъ, и просили, чтобы я взялъ ихъ на какую угодно должность. Я охотно согласился на это, назначивъ ихъ вахтенными начальниками, и былъ ими очень доволенъ, такъ какъ они всюду поспѣвали и вездѣ умѣли быть полезными".

тяжелая, зато дѣйствительно, увидали много интереснаго и коечему научились.

До Ревеля пробивались сплошнымъ льдомъ. За туманомъ невозможно было опредѣлиться изъ за чего и шли двое сутокъ. Пароходы, изъ за которыхъ мы шли, увидали одиннадцатаго. Они, дѣйствительно, завязли основательно въ торосахъ отъ пятнадцати до двадцати пяти футъ толщиною, которые мы

На ледоколѣ „Ермакъ" (первый рядъ въ серединѣ—*С. О. Макаровъ*, направо *Ферзенъ*, налѣво *Васильевъ*; во второмъ ряду направо—первый *Развозовъ*, третій *Вырубовъ*).

взяли воистину молодецки въ нѣсколько часовъ, но зато намъ пришлось промучиться двое сутокъ, буксируя всю эту компанію въ семь штукъ по пробитому нами каналу. Сколько за это время нами разворочено пароходныхъ носовъ и порвано буксировъ, это просто уму непостижимо.

Адмиралъ и командиръ съ вахтеннаго мостика все это время не сходятъ; работаютъ они больше насъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ.

Въ Ревелѣ насъ встрѣтили оваціями. Биржевой комитетъ поднесъ серебряную братину съ чарками въ стилѣ рококо, очень изящной работы.

Морское и военное собраніе приглашали насъ нарасхватъ, но было весело и симпатично только въ собраніи Двинскаго полка. Насколько цѣнную услугу мы оказали своей работой, видно изъ того, что, напримѣръ, одинъ изъ пароходовъ „China“ имѣлъ грузомъ на шестьсотъ тысячъ рублей серебряной монеты, чеканеной во Франціи и какъ разъ онъ то и имѣлъ наибольшіе шансы погибнуть. Изъ Ревеля мы вывели еще восемь пароходовъ и ввели пять. Затѣмъ пошли въ Ганге, гдѣ погибала еще цѣлая компанія пароходовъ, но изъ-за тумановъ опять должны были вернуться къ Ревелю, гдѣ кстати ждала насъ новая партія пароходовъ. Завтра мы зайдемъ въ Ревель, чтобы узнать, въ какомъ положеніи пароходы у Гангѣ и затѣмъ, вѣроятно, пойдемъ ихъ спасать.

Живется въ общемъ очень недурно. Компанія на „Ермакѣ“ собралась просто на рѣдкость, начиная съ адмирала. Послѣ Кронштадтскаго сидѣнія служба, хотя и труднѣе, несется съ удовольствіемъ.

XXII.

КРОНШТАДТЪ. *30 апрѣля 1899 г.*

Загородная Гауптвахта.

Мое назначеніе на Тихоокеанскую эскадру можно считать состоявшимся, такъ, по крайней мѣрѣ, сказалъ мнѣ начальникъ штаба. Предписаніе и прогоны я, вѣроятно, получу уже на будущей недѣлѣ. Пароходъ отходитъ по измѣненному росписанію 17 мая, такъ что времени до отправленія у меня будетъ не особенно много. Вы спрашиваете, какое значеніе имѣетъ поверстный срокъ? Дѣло въ томъ, что со дня выдачи предписанія, вы обязаны въ 73 дневный срокъ быть на эскадрѣ. Пароходъ Добровольнаго флота идетъ около сорока дней, такъ что около 20 дней остается въ вашу пользу, но это только въ томъ случаѣ, если назначеніе состоялось за 20 дней до отхода. Мнѣ, напримѣръ, не удастся воспользоваться этимъ преимуществомъ, такъ какъ времени будетъ только въ обрѣзъ. Мнѣ кажется было бы лучше, если вы пріѣхали на этихъ дняхъ

сюда. Кстати мнѣ придется шить штатское платье и ваши совѣты будутъ далеко не лишними. Впрочемъ, я только тогда увѣрую, что назначеніе состоялось, когда получу 1070 рублей прогонныхъ, а до этого несмотря ни на какія увѣренія здѣшняго начальства, можетъ выйти какая-нибудь ерунда.

Выпускъ гардемаринъ 1898 года.
(въ верхнемъ ряду налѣво первый *Ждановъ,* второй *Вырубовъ*).

XXIII.

КРОНШТАДТЪ. *7 мая 1899 г.*

Мое назначеніе все никакъ не можетъ состояться окончательно, а идетъ черезъ часъ по столовой ложкѣ... Я уже отчисленъ съ броненосца „Адмиралъ Синявинъ", на которомъ плавалъ и мои счеты съ здѣшней эскадрой покончены; теперь все дѣло за предписаніемъ изъ Петербурга, которое мыкается по разнымъ инстанціямъ. Теперь нужно только желать, чтобы оно промыкалось тамъ до 15 мая: тогда вмѣсто 17 мая я выѣду 15 іюня и у меня будетъ мѣсяцъ отпуску.

Въ общемъ положеніе таково, что мнѣ невыгодно хлопотать до 15-го о скорѣйшемъ назначеніи, ибо, если оно состоится теперь, то придется летѣть сломя голову въ Одессу и въ Кіевѣ пробыть не болѣе двухъ сутокъ. Положеніе мое довольно странное: съ Кронштадтомъ почти всѣ счеты кончены, а въ Тихій еще не назначенъ; ужасно не люблю такую неопредѣленность, а то все было бы хорошо. Погода у насъ поправляется: сегодня надѣли бѣлые чехлы, а я даже и китель. Третьяго дня вернулись изъ заграницы „Герцогъ Эдинбургскій", „Джигитъ" и „Крейсеръ", послѣдній находился лѣтъ семь въ плаваніи: можете себѣ представить сіяющія рожи его офицеровъ, просто даже трогательно на нихъ смотрѣть. Черезъ три года будете имѣть случай видѣть и меня въ такомъ же настроеніи. Очень жаль, что Вы сюда не пріѣхали, теперь уже поздно, а если бы я Вамъ не писалъ Вы бы, навѣрное, были бы здѣсь. Я противъ преждевременныхъ сообщеній: гораздо было бы спокойнѣе и лучше, если бы я Васъ извѣстилъ, когда все уже было бы рѣшено окончательно. Пока до свиданія: надѣюсь мнѣ все таки удастся провести дней 20 съ Вами: право это уже потеря для казны не такая большая, въ виду послѣдующей трехлѣтней разлуки. Въ этомъ направленіи я теперь и буду хлопотать *).

---

*) Назначеніе состоялось и мичману Вырубову пришлось провести въ Кіевѣ лишь 2 дня и затѣмъ ѣхать черезъ Одессу на Дальній Востокъ.

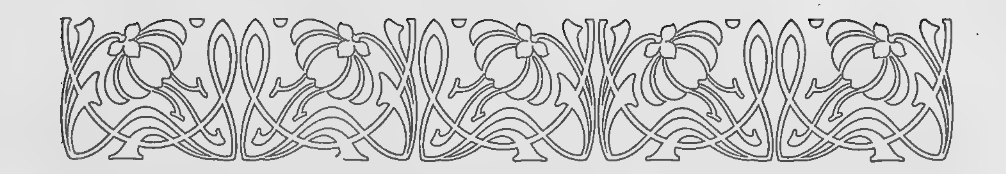
II.

Дальній Востокъ.

Китайская Компанія.

1899—1901.

XXIV.

34^0 19,5 N. *22 мая 1899 г.*
$2^0,^0$ 8' Ost.

Доброволецъ „Москва“.

Вотъ уже четверо сутокъ мы въ морѣ. Хотѣлъ прислать вамъ изъ Константинополя открытку, но почту уже не принимали. Завтра утромъ будемъ въ Портъ-Саидѣ, чѣмъ и пользуюсь для отправки писемъ. Въ общемъ на „Москвѣ“ оказалось лучше, чѣмъ я предполагалъ. Погода всѣ эти дни, кромѣ 20-го, стоитъ чудная; публика хотя и разношерстная, но довольно интересная; кормятъ хоть на убой, библіотека есть, чего же больше. Мой глазъ только теперь прошелъ окончательно, а то все пришлось пускать кокаинъ. Страшно грустно было, когда Одесса скрылась изъ глазъ, что произошло замѣчательно быстро. Послѣдними, кого я видѣлъ изъ нашей компаніи, были Володя и Гриша, забравшіеся на мостикъ англійскаго парохода. Когда „Москва“ вышла въ море, я все старался увидать васъ на молѣ, но даже герцовскому биноклю это было не подъ силу. Итакъ—прощайте на три года. Право, это мнѣ теперь кажется ужъ вовсе не такъ страшно, тѣмъ болѣе, что мнѣ кажется, вы заглянете къ намъ на Дальній Востокъ: судя по всему, это не такъ трудно, какъ кажется.

Константинополь мнѣ совсѣмъ не понравился: ужасно грязно да и живописнаго вида въ немъ не замѣчается; впрочемъ, можетъ быть, это вслѣдствіе отвратительной погоды и холода. Впервые пришлось облачиться въ штатское. Изъ кителя получилась очень приличная пара; особенно съ тропическимъ шлемомъ видъ былъ вполнѣ приличный. Если-бы вы видѣли, въ какомъ видѣ слѣзали

на берегъ остальные офицеры, не успѣвшіе еще разобрать свой багажъ. Мы какъ-то быстро перезнакомились и путешествовали по Константинополю большой компаніей, благодаря чему намъ обошлось все страшно дешево, что-то 6 р. 45 к., хотя завтракали въ лучшемъ ресторанѣ съ хорошими винами. Отоманскій музей производитъ жалкое впечатлѣніе. Соборъ Св. Софіи мнѣ очень понравился; несмотря на ободранный видъ, въ немъ много величественной красоты. Курьезное впечатлѣніе производятъ турецкіе студенты богословія, зубрящіе тутъ-же нараспѣвъ коранъ. Больше всего мнѣ понравились знаменитыя константинопольскія собаки; онѣ вполнѣ подходятъ подъ описаніе Гнѣдича. Вы, кажется, читали его описаніе поѣздки въ Константинополь. Турки всѣ почему-то имѣютъ ужасно сонный и апатичный видъ; бродятъ по улицамъ, какъ сонныя мухи, и клянчаютъ бакшишъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Я купилъ здѣсь только нѣсколько открытыхъ писемъ съ фотографіями: больше меня ничто не соблазнило, да и цѣны дерутъ страшныя. Простояли мы съ 7-ми утра до 5-ти дня, и все время погода была одно омерзеніе.

Вчера у насъ были первые похороны: у переселенцевъ умеръ отъ остраго малокровія пятилѣтній ребенокъ, а сегодня, кажется, за нимъ послѣдовалъ и еще одинъ. Ужасно тяжелое впечатлѣніе производитъ эта церемонія: ребенка, завернутаго въ парусину, съ открытымъ лицомъ, завернули, зашили; трупикъ положили на доску, которую на четырехъ веревкахъ опустили до самой воды; пароходъ круто положилъ руль, чтобы тѣло не попало въ винты, и доску сразу наклонили. Одна минута, и все было кончено.

Переселенцевъ у насъ вмѣстѣ съ казаками 1600 человѣкъ. Есть совсѣмъ слабые, такъ-что это, къ сожалѣнію, не послѣдній случай. Занятно присматриваться къ жизни всей этой массы: замѣчательныя бываютъ сцены.

XXV.

ИНДІЙСКІЙ ОКЕАНЪ. *4 іюня 1899 г.*

Добровoлецъ „Москва“.

Мы подходимъ къ Цейлону. Около 4-хъ ночи будемъ въ Коломбо, гдѣ и простоимъ около сутокъ, опять будемъ грузиться углемъ. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ этого берега: во первыхъ, какъ обѣщающаго быть болѣе интереснымъ, чѣмъ Портъ-Саидъ и Аденъ, и во вторыхъ, просто хочется послѣ шестидневной качки почувствовать себя на твердой землѣ. Отъ Одессы до Адена переходъ былъ полнымъ штилемъ: судьба насъ просто баловала: въ Красномъ морѣ безвѣтріе было даже тяжело, температура въ каютахъ достигала 27°, и мы буквально жарились въ собственномъ соку. Но, едва мы вышли въ океанъ, обогнувъ мысъ Гвардафуй, какъ попали въ свѣжій NWмусонъ, и насъ пошло валять. 30-го мая размахъ былъ уже свыше 40°. Къ моему удовольствію, качка на меня почти не дѣйствовала, и я себя чувствовалъ прекрасно, только аппетитъ былъ страшный, да спалось больше обыкновеннаго. Въ общемъ, и остальные пассажиры, за немногимъ исключеніемъ, чувствовали себя лучше, чѣмъ можно было ожидать; за то, правда, между ними было нѣсколько истинныхъ мучениковъ. Грандіозная штука океанская волна! Ничего подобнаго мнѣ до сихъ поръ видѣть не приходилось. Во всемъ остальномъ путешествіе не дало еще ничего особеннаго: акулъ не видѣли; когда къ намъ выкинулась на палубу летучая рыбка, то это оказалась самая обыкновенная плотва только съ крылышками, да и то плохенькими. У входа въ Аденскій заливъ показались самыя обыкновенныя чайки; изъ нихъ одну я убилъ въ летъ пулей изъ винтовки, чѣмъ былъ крайне удивленъ; стрѣлялъ шаговъ на 25 бездымнымъ порохомъ, и чайка свалилась, какъ пораженная молніей.

Плаваніе, въ общемъ, оказывается довольно тяжелымъ для непривыкшихъ къ судовой обстановкѣ: главнымъ образомъ, страдаютъ отъ жары, плохой вентиляціи каютъ и невозможности брать прѣсныя ванны; отъ соленыхъ у многихъ сдѣлалась такъ называемая тропическая сыпь, переходящая иногда въ форменные чирьи, причиняющіе громадныя страданія. Жертвой этой штуки сдѣлался нашъ милѣйшій подъесаулъ Захаръ Ивановичъ, сопровождающій эшалонъ переселяющихся казаковъ; бѣднягѣ пришлось слечь и

Коломбо, вѣроятно, ему не видать. Мнѣ лично было трудно привыкнуть спать при температурѣ 24°—27°, но теперь и это мнѣ далось. Порты до сихъ поръ нами посѣщенные особымъ интересомъ не отличались; особенно Портъ-Саидъ: это препаршивенькій городишко, расположенный на невѣроятнѣйшемъ сонцепекѣ, замѣчательный только тѣмъ, что на каждомъ шагу вамъ навязываютъ нецензурныя фотографіи, да въ магазинахъ прямо грабятъ. Что меня тронуло, это то, что здѣсь у чорта на куличкахъ черномазые жулики всячески стараются говорить по-русски: настолько насъ цѣнятъ здѣсь за нашу щедрость, а въ какихъ-нибудь ста верстахъ отъ Питера чухны изъ принципа пренебрегаютъ нашимъ языкомъ. Одна компанія вздумала отправиться на ослахъ въ арабскую деревню, но оттуда пришлось спасаться прямо бѣгствомъ, ибо ихъ моментально подхватили-бы съ самыми недвухсмысленными намѣреніями сотня арабокъ, похожихъ на что угодно, только не на женщинъ. Въ концѣ концовъ, въ Портъ-Саидѣ мы запаслись только лонгъ-шетими и тропическимъ платьемъ; больше покупать было нечего.

Все время нашего пребыванія на берегу, „Москва“ грузилась углемъ, и когда мы вернулись, наши каюты были въ ужасномъ видѣ: мелкая угольная пыль забралась черезъ герметически устроенные илюминаторы и испакостила рѣшительно все. Въ 5 ч. вечера мы снялись и вошли въ Суецкій Каналъ, которымъ и шли до слѣдующаго утра. Каналъ на видъ весьма невзраченъ: кругомъ пески и болото. Итти приходится самымъ малымъ ходомъ, чтобы не испортить дна. Утромъ въ Суецѣ сдали электрическую машинку и фонарь, которые обязательно берутся на прокатъ для ночного перехода каналомъ, и сейчасъ же пошли дальше. Переходъ Краснымъ моремъ продолжался до 28-го при жарѣ и безвѣтріи. Къ Адену подошли въ 9 ч. вечера; въ 10 ч. спустились на берегъ, гдѣ мы и пробыли до 2-хъ часовъ ночи. Благодаря тому, что царилъ глубокій мракъ, городъ оставилъ по себѣ недурное, нѣсколько таинственное впечатлѣніе, при дневномъ же освѣщеніи это говорятъ просто чортъ знаетъ что такое. Оригинальны сомалійцы лодочники, перевозившіе насъ съ „Москвы“, остановившейся гдѣ то далеко на рейдѣ. Эти эфіопы гребутъ для легкости въ полномъ дезабилье и при этомъ поютъ, но Боже, что это за пѣніе! Въ городѣ все уже было заперто. Поколесили немного въ экипажахъ; часть даже отправились за четыре версты къ цистернамъ, намъ же удалось разбудить одинъ изъ магазиновъ, гдѣ я между прочимъ

купилъ страусовое яйцо. Вчера не успѣлъ кончить письмо, кончаю на скорую руку, такъ какъ стали въ Коломбо и меня ждутъ на берегъ.

Каютъ-компанія крейсера I-го ранга „Рюрикъ"
въ Ноябрѣ 1900 года.
Во второмъ ряду съ права второй—*Вырубовъ*, четвертый—*Ждановъ*.

XXVI.

ВЛАДИВОСТОКЪ. *7 іюля 1899 г.*

Крейсеръ I-го ранга „Рюрикъ".

Извините, что такъ долго не писалъ, надѣюсь, что мое письмо съ парохода дошло благополучно. Уже полторы недѣли я во Владивостокѣ, какъ вамъ телеграфировалъ, назначенъ на крейсеръ I ранга „Рюрикъ" и уже началъ проходить служебную школу, по правдѣ сказать, довольно тяжелую, послѣ цѣлаго года почти полной свободы.

Переходъ на „Москвѣ" оставилъ во мнѣ самыя лучшія воспоминанія: насъ собралась небольшая, но теплая компанія, и мы проводили время превесело. Переходъ былъ очень покойный, намъ

прямо везло: кромѣ пятидневной несносной качки въ Индійскомъ океанѣ, мы не испытали никакихъ прелестей въ этомъ родѣ. Правда, въ Желтомъ морѣ мы рисковали попасть въ тайфунъ, но капитанъ его предвидѣлъ, взялъ на 1000 миль въ сторону и мы задѣли только кончикъ его крыла, что выразилось сравнительно небольшимъ штормикомъ. Совсѣмъ не то было бы, еслибы намъ не удалось его избѣжать; тотъ же тайфунъ настигъ „Екатеринославъ", стоявшій на бочкѣ на совершенно закрытомъ Нагасакскомъ рейдѣ; тотъ долженъ былъ отдать еще якорь и все время давать полный ходъ машинѣ, да и то едва отстоялся.

Изъ портовъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на меня произвели, безусловно, Нагасаки. Правда, въ Сингапурѣ чудная природа и безподобные виды: особенно хороши такъ называемые резервуары, оттуда проведена вода въ городъ, и куда мы ѣздили въ чудную лунную ночь, но все это не производитъ впечатлѣнія чего то необыкновеннаго, тогда какъ въ Японіи чувствуешь себя точно въ сказочной странѣ. Мы простояли въ Нагасаки всего сутки, такъ что познакомиться со страною пришлось только поверхностно, но впечатлѣній все-таки получилось масса. Въ одномъ только пришлось разочароваться, это въ красотѣ японокъ: рожи онѣ всѣ ужасныя, хорошенькихъ почти нѣтъ. Пріятно видать, что и здѣсь русскихъ цѣнятъ, масса говорящихъ по русски даже большинство вывѣсокъ на русскомъ языкѣ, и что всего удивительнѣе, совершенно правильно написаны. Мы цѣлой компаніей снялись. Группа вышла очень удачно, у меня она въ двухъ экземплярахъ, и я думаю одинъ прислать вамъ.

Въ Нагасакахъ наша компанія разбилась: остались ѣдущіе въ Шанхай и Артуръ, намъ же пришлось отправляться въ Владивостокъ, гдѣ теперь стоитъ эскадра. За этотъ переходъ командиръ „Москвы" содралъ съ насъ 47 р., вмѣсто доплаты 17 р. до полной цѣны билета. Нельзя сказать, чтобы Владивостокъ встрѣтилъ насъ привѣтливо: послѣ тропической жары мы попали въ такой туманъ и слякоть, передъ которымъ петербургская погода дѣтскія игрушки; по справкамъ оказалось, что уже двѣ недѣли не переставая идетъ дождь. Улицы здѣсь не мощеные, грунтъ глинистый, и вы можете себѣ вообразить, какой получается кисель. Правда, благодаря тому, что городъ расположенъ на горахъ, достаточно двухъ солнечныхъ дней, чтобы высушить самую отчаянную грязь. За все это время было какихъ-нибудь дня 3—4 ясныхъ, а то все сплошь туманы. Владивостокъ собственно городъ не большой, но благо-

даря тому, что онъ растянулся въ длину по одной улицѣ параллельно берегу, почти не имѣя улицъ, идущихъ въ глубину, концы здѣсь получаются по чище петербургскихъ, верстъ до шести.

Цѣны здѣсь прямо несуразныя и все на предметы первой необходимости, не говоря уже про то, что бутылка пива, напримѣръ, стоитъ 1 р. 20 к. Гостинница лучшая считается „Тихій Океанъ“, удобна только тѣмъ, что въ томъ же домѣ помѣщается театръ. Довольно недурно кормятъ, такъ что за одинъ день кормленія приходится расплачиваться семю днями лѣченія. Въ театрѣ даются опереточные и драматическіе спектакли. Видѣлъ „Корневильскіе колокола“, „Гаспоронъ“ и „Вторую молодость“. Драматическая премьерша здѣсь нѣкая Нинина-Петипа, антрепренерствуетъ Мирославскій, и въ труппѣ сильно замѣчается малорусскій элементъ жидовскаго происхожденія; собственно малорусскихъ спектаклей не дается.

26-го я явился на эскадру и былъ назначенъ на „Рюрикъ“; это одинъ изъ лучшихъ крейсеровъ нашего флота, да и передъ иностранными въ грязь лицомъ не ударитъ.

Первая дудка, которую я услыхалъ, была „актеры наверхъ, во фронтъ“. Оказывается, здѣсь при учебной командѣ сибирскаго экипажа имѣется правильно организованный матроскій театръ, и, какъ говорятъ, играютъ они не дурно. Офицеровъ у насъ на крейсерѣ большой недостатокъ, и меня съ мѣста въ карьеръ запрягли: всѣ мои обязанности, перечисленные въ приказѣ, заняли цѣлую страницу, кромѣ того, я назначенъ дѣлопроизводителемъ корабельнаго суда, и за неимѣніемъ офицеровъ въ сибирскомъ экипажѣ, назначенъ въ число 4-хъ мичмановъ съ эскадры обучать новобранцевъ. На это уходитъ почти цѣлый день, кромѣ субботы и воскресенья, когда занятій нѣтъ. Жалованья за первый мѣсяцъ выдали всего 123 р., изъ оныхъ вычли на каютъ-компанію 76, такъ что когда я расплатился съ гостинницей, у меня осталось въ карманѣ 8 руб. почему я вамъ и телеграфировалъ, прося перевести денегъ. Правда, слѣдующіе мѣсяцы я буду получать около 190 р., но вычеты за каютъ-компанію возрастутъ до 100 р., ниже чего они здѣсь обыкновенно не бываютъ, благодаря экстреннымъ расходамъ, которые здѣсь суть собственно расходы хроническіе, вслѣдствіе необходимости чествовать иностранцевъ; какъ видите, въ денежномъ отношеніи я промѣнялъ кукушку на ястреба. Каютъ-компанія у насъ очень милая, тамъ только живутъ не въ ладахъ съ старшимъ офицеромъ, ну да онъ кончилъ цензъ, и его скоро уберутъ. Каюты

я еще пока не получилъ и помѣщаюсь временно въ чужой каютѣ, за неимѣніемъ свободной, но на дняхъ перебираюсь. Въ общемъ, живется ничего, хотя страшно чувствуется одиночество, не будь я постоянно занятъ, тоска была бы страшная; съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ извѣстій; къ сожалѣнію, вѣроятно, первыя письма попадутъ въ Артуръ, и я ихъ получу не сразу; впрочемъ, корреспонденцію здѣсь пересылаютъ.

XXVII.

ВЛАДИВОСТОКЪ. *14 августа 1899 г.*

Крейсеръ „Разбойникъ".

Теперь я плаваю на крейсерѣ II ранга „Разбойникъ", который только недавно сюда пришелъ, обогнувъ Южную Америку Магелановымъ проливомъ; при эскадрѣ онъ состоитъ учебнымъ кораблемъ, и я плаваю смѣннымъ начальникомъ съ I смѣною учениковъ квартирмейстеровъ, т. е. по сухопутному, унтеръ-офицеровъ. Это назначеніе въ высшей степени для меня полезно, такъ какъ лучшей школы для самого себя трудно и придумать: поневолѣ, приходится работать и самому, когда надо въ пять недѣль приготовить къ экзамену на унтеръ-офицера 17 человѣкъ, посвятивъ ихъ во всѣ тонкости морского дѣла.

Живется очень хорошо. Правда, помѣщеніе у насъ отвратительное, особенно послѣ „Рюрика", но зато компанія подобралась теплая, жаль только, что свободнаго времени мало. Занятія у насъ идутъ такъ: въ понедѣльникъ снимаемся съ якоря и уходимъ въ какую-нибудь бухту, не особенно удаленную отъ Владивостока, гдѣ и занимаемся рейдовыми ученіями отъ восьми утра до восьми вечера; занятія кончаются въ пятницу къ четыремъ часамъ дня, и мы идемъ во Владивостокъ до слѣдующаго понедѣльника; кромѣ того, два дня въ недѣлю посвящаются крейсерству подъ парусами. Бухты здѣсь очень живописныя, дичи пропасть, и мы, по возможности, ходимъ на охоту. Я купилъ себѣ дробовикъ, 6-ти зарядный Винчестеръ, наиболѣе здѣсь распространенный типъ. На этой недѣли мы во Владивостокъ, вѣроятно, не пойдемъ, и у насъ проэктируется въ свободные дни охота.

Перваго августа эскадру принялъ отъ Дубасова Гильдебрантъ, поднялъ свой флагъ на „Рюрикѣ“ и ушелъ въ Артуръ, а сегодня экстренной телеграммой потребовалъ туда „Азовъ“, „Мономахъ“, „Корниловъ“ и „Манджуръ“. Ихъ, вѣроятно, назначатъ станціонерами въ различные корейскіе и китайскіе порты нести карантинную службу, по случаю появленія чумы. На „Рюрикѣ“ путешествуетъ все мое имущество, такъ какъ по окончаніи занятій я буду опять тамъ, что собственно жалко: „Разбойнику“ предстоитъ плаванье болѣе интересное, и ужъ навѣрно не придется отстаиваться по восьми мѣсяцевъ въ Артурѣ. Въ денежномъ отношеніи плавать на „Разбойникѣ“ пока выгоднѣе: нѣтъ безумныхъ вычетовъ на каютъ-компанію. Денегъ я пока еще не получилъ. Сегодня зайду въ банкъ узнать, не пришли ли онѣ. Да теперь онѣ мнѣ особенно не нужны: іюнь я высидѣлъ буквально безъ гроша, даже на берегъ не ѣздилъ; зато перваго августа получилъ сразу 317 р., т. е. жалованье за май, іюнь, іюль и морское довольствіе за августъ. Сейчасъ же было пріобрѣтено ружье и проэктируется покупка другого. Конечно, такая благодать больше не повторится, но во всякомъ случаѣ, жить можно.

Мнѣ гораздо больше нравятся стоянки въ дикихъ бухтахъ: природа здѣсь чудная, и время проходитъ куда веселѣе, чѣмъ во Владивостокѣ. Занятные типы здѣшніе піонеры. Мнѣ пришлось быть во время стоянки въ заливѣ „Стрѣлокъ“, въ одномъ здѣшнемъ крупномъ имѣніи: это цѣлый островъ въ три тысячи десятинъ, принадлежитъ онъ частію купцу Старцеву, а частью арендуется на 99 лѣтъ (по 15 к. десятинъ 2000). Дѣятельность идетъ прямо лихорадочная: тамъ и скотоводство, и конный заводъ, кирпичный заводъ и угольныя копи, пробуютъ разводить табакъ и еще не знаю что. Но что всего удивительнѣе—не замѣчается стремленія истребить всякую поэзію у мѣстности, наоборотъ, прехорошенькая усадьба съ отличнымъ садомъ. Къ сожалѣнію, здѣсь очень трудно получать большіе земельные участки: прежде земля широко раздавалась въ аренду и продавалась чиновникамъ, но они такъ безбожно эксплоатировали мѣстное населеніе, нисколько не работая въ пользу края, что у нихъ землю отобрали и выдачу прекратили.

Нравы здѣсь довольно жестокіе: разбои не рѣдкость, населеніе поголовно вооружено, да и не мудрено: всякій китаецъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, манза, когда у него нѣтъ денегъ,—хунхузъ и не прочь обобрать слабаго, сильныхъ же не трогаютъ. Хо-

роши, впрочемъ, и корейцы: недавно около Славянки замучили до полусмерти корейку, служившую у кого-то изъ полицейскихъ чиновъ, только за то, что она служила у русскаго.

Не знаю, что будетъ дальше, но пока очень интересно; тяжело только, когда вспомнишь, какъ далеко забрался отъ всѣхъ близкихъ, да еще когда долго не получаешь извѣстій. Что то у васъ дѣлается? Вѣсти сюда доходятъ такъ поздно, не менѣе мѣсяца, и очень не аккуратно. Пишите чаще: извѣстный процентъ писемъ пропадаетъ, особенно при моемъ довольно неопредѣленномъ адресѣ. Не знаю какъ у васъ, но насъ здѣсь прямо извели дожди: за все время мы не имѣли въ общей сложности десяти ясныхъ дней; когда это кончится —неизвѣстно.

XXVIII.

ВЛАДИВОСТОКЪ. *16 сентября 1899 г.*

„Разбойникъ“.

Ваше длинное письмо и фотографію я получилъ недѣли полторы тому назадъ. Мы теперь стоимъ поднятыми на гидравлическомъ докѣ, и оканчиваемъ свои дефектныя работы. Около 22-го мы должны ихъ окончить, принять вторую смѣну учениковъ и начать 2-е 5-ти недѣльное учебное плаваніе. Послѣ окончанія занятій съ учениками, что произойдетъ въ началѣ ноября, я, по всей вѣроятности, буду опять переведенъ на „Рюрикъ“, хотя меня могутъ ожидать и какіе-нибудь служебные сюрпризы, вродѣ мыканья по всевозможнымъ суднамъ эскадры. Живется очень недурно: я здѣсь вполнѣ аклимитизировался и пока не особенно скучаю.

Прошлое воскресенье ѣздили на охоту на дикихъ козъ на Русскій островъ (около Владивостока); я убилъ козу. Ходилъ съ трехлинейнымъ Винчестеромъ, стрѣляющимъ пулями въ родѣ пресловутыхъ думъ-думъ. Мнѣ впервые пришлось познакомиться на практикѣ съ дѣйствіемъ современной пули; оно, по истинѣ, ужасно: несчастная коза получила три пули; первую на вылетъ въ переднія лопатки съ разстоянія около тридцати шаговъ, вторую въ догонку въ задъ шаговъ на пятьдесятъ и третью въ голову, чтобы добить почти въ упоръ; конечно, за глаза было до-

вольно первой пули, разрушившей совершенно оба легкихъ и имѣвшей выходное отверстіе въ кулакъ; удивительно, какъ она могла съ такой раной еще удирать; вторая пуля обратила буквально въ кисель всѣ внутренности области живота, а третья, пущенная изъ состраданія, оставила о головѣ одно пріятное воспоминаніе.

Занятно думать, что въ случаѣ войны съ Англіей просвѣщенные мореплаватели будутъ палить въ насъ снарядами еще болѣе совершенными. Охота вышла замѣчательно удачной. Ѣздили съ ночовкой, и отъ четырехъ часовъ утра до семи вечера я провелъ въ непрестанномъ лазаніи по всевозможнымъ трущобамъ, правда, дьявольски живописнымъ. Кромѣ козы еще убилъ серну причемъ стрѣлять пришлось шаговъ на двѣсти по одной ея головѣ, и пер-

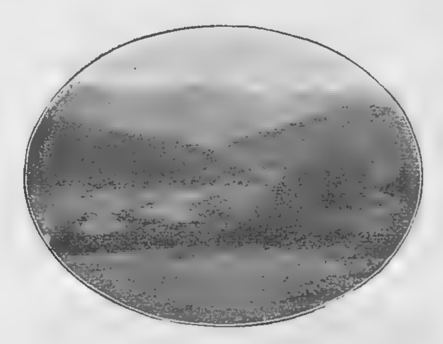

Деревня около Мозампо.

вая же пуля попала. Жалко, что такое удовольствіе, за недостаткомъ времени, можно себѣ доставлять чрезвычайно рѣдко. Оружія у меня все прибавляется и прибавляется; на очереди еще покупка автоматической винтовки Маузера, которая скоро здѣсь будетъ получена. Фонографъ мой не бездѣйствуетъ: я купилъ къ нему около тридцати новыхъ валиковъ. Къ сожалѣнію, выборъ валиковъ неважный, русскихъ вещей совершенно нѣтъ: все больше отвратительное нѣмецкое пѣнье. Хорошо бы, если бы вы попробовали прислать по почтѣ или добровольцами.

Думаю теперь начать заниматься науками и отъ оружія перейду къ книгамъ. Пока мы стоимъ въ русскихъ портахъ, особенно въ милѣйшемъ Артурѣ, на берегу дѣлать почти нечего и, чтобы окончательно не погибнуть отъ лѣни и скуки, поневолѣ приходится заниматься. Относительно книгъ здѣсь довольно сносно: есть книжный магазинъ Зензиновыхъ, черезъ который можно вы-

писывать, что угодно. Вообще, жизнь здѣсь на берегу должна быть не легка: предметы первой необходимости дороги, про такіе предметы, какъ офицерскія вещи и говорить нечего: дрянь страшная, и дерутъ въ трое. За то патроны и оружіе значительно дешевле, чѣмъ въ Россіи.

Видъ около Мозампо.

XXIX.

ВЛАДИВОСТОКЪ. *19 ноября 1899 г.*

„Рюрикъ".

Порядочно давно вамъ не писалъ, за что и прошу прощенья, тѣмъ болѣе, что имѣю массу смягчающихъ вину обстоятельствъ. Телеграмму о смерти бабушки получилъ по возвращеніи изъ Мозампо на „Разбойникѣ". Царство ей небесное; ужасно все таки грустно знать, что однимъ близкимъ человѣкомъ, хотя и за тысячу верстъ, меньше. Я все таки не думалъ, что смерть наступитъ такъ скоро, хотя, конечно, уже не надѣялся больше увидаться съ бабушкой.

Изъ Мозампо мы вернулись совершенно случайно только для того, чтобы сдать учениковъ на эскадру, послѣ чего меня перевели обратно на „Рюрикъ", а „Разбойникъ" сейчасъ же ушелъ обратно въ Фузанъ. Вообще, если хотите слѣдить за моими плаваніями, купите карту Кореи и Японіи въ крупномъ масштабѣ и обратите вниманіе на порта: Фузанъ, Гензанъ, Мозампо, Чемульпо и Мокпо, изъ японскихъ портовъ—Нагасаки; около этихъ портовъ мы, къ несчастію, будемъ долго вертѣться. Особенно замѣчательно Мозампо, ибо къ нему уже тянется наша загребущая лапа, и если

только у насъ съ Японіей будетъ война, то именно изъ за этого порта.

Тяжелое было плаваніе на „Разбойникѣ", но зато школа была отличная, и я ужасно радъ, что былъ туда назначенъ; разставаться съ нимъ мнѣ было страшно грустно; наша каютъ-компанія сжилась за эти мѣсяцы въ одну семью, да и самый корабль сталъ точно роднымъ. Мои ученики сдали экзаменъ отлично, и даже въ моей смѣнѣ оказался выдержавшій лучше всѣхъ. На „Разбойникѣ" выяснились мои мореходныя качества: оказалось, что и въ здоровенную трепку, въ которую мы попали при переходѣ въ Мозампо, меня не укачивало, и чувствовалъ я себя отлично.

Пресловутое Мозампо чудная бухта на южномъ берегу Кореи, миляхъ въ 40 отъ Фузана, порта, открытаго для иностранцевъ;

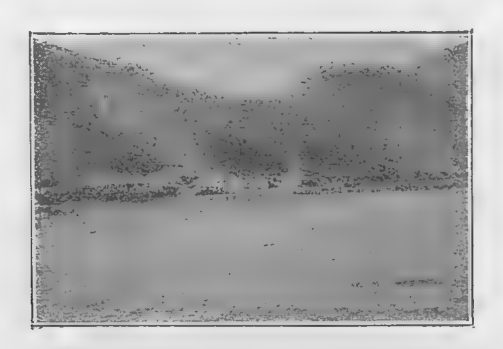

Корейскія хаты въ Мозампо.

стратегическое его положеніе очень выгодное и занять его намъ рано или поздно придется, чтобы открыть себѣ выходъ изъ Японскаго моря. У насъ уже пріобрѣтены тамъ участки земли, и будутъ устраиваться склады; теперь мы держимъ въ Мозампо стаціонера и не намѣрены давать японцамъ возможность что-либо устраивать.

Въ Фузанѣ у насъ вышли непріятности съ японцами: толпа ихъ рабочихъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ напала на 20 человѣкъ матросовъ съ миннаго крейсера „Гайдамакъ", и тѣ едва спаслись; надо отдать справедливость японской полиціи: она вела себя въ этомъ дѣлѣ безукоризненно и много помогла нашимъ; теперь по этому дѣлу производится слѣдствіе, и, вѣроятно, у японцевъ потребуютъ удовлетворенія.

У насъ на эскадрѣ напущена теперь какая то таинственность, и заранѣе у насъ рѣшительно ничего не извѣстно: о томъ, что завтра ѣдемъ въ Нагасаки, мы узнали сегодня только благодаря тому, что у насъ есть въ госпиталѣ больной офицеръ, котораго надо взять съ собою. Напримѣръ, 15-го мы себѣ мирно обѣдали, вдругъ съ вахты передаютъ по телефону, что съ адмирала сигналъ „Рюрику“ приготовиться къ походу завтра къ $7^1/_2$ час. утра (дѣло было въ 6 час. вечера) и о назначеніи ни слова. Только 16-го, когда мы уже снялись съ бочки, выяснилось, что мы просто для чего то должны осмотрѣть море и на другой день вернуться, что мы и выполнили, сдѣлавъ переходъ около 300 миль, и сожгли тысячи на три угля. Тайна была настолько строга, что ни младшій флагманъ, ни штабные, никто ничего не зналъ, и удивленіе было всеобщее.

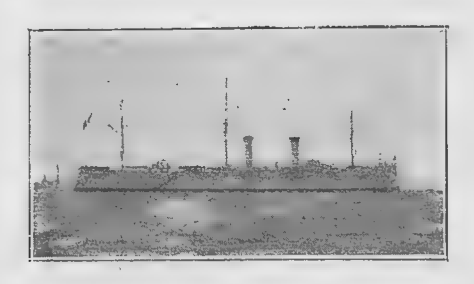

Деревушка около Мозампо.

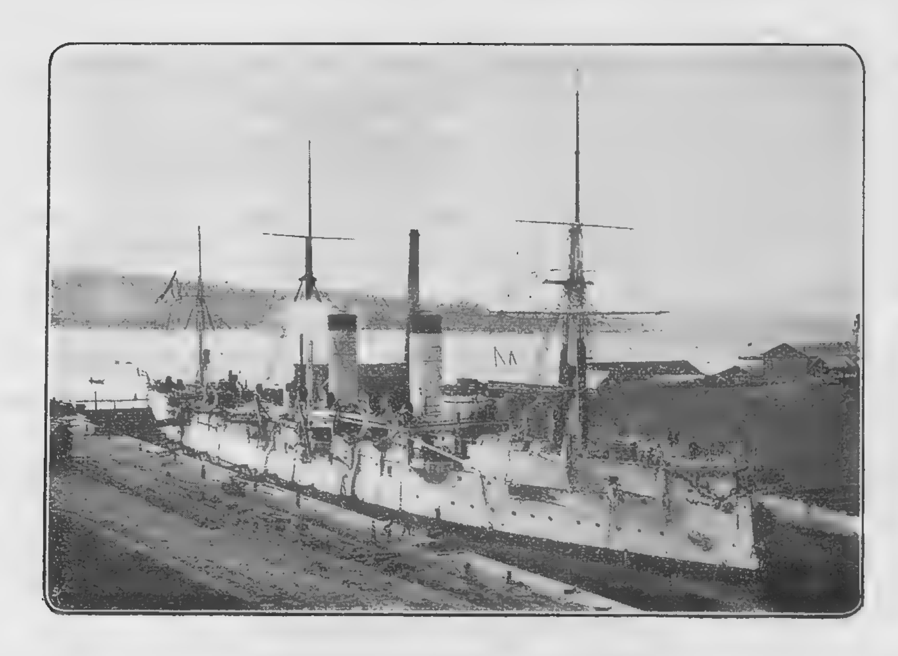
Такою же неизвѣстностью покрыто и дальнѣйшее наше назначеніе послѣ Нагасаки; извѣстно только, что, вѣроятно, около 10 декабря эскадра соберется въ Артурѣ, гдѣ ей будетъ дѣлать смотръ Алексѣевъ. Въ началѣ ноября вернулся изъ сѣвернаго плаванія на „Якутѣ“ Вадимъ (Ломанъ), онъ теперь попалъ на „Забіяку“, который будетъ служить яхтой Алексѣева, и мы съ нимъ, вѣроятно, будемъ часто видѣться въ Артурѣ. Пока мнѣ здѣсь живется хорошо: въ службу я втянулся и чувствую себя превосходно. Жизненныя удобства на „Рюрикѣ“ послѣ „Разбойника“ кажутся удивительными,—до чего привыкъ жить въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Когда я свыкнусь съ здѣшней каютъ-компаніей, и она мнѣ будетъ настолько же родной, какъ каютъ-компанія „Разбойника“, будетъ житься еще лучше. Я надѣюсь, что эти три года пройдутъ незамѣтно, и мы не замѣтимъ, какъ прійдетъ время, когда мы съ вами

снова увидимся. Ужасно давно я не получалъ вашихъ писемъ, боюсь, не пропали ли они гдѣ-нибудь по дорогѣ. Я просилъ одного изъ Разбойницкихъ офицеровъ, уѣзжавшаго въ Россію, лейт. Пилкина, зайти къ вамъ въ Кіевѣ: онъ изъ Одессы собирался ѣхать на Москву, и разсказать про наше житье-бытье; не знаю, былъ ли онъ. Это мой большой пріятель, списался онъ съ „Разбойника“ къ нашему общему сожалѣнію, но плаваніе ему въ здѣшнемъ климатѣ невозможно; послѣ плеврита, перенесеннаго въ Могелановомъ проливѣ, грудь у него сильно не въ порядкѣ. Пишите, не лѣнитесь, право, у насъ получать письма настоящій праздникъ. Скоро будетъ готова Сибирская дорога, жду васъ тогда непремѣнно; эскадра стоитъ обыкновенно лѣтомъ во Владивостокѣ. Этой осенью ожидается много офицеровъ моего выпуска, они уже теперь, навѣрно, вышли изъ Кронштадта, такъ что у насъ будетъ еще веселѣе. Что подѣлываютъ братья, какъ поживаетъ Лиля?

Очковъ, напримѣръ, достать совершенно невозможно, и если моя единственная пара разобьется, то замѣнить будетъ нечѣмъ. Отъ жалованья за всѣми вычетами я получаю около 80 рублей, но на „Рюрикѣ“ врядъ ли удастся получить столько; этихъ денегъ, конечно, на здѣшнюю жизнь мнѣ хватитъ; интересно, какъ-то будетъ въ иностранныхъ портахъ. Эти пять недѣль предстоитъ довольно тяжелое плаваніе, ибо назначено на самое мерзѣйшее время года, хотя многое зависитъ отъ адмирала: въ его власти отправить насъ куда-нибудь на югъ, только врядъ ли онъ будетъ такъ любезенъ. Эскадра собирается скоро уходить изъ Владивостока, но куда пойдутъ еще неизвѣстно. Нашъ „Разбойникъ“ въ отдѣльномъ плаваніи и, вѣроятно, останется на сѣверѣ одинъ. Холода для широты Италіи здѣсь порядочные, не уступятъ нашимъ россійскимъ. Пишу, стоя на вахтѣ въ шведской курткѣ и мерзну, какъ собака. Когда то теперь получу отъ васъ извѣстіе, что у васъ теперь дѣлается?

„Рюрикъ“.

„Рюрикъ“ въ сухомъ докѣ.

XXX.

ПОРТЪ-АРТУРЪ. *23-го февраля 1900 г.*

„Рюрикъ“.

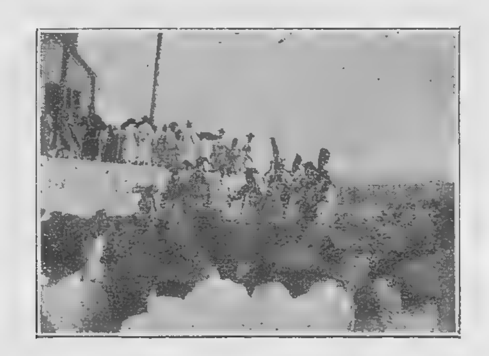
Христосъ Воскресе!

Немного странно начинать христосываться съ первой недѣли Великаго поста, да что дѣлать, чего добраго и такъ письмо прійдетъ, пожалуй, послѣ Пасхи. Уже вторую Пасху намъ съ вами приходится встрѣчать врозь. Давай Богъ, чтобы намъ поскорѣе удалось христосоваться не съ разстоянія въ 14,000 верстъ и не за два мѣсяца до праздника.

Жизнь у насъ идетъ крайне однообразно: эскадра обречена гнить въ Портъ-Артурѣ; да будетъ проклятъ тотъ день и часъ, когда мы заняли эту трущобу. Въ смыслѣ обстановки, спокойствія и удобствъ службы на кораблѣ, желать лучшаго трудно. Я теперь уже штатный вахтеный начальникъ, т. е. достигъ предѣла возмож-

наго для неспеціалиста; получаю въ мѣсяцъ уже 280, но съ великимъ удовольствіемъ все это брошу и пойду тянуть лямку учебнаго плаванія на „Разбойникѣ“, гдѣ, по крайней мѣрѣ, буду плавать, а не прозябать.

Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ въ нашемъ безотрадномъ существованіи была мѣсячная отлучка изъ Артура, съ 20 января по 16 февраля; двѣ недѣли мы простояли въ Мозампо, 8 дней въ Нагасаки, а остальное время ушло на переходы. Въ Мозампо я началъ заниматься фотографіей. Вообще, фотографія у насъ пошла какъ-то сразу въ ходъ; послѣ продолжительнаго застоя, защелкали сразу въ три аппарата. Природа въ Мозамно довольно красивая, но растительность довольно неважная. Мы цѣлыми днями рыскали по горамъ, и несмотря на полную дикость и необитаемость мѣстъ, жилось куда веселѣе, чѣмъ въ Артурѣ. Съ корей-

Любопытные корейцы.

цами жили въ большой дружбѣ: за все время стоянки не было ни одного недоразумѣнія, уваженіе съ ихъ стороны было полное, доходило даже до курьезовъ: на моей вахтѣ какъ то толпа корейцевъ просилась осмотрѣть крейсеръ. Такъ какъ это разрѣшалось, то я ихъ пустилъ, и они начали съ того, что поднесли мнѣ огромную пѣгую кошку, самаго отвратительнаго вида... едва удалось отклонить такой трогательный даръ.

Вообще, корейцы страшно любопытны, это, кажется, основная черта ихъ національнаго характера: на наши суда они являются толпами только для того, чтобы поближе посмотрѣть эти диковинки. Безобидность ихъ полная; мы смѣло забираемся во внутрь страны безъ револьверовъ, чего не рискнули бы сдѣлать во Владивостокѣ.

Нагасаки промелькнули для насъ свѣтлымъ видѣніемъ и опять скрылись надолго. Конечно, за эти 8-мъ дней мы постарались получить все, что только можно за такой короткій промежутокъ времени, еще значительный уменшенный стояніемъ на пяти вахтахъ. Жаль, въ Нагасаки удалось сдѣлать мало снимковъ: городъ считается въ числѣ укрѣпленныхъ районовъ и снимать надо очень осторожно, рискуя нарваться на непріятность; съ большой камерой работать нечего и думать: сейчасъ же за вами увязывается полисменъ.

Неприглядным показался намъ по возвращеніи Артуръ, встрѣтившій насъ въ добавокъ снѣжной пургой. Восемнадцатаго здѣсь былъ маскарадъ, изъ за котораго насъ собственно сюда и вытребовали. Я въ одинъ день судовыми средствами соорудилъ себѣ костюмъ инквизиціоннаго палача, вышедшій довольно удачнымъ. Было довольно весело, благодаря удачно подобравшейся компаніи. На этой недѣлѣ мы говѣли, а со второй недѣли начнутся усиленныя занятія, а затѣмъ къ началу навигаціи отправимся во Владивостокъ, гдѣ и завязнемъ до осени. Сегодня пришла „Москва“, на ней и пойдетъ это письмо. Вообще, рекомендуется присылать елико возможно больше фотографій: для нашего брата это великое дѣло: при нашемъ печальномъ настоящемъ, жить приходится только прошедшимъ и будущимъ.

Видъ въ Чемульпо.

Видъ въ Чемульпо.

XXXI.

ЧЕМУЛЬПО. *25 марта 1900 г.*

„Рюрикъ".

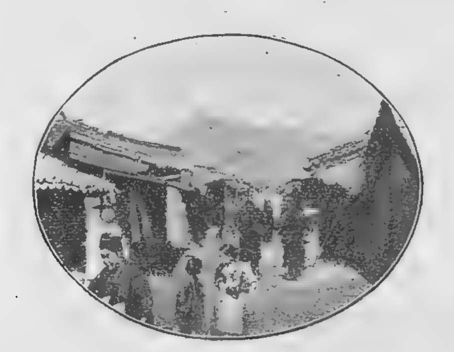
Пишу Вамъ изъ Чемульпо, гдѣ мы уже выстаиваемъ третью недѣлю и не знаемъ, когда будетъ конецъ нашему стоянію. Чемульпо—это портъ на западномъ берегу Кореи, одинъ изъ ея первыхъ открытыхъ портовъ, отъ него до столицы Сеула около 50 верстъ, изъ нихъ около 40 желѣзной дороги. Вышли изъ Артура мы по обыкновенію неожиданно и весьма таинственно: наканунѣ ухода мы объ немъ и не подозрѣвали. Первую недѣлю адмиралъ провелъ цѣликомъ въ Сеулѣ, гдѣ устраивалъ съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Павловымъ какія то политическія аферы и представлялся Корейскому императору. На этотъ разъ, кажется, наше дѣло выгорѣло: по послѣднимъ извѣстіямъ, и мы пріобрѣли землю въ Мозампо.

Мы дважды ѣздили въ Сеулъ, я снялъ нѣсколько фотографій. Первый разъ мы поѣхали цѣлой толпой, въ 11 душъ, второй разъ были вдвоемъ. Отъ Чемульпо до Сеула желѣзная дорога не доходитъ: останавливается у станціи Nodol, откуда надо путешествовать еще около 10 верстъ тремя способами: въ вагонеткахъ, которыя тащатъ корейцы, на лодкѣ черезъ рѣку и, наконецъ, по электрической конкѣ.

По правдѣ сказать, я ожидалъ отъ Сеула худшаго; городъ оказался довольно приличнымъ, конечно, ничего общаго съ евро-

пейскими городами не имѣетъ, но это даже лучше. Особенно меня поразила ширина главныхъ улицъ—чуть не шире Невскаго; по большинству изъ нихъ ходитъ электрическая конка, очень похожая на нашу кіевскую; улицы, правда, не мощенныя, но зато хорошо устроенныя и очень хорошо содержатся, благодаря отсутствію ѣзды на лошадяхъ.

Благодаря любезности одного изъ секретарей миссіи, намъ удалось осмотрѣть одинъ изъ дворцовъ, тотъ самый, въ которомъ была убита королева. Дворцомъ здѣсь называется не отдѣльное зданіе, а цѣлая громадная усадьба, заключающая въ себѣ массу отдѣльныхъ построекъ, садовъ, дворовъ, пропасть всякихъ службъ;

Улица въ Сеулѣ.

даже имѣется прудъ, не говоря уже про колодцы и каналы; все это вмѣстѣ настоящій лабиринтъ, обнесенный здоровеннѣйшими стѣнами съ воротами и башнями. Такихъ дворцовъ нѣсколько и помѣщаются они, несмотря на громадность сооруженій, въ самомъ городѣ. Меня удивляетъ, какъ это японцамъ удалось добраться до королевы, которая была убита въ одной изъ безчисленнѣйшихъ служительскихъ коморокъ; навѣрно, были участники изъ своихъ домашнихъ. Объ архитектурѣ можете приблизительно судить по фотографіямъ; у меня снятъ одинъ изъ филіалей, вся эта огромная штука вмѣщаетъ только одинъ аудіенцъ—залъ. Жаль, на фотографіи трудно получить всю пестрораскрашенную рѣзьбу, которая и есть суть всей постройки. Внутри, какъ отдѣльныхъ залъ, такъ и жилыхъ помѣщеній, особаго убранства нѣтъ, замѣчательны только чудныя цыновки, которыми Корея славится.

Въ городѣ, конечно, пропасть японцевъ, въ рукахъ которыхъ всѣ крупныя торгово-промышленныя предпріятія. Въ настоящее время японцы ведутъ изысканія и скоро приступятъ къ постройкѣ

Сеулъ-Фузанской желѣзной дороги, которая пройдетъ вдоль всего полуострова. Вообще, видно, что мирное завоеваніе Кореи японцами въ недалекомъ будущемъ придется считать совершившимся фактомъ—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ переполненія самой Японіи.

Вся эта безконечная политическая канитель всѣмъ намъ здорово надоѣла; она то собственно и есть причина всей нашей скуки, ибо уничтоживъ осмысленное и интересное плаваніе добраго стараго времени, ничего намъ въ замѣну, кромѣ утомительныхъ и однообразныхъ стоянокъ по всевозможнымъ или, вѣрнѣе, невозможнымъ трущобамъ, не дала. Благодаря этой стоянкѣ, я не получилъ обѣщанныхъ вами послѣдней телеграммой писемъ, которыхъ

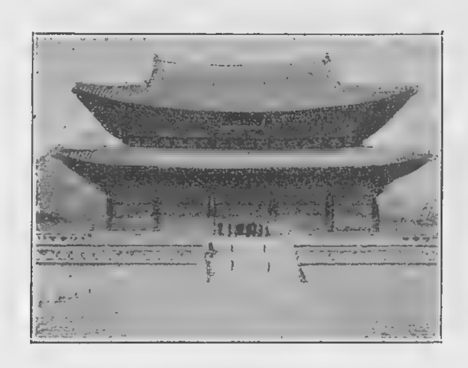
Во дворѣ гостинницы въ Сеулѣ.

жду съ вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ. Тяжело видѣть, какъ ежедневно наши офицера получаютъ цѣлые вороха писемъ. Я вамъ обыкновенно пишу разъ въ мѣсяцъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

Мы, вѣроятно, скоро пойдемъ во Владивостокъ, гдѣ два мѣсяца простоимъ въ докѣ: будемъ смѣнять валы и произведемъ другія капитальныя работы по корпусу. Владивостокъ хорошъ въ томъ отношеніи, что можно много гулять на берегу, если только не помѣшаютъ дожди, которые имѣютъ злое обыкновеніе итти тамъ чуть не каждый день съ мая по іюль включительно; особенно удалась въ этомъ отношеніи прошлогодняя стоянка, будемъ надѣяться, что и въ этомъ году природа намъ улыбается.

Окрестности Владивостока очень живописны и тамъ можно совершать чудныя прогулки; сообщеніе съ берегомъ въ высшей степени удобное, не то, что здѣсь, въ Чемульпо, гдѣ мы стоимъ, благодаря 30 футовому приливу, за три мили. Недостатокъ моціона послѣднее время ужасно всѣмъ чувствителенъ. За неимѣніемъ

лучшаго, катаемся цѣлыми часами по палубѣ на велосипедахъ и завели себѣ байдарки.

Аудіенцъ-залъ во дворцѣ.

XXXII.

ПОРТЪ-АРТУРЪ. *16 апрѣля 1900 г.*

Вы не можете себѣ вообразить, какъ тяжело бываетъ видѣть огромную почту, иногда даже самому принимать ее, стоя на вахтѣ, и не получать ни строки, видя, что прочая публика получаетъ штукъ по пяти писемъ. Къ страстной недѣлѣ мы пришли сюда изъ Чемульпо; послѣ очертѣвшей намъ всѣмъ трехънедѣльной стоянки первый разъ подходимъ къ Артуру съ удовольствіемъ. Ожидалъ большую почту, а также думалъ застать на рейдѣ давно жданный изъ Россіи новый броненосецъ „Петропавловскъ", однако разочарованіе было полное: ни писемъ, ни Петропавловска. Пасха прошла довольно безцвѣтно. Ознаменовалась только усиленнымъ пьянствомъ среди нижнихъ чиновъ да и у господъ офицеровъ не безъ грѣха. „Рюрикъ" встрѣчаетъ первую Пасху въ Артурѣ; до сихъ поръ ему все везло: приходилось на праздникахъ стоять въ Нагасаки; церковь тамъ обыкновенно утопаетъ въ цвѣтахъ и зелени, а здѣсь мы не могли найти ни цвѣтка, вмѣсто вербы привезли изъ Чемульпо какихъ-то зеленыхъ хлыстовъ, да и то хорошо: здѣсь и этого нѣтъ.

Послѣ завтра у насъ начинаются маневры; будемъ высаживать войска и брать Артуръ; я участвую въ десантѣ командиромъ полуроты. Придется, вѣроятно, дня два провести въ походѣ на берегу; думаю взять съ собой аппаратъ. Маневры вносятъ въ нашу

жизнь большое оживленіе: начать съ того, что всѣхъ рестораторовъ китайцевъ и японцевъ приказано завтра списать на берегъ; затѣмъ въ понедѣльникъ пришелъ батальонъ пѣхоты и будемъ таскать его съ собою въ море дня три—это тоже штука. Я лично очень радъ всей этой featureвознѣ: все-таки жизнь. Послѣ опишу вамъ все подробно Послѣ маневровъ мы, вѣроятно, скоро уйдемъ во Владивостокъ, гдѣ будемъ долго стоять въ докѣ: предстоитъ мѣнять валы и, вообще, масса работъ.

Вчера вернулись со стрѣльбы; давно я не слыхалъ такой трескотни. Стрѣляли два раза: днемъ и ночью; я первый разъ видѣлъ ночную стрѣльбу, замѣчательно эффектная штука.

Корейцы въ Мозампо.

XXXIII.

ПОРТЪ-АРТУРЪ. *19 іюня 1900 г.*

Наше сонное царство послѣдніе два мѣсяца внезапно оживилось, и у насъ пошла самая кипучая жизнь. Стояли, стояли въ Артурѣ, да и достоялись до войны, да еще войны далеко не игрушечной, какъ казалось съ начала. Жаль только, что боевая роль флота уже сыграна, и мнѣ, вѣроятно, не придется принять активнаго участія; въ этомъ отношеніи намъ прямо не повезло.

Въ концѣ апрѣля у насъ были маневры. „Рюрикъ" участвовалъ въ составѣ нападающей эскадры. Наша задача была произвести высадку и взять Артуръ, что намъ и удалось блестяще. Я былъ въ десантѣ вмѣстѣ съ сухопутными войсками и со своей ротой занималъ берегъ подъ высадку. Седьмого мая „Рюрикъ" отправился во Владивостокъ за нашимъ новымъ посломъ въ Японіи

Извольскимъ; по дорогѣ, конечно, зашли въ Нагасаки, гдѣ простояли почти двѣ недѣли. Во Владивостокѣ меня ждало много неожиданнаго: во первыхъ, ваша телеграмма относительно свадьбы Сони Лярской; мнѣ жаль, что у насъ отпускъ въ Россію вещь почти невозможная, не говоря уже про нэстоящее время, когда недоразумѣнія съ Китаемъ уже начинались: адмиралъ уже стоялъ въ Таку, куда стягивалась и остальная эскадра, мнѣ осталось только искренно пожалѣть, что крылья то у меня оказались связанными и пожелать телеграммой Сонѣ всего хорошаго. Но самой большой неожиданностью была встрѣча со Скрипченко, играющимъ въ малорусской труппѣ Манька. Но чего я ужъ никакъ не ожидалъ, это что Скрипченко окажется женатымъ, да еще на премьершѣ труппы. Труппа собственно довольно убогенькая, по дорогѣ у нихъ застрѣлилась Боярская и на первые роли попала Скрипкина, жена Борисенко; играетъ такъ себѣ, старается, но кажется; особеннымъ талантомъ не обладаетъ, проще говоря, можно поставить 10. Впрочемъ, нужно отдать справедливость, режиссерская часть весьма порядочна и видимо вообще у всей труппы отношеніе къ дѣлу добросовѣстное; не смотря на малочисленность, народныя сцены у нихъ идутъ прекрасно, а бездѣлушки вродѣ „Вечерницъ“ сходятъ прямо отлично. Пѣвицей у нихъ Фицнеръ-Морозъ и собственно она то и дѣлаетъ сборы. Въ танцахъ Скрипченко еще усовершенствовался.

Во Владивостокѣ простояли дней пять и ушли съ Извольскимъ и его семьей въ Іокогаму. На этомъ переходѣ пришлось впервые попасть въ воды Тихаго океана. Въ Іокогамѣ насъ ждало неожиданное извѣстіе о взятіи Таку и о войнѣ съ Китаемъ. Очевидно, стоянки были отравлены, извѣстія были довольно смутныя, можно только было себѣ составить понятіе, что бой былъ очень серьезный и потери большія.

Никогда я не думалъ, что у насъ всѣхъ такъ сильна боевая жилка: пришлось испытывать, какъ непріятно въ такое время быть простымъ туристомъ. Самыя подробныя довольно тяжелыя извѣстія мы какъ разъ вычитали изъ газетъ въ вагонѣ по дорогѣ въ Токіо, куда ѣздили на цѣлый день. Въ общемъ, всѣ были рады, когда мы черезъ два дня нагрузившись, углемъ, ушли, а не стояли, какъ предполагалось, двѣ недѣли.

Одиннадцатаго мы были уже во Владивостокѣ, нагрузились углемъ, приняли 650 человѣкъ при пяти офицерахъ 2-го полка и ушли въ Артуръ 14-го въ 4 ч. утра, а 17 къ полудню были уже

тамъ. Во Владивостокѣ еще застали хохловъ: они должны были 15-го ѣхать на три недѣли въ Никольскъ, а оттуда въ Харбинъ, но въ Манжуріи начались безпорядки, часть труппы забрали въ солдаты, а посланнаго устраивать театръ въ Харбинѣ чуть ли не зарѣзали китайцы, на зиму труппа собирается въ Артуръ. На „Рюрикѣ“ у насъ были оба Скрипченки и Фицнеръ-Марозъ; нашъ корабль кажется произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Въ Артурѣ, наконецъ, мы узнали дѣйствительное положеніе вещей и увидали первыхъ раненыхъ: а то, когда уходили изъ Владивостока, пришлось наслушаться разной ерунды.

Дѣло нашихъ канонерокъ при Таку, помоему, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ лѣтописяхъ морской войны: слишкомъ ужъ силы были не равны: противъ шести маленькихъ канонерокъ, изъ которыхъ только двѣ имѣли современную скорострѣльную артиллерію, да и то малаго калибра, дѣйствовали съ разстоянія въ одну милю 26 новѣйшихъ 6″ орудія Канэ и 4 въ 8″, сила прямо страшная. Сверхъ того китайцы стрѣляли съ заранѣе точно наведенными орудіями, сдѣлавъ у станковъ соотвѣтствующія мѣтки.

Особенно пострадали наши лодки „Гилякъ“ и „Кореецъ“: въ общей сложности, онѣ потеряли за шесть часовъ боя убитыми 2-хъ офицеровъ и 67 нижнихъ чиновъ; раненые, преимущественно тяжело обожженные, многіе уже умерли. Китайцы первые открыли огонь въ 12 ч. 50 м. ночи за 10 минутъ до срока ультиматума, ихъ первые же снаряды и вывели большинство людей изъ строя. Несмотря на неожиданность, наши сейчасъ же открыли огонь, который прекратили только черезъ шесть часовъ, когда часть фортовъ была взорвана, а часть взята штурмомъ. На „Гилякѣ“ произошелъ взрывъ патроннаго погреба 75 m. орудій отъ попавшаго въ него снаряда, и сверхъ того была перебита паровая труба. На „Гилякѣ“ ранены оба мои сослуживца по седьмому экипажу лейтенанты Титовъ и Богдановъ,*) первый очень тяжело обожженъ взрывомъ погреба, и до сихъ поръ борется со смертью, Богдановъ отдѣлался легко: онъ раненъ въ лицо шрапнелью и теперь поправляется. Вчера вернулся десантъ съ „Наварина“, бывшій съ адмираломъ Сеймуромъ; этотъ отрядъ вообще сильно пострадалъ, особенно англичане, у насъ уцѣлѣло только два офицера, остальные всѣ ранены. Впрочемъ, тяжело только одинъ, мой большой пріятель, мичманъ Кехли,

---

*) Впослѣдствіи Богдановъ вмѣстѣ съ Вырубовымъ погибли на „Суворовѣ“ въ Цусимскомъ бою геройскою смертью.

рана очень скверная, въ глазъ на вылетъ черезъ голову; какимъ то чудомъ онъ еще живъ и даже говорятъ, есть маленькая надежда на спасеніе. Его ужасно жаль—это милѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ личность. Ужасно, что мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній изъ Пекина: тамъ имѣется нашъ отрядъ, свыше ста человѣкъ при двухъ офицерахъ. Впрочемъ, командующій соединенными войсками нашъ генералъ-майоръ Стесель объявилъ китайцамъ, что, если въ Пекинѣ убьютъ еще хоть одного европейца, то всѣ могилы предковъ будутъ уничтожены, а это для китайца ножъ острый.

Вообще, война очень тяжелая. У насъ пока всего около 6,000 войска, китайцевъ же буквально сотни тысячъ. Теперь идетъ усиленный подвозъ: изъ одного Владивостока двинуто 12,000, да иностранцы подвезутъ не меньше.

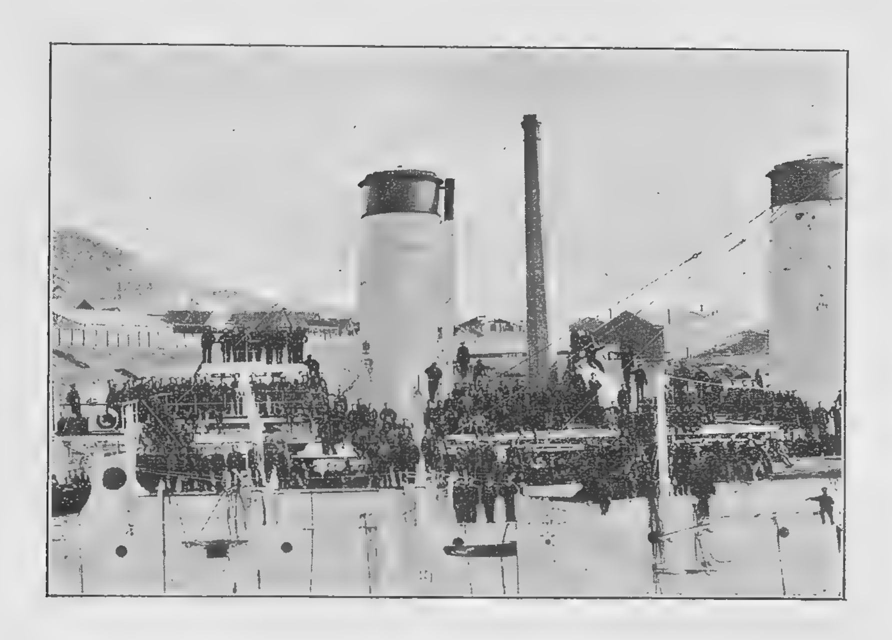
По словамъ японскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ прошедшей японо-китайской войнѣ, нельзя сравнить, какъ дрались китайцы тогда и теперь. Откуда что взялось: вооружены они прекрасно, преимущественно ружьями Манлихера.

Походъ Стеселя напоминаетъ собою походъ Атиллы: на пути все истребляется начисто, что остается, вырѣзываютъ японцы. Какъ это ни печально, но опытъ первыхъ дней войны показалъ, что иначе не возможно: пробовали щадить и получали въ тылъ залпы. Вообще, китайцы ведутъ себя не какъ люди, а какъ звѣри, и не обладаютъ никакими нравственными качествами. Драться нашимъ войскамъ очень тяжело: сначала китайцы пробовали атаковать громадными массами, но ихъ буквально стерли съ лица земли нѣсколькими залпами, предварительно подпустивъ на близкую дистанцію, теперь они поняли въ чемъ дѣло и не принимаютъ боя, дѣйствуя страшнымъ огнемъ изъ окоповъ, которые приходится каждый разъ штурмовать. Патроновъ у нихъ бездна: говорятъ, всѣ ихъ позиціи прямо усѣяны гильзами.

Оригинально, что большіе кулаки или, какъ ихъ называютъ китайцы, ихе-туаны, оказались форменными декадентами: всѣ ихъ прокламаціи составлены въ самомъ строгомъ декаденскомъ стилѣ. Они было пробовали увѣрять китайцевъ, что они безсмертны, но послѣ нашихъ залповъ тѣ имъ больше не вѣрятъ.

Мы всѣ очень не прочь подраться и, кажется, придется. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, предстоитъ бомбардировка Шанхай-Гуана и общій эскадренный десантъ, въ которомъ я участвую. Кстати, еще

въ Вузунгѣ стрѣляли въ нашъ крейсеръ „Забіяку“; это тоже имъ даромъ не пройдетъ. Изъ иностранцевъ лучше всего дерутся нѣмцы, остальные не важно—особенно англичане.

Крейсеръ I-го ранга „Рюрикъ“ въ сухомъ докѣ во Владивостокѣ.

XXXIV.

ВЛАДИВОСТОКЪ. *1 декабря 1900 г.*

„Рюрикъ“

За это время съ нами случилась такая масса пакостей, что просто и не знаешь, когда приняться за письмо. Дѣло въ томъ, что „Рюрикъ“ кончаетъ компанію и насъ расписываютъ на эскадру. Насколько это всѣхъ не устраиваетъ, вы не можете представить: распадается каютъ-компанія, уже сжившаяся настолько, что обратилась вполнѣ въ одну семью. Остающихся офицеровъ сажаютъ на береговое жалованье, хотя, впрочемъ, по сибирскому положенію и съ разными добавочными, но все-таки за эти пять мѣсяцевъ они будутъ ни за что ни про что наказаны на нѣсколько сотъ рублей.

Причина всей этой исторіи заключается прямо въ недомысліи нашихъ петербургскихъ рамолиментовъ, т. к. кромѣ всего вышеизложеннаго и самый крейсеръ сильно страдаетъ: стоянка зимой въ сухомъ докѣ на собственномъ килѣ, очевидно, даромъ ему не пройдетъ. Еще лѣтомъ насъ предполагалось ввести въ докъ для замѣны старыхъ гребныхъ валовъ новыми, съ мѣдной обшивкой, но вслѣдствіе войны насъ въ докъ не ввели, а вмѣсто того послали крейсеръ въ Формозскій проливъ, въ очень тяжелое крейсерство, для конвоированія пароходовъ съ войсками. За это плаваніе было сдѣлано около 15,000 миль при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, результатомъ чего и явилась настоятельная необходимость замѣны валовъ, т. к. стертые валы, разъѣденные гальваническимъ токомъ, испортили свои подшипники. Вмѣсто того, чтобы послать насъ въ одинъ изъ заграничныхъ доковъ, гдѣ работы были бы покончены въ два мѣсяца и не вывели бы крейсеръ на полъ года изъ строя, насъ законопатили во Владивостокъ, гдѣ, благодаря суровому климату, работы еле ползутъ и успѣшность ихъ слабая.

Грустно покидать насиженное гнѣздо! Хотя почти навѣрное, когда крейсеръ весною начнетъ компанію, я на него вернусь, но уже половины теперешняго состава офицеровъ не будетъ: они кончаютъ свои сроки и списываются въ Россію.

Вы, вѣроятно, очень удивились, получивъ мою телеграмму: врядъ ли вы ожидали, что я окажусь въ составѣ Печилійскаго отряда, да попаду еще въ Пекинъ. Мнѣ въ этомъ отношеніи очень повезло: я принялъ активное участіе въ самой интересной части минувшей компаніи, былъ въ двухъ самыхъ кровопролитныхъ сраженіяхъ и вернулся цѣлъ и невредимъ. За эти четыре мѣсяца была пережита такая масса всевозможныхъ приключеній, приходилось попадать въ такія разнообразныя положенія, что, вѣроятно, самыя лучшія воспоминанія, несмотря на тяжелыя иногда минуты, которыхъ тоже было не мало, останутся у меня на всю жизнь объ этомъ времени.

Вотъ приблизительно, какъ прошли эти четыре мѣсяца. 25-го іюня съ десантомъ прибылъ въ Тянзинъ, 30 былъ прикомандированъ съ отрядомъ въ 20 человѣкъ къ отряду Г. М. Стеселя и принималъ участіе во взятіи Тянзина, съ 1 по 23 іюля занималъ переправы на аванпостахъ въ пяти верстахъ отъ нашего бивуака, 24 іюня въ качествѣ проводника и переводчика водилъ французскую батарею и роту морской пѣхоты съ генераломъ Фреемъ въ тылъ китайскаго лѣваго фланга подъ Бейтапомъ, 25 участвовалъ

въ наступленіи на Янцунъ, 26 былъ командированъ Стеселемъ въ Тянзинъ снять переправу и догонять на джонкахъ по рѣкѣ Пей-хо отрядъ, наступавшій на Пекинъ, который, къ несчастію, могъ догнать только на другой день послѣ взятія Пекина; съ 4 по 16 августа жилъ въ Пекинѣ въ распоряженіи Стеселя, 17 былъ отправленъ на рѣку Пей-хо для несенія транспортной службы въ качествѣ начальника отдѣльныхъ каравановъ джонокъ. Это плаваніе продолжалось до самаго очищенія нашими войсками Пекина; только 11 сентября бралъ отпускъ на эскадру, чтобы принять участіе во взятіи Шанхай-Гуана; 20 октября я, наконецъ, былъ возвращенъ на эскадру.

Теперь на эту войну все больше и больше начинаютъ смотрѣть, какъ на оперетку, въ которой каждый старался урвать какъ можно больше орденовъ и наградъ. Это мнѣніе справедливо только относительно нѣкоторыхъ личностей, массами наѣхавшихъ изъ Петербурга, когда все уже было кончено, и занявшихся „геройскими“ подвигами надъ разбитою и дезорганизованною сволочью.

Могу васъ увѣрить, что подъ Тянзиномъ мы были въ дѣйствительно тяжеломъ положеніи, и то, что было сдѣлано нашими небольшими силами, очень мало походило на оперетку, а скорѣе можетъ быть поставлено на ряду съ самыми блестящими дѣлами послѣдняго времени.

Тогда мало кто говорилъ объ наградахъ, было неизвѣстно сегодня будетъ ли живъ завтра, и каждый считалъ величайшимъ благомъ вернуться домой цѣлымъ и невредимымъ.

30 іюля я впервые попалъ въ огонь. Нельзя сказать, чтобы было очень пріятно, когда около васъ визжитъ и рвется всякая мерзость, притомъ вы даже не видите, кто и откуда въ васъ стрѣляетъ, настолько бездымный порохъ маскируетъ непріятеля, И китайцы далеко не были такъ слабы, какъ ихъ принято считать; сопротивленіе было очень упорное и стоило намъ двухсотъ человѣкъ только въ одной колоннѣ Анисимова. Мнѣ даже пришлось попасть въ такое мѣсто, гдѣ наше положеніе было, можетъ быть, гораздо хуже, чѣмъ у нашихъ противниковъ. Небольшой отрядъ Ширинскаго, въ который я былъ посланъ подвезти патроны, подвергся въ теченіи пяти часовъ разстрѣливанію со всѣхъ еще не взятыхъ фортовъ и батарей, да еще приходилось отражать нападеніе китайцевъ, покушавшихся анфилировать валъ, который мы

занимали; окончательное взятіе китайскихъ позицій состоялось только на другой день.

Въ общемъ, бой даетъ очень много сильныхъ ощущеній и порядочную нервную встряску, не лишенную своеобразной пріятности; особенно хорошо себя чувствуешь, когда, наконецъ, все кончается, и можешь отдохнуть. Отталкивающаго впечатлѣнія все это на меня не произвело и потомъ меня всегда тянуло во всевозможныя подобныя предпріятія, что мнѣ почти всегда и удавалось. Условія службы были очень тяжелыя: я не былъ снабженъ ни деньгами, ни вещами, жалованья не получалъ три мѣсяца, такъ какъ крейсеръ ушелъ въ Амой; жарища въ началѣ была страшная, пить приходилось буквально, какъ птицѣ небесной, пользуясь всевозможными мѣстными обстоятельствами, но я очень скоро приспособился и чувствовалъ себя прекрасно. Отношеніе сухопутныхъ офицеровъ до Стеселя включительно было самое сердечное, и за эту компанію я пріобрѣлъ массу друзей. Я прямо не могъ налюбоваться на нашихъ стрѣлковъ, это прямо удивительные люди: они въ бою имѣютъ такой видъ, точно они всю жизнь только и дѣлали, что дрались и были подъ огнемъ, до того ихъ мужество просто и не картинно. Выносливость у нихъ дьявольская, въ этомъ отношеніи съ ними ни одна нація не сравняется: во время труднаго форсированнаго марша на Янцунъ въ страшную палящую жару я шелъ съ французскимъ отрядомъ. Мы проходили полемъ буквально усѣяннымъ разными національностями, лежали они почти безъ признаковъ жизни; тутъ были и американцы и индійцы, очень много японцевъ, пожалуй больше всѣхъ, французы за какихъ нибудь два часа потеряли 30 человѣкъ отъ солнечнаго удара - въ нашихъ же войскахъ почти не было отсталыхъ. Дивная организація у японцевъ, но солдаты ихъ куда слабѣе нашихъ: большихъ переходовъ они не могутъ дѣлать безъ большого напряженія, ни холода, ни жары они не выдерживаютъ, правда, они очень храбрые и лѣзутъ отчаянно, но спокойное мужество, неутомимость и способность приспособляться къ самой невозможной обстановкѣ ставитъ нашихъ солдатъ внѣ конкуренціи.

Большое впечатлѣніе произвелъ на меня Пекинъ. Первые дни я себя чувствовалъ точно въ какой то сказочной странѣ. Мы стояли бивуакомъ въ императорскихъ паркахъ, гдѣ никогда не была европейская нога, да и китайцу не всякому удавалось туда попасть. Первые дни питались Императорскими оленями, ко-

торые тамъ паслись; жалко ихъ было, да голодъ не тетка. Пейзажъ, дѣйствительно, сказочный: тутъ и огромные пруды, заросшіе розовыми лотосами, фантастическія горки съ павильонами, огромная статуя Будды ввидѣ огромнаго самовара,—все это такъ своеобразно, что прямо не можетъ быть сравнимо съ нашими европейскими видами. Былъ я и въ знаменитомъ лѣтнемъ дворцѣ Богдыхана, въ горахъ въ 20-ти верстахъ отъ Пекина; прогулка довольно опасная, т. к. тамъ шатается много боксеровъ и даже гдѣ-то вправо была слышна сильная стрѣльба.

Остальные два мѣсяца плавалъ на джонкахъ по Пей-хо, которую изучилъ за это время детально; было очень весело: постоянно приходилось возить много офицеровъ, а иногда даже съ отрядомъ Краснаго Креста ходили сестры милосердія.

Ваши письма я получилъ въ Янцунѣ. Это небольшой городъ на Пей-хо, гдѣ ее пересѣкаетъ желѣзная дорога. Письма были доставлены, благодаря любезности лейтенанта Шванка, адьютанта адмирала Алексѣева; вы не можете себѣ представить, какъ они меня порадовали. Во Владивостокѣ встрѣтилъ Наташу Панфилову, дочь тети Сони; она теперь живетъ въ Хабаровскѣ, думаю къ ней съѣздить передъ списаніемъ съ „Рюрика“.

Посылаю вамъ снимки, сдѣланные Владивостокскимъ фотографомъ съ „Рюрика“ въ докѣ, а также свои послѣднія карточки: я снимался въ Іокогамѣ.

XXXV.

ПОРТЪ-АРТУРЪ. *19 ноября 1901 г.*

„Дмитрій Донской“.

Пишу это письмо, проводя послѣдніе дни въ Артурѣ. Я только—что назначенъ на крейсеръ I ранга „Дмитрій Донской“, уходящій въ началѣ декабря въ Россію. По программѣ плаванія, мы должны быть въ Россіи въ началѣ мая 1902 г., такъ что я буду въ отсутствіи ровно три года; въ этомъ отношеніи мнѣ повезло, такъ какъ рѣдко кому удается вернуться съ эскадры черезъ три года, обыкновенно отпускаютъ со всевозможными проволочками и задерживаютъ около четырехъ лѣтъ каждаго. „Дми-

тріій Донской“ пятое судно, на которомъ я плаваю за эти $2^1/_2$ года, да еще 4 мѣсяца провелъ въ десантѣ, какъ видите, служилъ довольно разнообразно. Всюду, слава Богу, мнѣ жилось прекрасно, несмотря на то, что условія службы были иногда очень тяжелы, и я покидаю Дальній Востокъ безъ проклятій, какъ нѣкоторые мои сослуживцы. Давненько мы съ вами не видались много будетъ о чемъ поговорить, тѣмъ болѣе, что письмами мы другъ друга не баловали; какъ вы всѣ за это время измѣнились! Сестра Лиля пишетъ, что собирается замужъ. Давай ей Богъ всякаго счастья, надѣюсь быть у нея шаферомъ. Я вамъ пришлю подробный маршрутъ нашего плаванія, какъ только онъ выяснится и, росписаніе, куда адресовать мнѣ письма. Напишите, что вамъ привезти изъ заграницы: мы пробудемъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ можно будетъ достать много хорошихъ вещей. Вообще, это плаваніе обѣщаетъ быть интереснымъ, если только мы не пойдемъ всѣ 5-ть судовъ вмѣстѣ, эскадрой, да еще подъ флагомъ адмирала Чухнина. Всего уходятъ пять судовъ: Крейсеры I-го ранга „Адмиралъ Корниловъ“, „Владиміръ Мономахъ“, „Дмитрій Донской“, броненосцы „Наваринъ“ и „Сысой Великій“. Отправленіе такого большого числа судовъ въ Россію явленіе небывалое въ тихоокеанской эскадрѣ. Это дѣлается, чтобы безъ особаго шума замѣнить ихъ болѣе сильными современными, а также попутно втереть очки японцамъ.

Это лѣто я опять не миновалъ Таку: мы простояли тамъ на „Гилякѣ“ около пяти мѣсяцевъ, при чемъ жили на берегу, въ адмиралтействѣ. На „Гилякѣ“ я проплавалъ съ 26 декабря 1900 г. по 1 октября 1901 г. Объ этомъ кораблѣ у меня навсегда останутся самыя лучшія воспоминанія. Плаваніе было далеко не блестящее: зима по корейскимъ трущобамъ, а лѣто и часть осени (съ мая по октябрь) на берегу въ Таку. Но у насъ была такая милая и дружная каютъ-компанія, что всѣ невзгоды были ни почемъ. На берегу мы жили тоже весело: устроили себѣ чудный тенисъ и цѣлыми днями играли. Съ иностранцами жили въ большой дружбѣ, постоянно бывало много гостей, бывали и дамы. „Гилякъ“ тѣмъ временемъ стоялъ въ докѣ и чинился; командиръ на досугѣ его перестраивалъ, согласно полету своей фантазіи. Грустно только что у насъ появилась дезинтерія и унесла 5-ть человѣкъ команды, офицеры отдѣлались лучше, хотя и болѣли, я же былъ совсѣмъ здоровъ. Мѣстность ужъ больно не гигіеничная; сплошное китайское кладбище, полузатопленное водой, съ размы-

тыми могилами. Ѣздили, конечно, въ Пекинъ сравнительно съ прошлымъ, годомъ смотрѣть не стоитъ. Въ Тянзинѣ прожилъ двѣ недѣли работая съ водолазами въ арсенальномъ прудѣ, отыскивая какой-то фантастическій кладъ. Въ годовщину своего перваго боя, 30 іюля, парадировалъ на закладкѣ часовни на братской могилѣ.

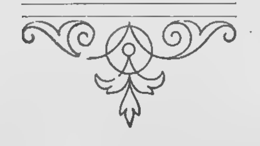
Вы уже знаете, что я получилъ за войну Анну на саблю и Станислава 3-й степени съ мечами, теперь къ этому прибавилась медаль серебряная за участіе въ бояхъ.

Забылъ сказать, что мы попали на житье въ Таку изъ за того, что „Гилякъ“ сидѣлъ на камняхъ въ шхерахъ у Бицзыво, но благополучно снялся. Я настолько привыкъ къ Таку, что даже какъ-то грустно было уходить оттуда. Проводы намъ были самые сердечные: наши англійскіе пріятели даже всплакнули.

Какъ только мы пришли въ Артуръ, меня сейчасъ-же перевели на время предстоявшихъ маневровъ на эскадренный миноносецъ „Касатку“, гдѣ мнѣ сразу пришлось попасть на амплуа старшаго офицера минера и артиллериста. Маневры продолжались съ 10-го по 20-е октября. Ну и досталась же намъ каторга: офицеровъ на миноносцѣ всего двое, не считая командира и механика, такъ что намъ приходилось стоять на вахтѣ черезъ 4-е часа; командиръ становился на вахту отъ 12 до 4-хъ ночи; давая этимъ намъ возможность отдохнуть 8-мь часовъ. Мотало насъ до безобразія, и тутъ я убѣдился, что не страдаю отъ качки, службу несъ все время исправно, ѣлъ и спалъ великолѣпно.

Маневры были довольно скучные. Единственный интересный эпизодъ былъ, когда мы на „Касаткѣ“ ночью вошли никѣмъ не замѣченные на Таліенванскій рейдъ, забрались въ самую середину непріятельской эскадры, взорвали „Адмирала Нахимова“ и благополучно удрали. Кончились маневры, не успѣли мы еще отдохнуть, какъ попали въ еще худшее положеніе: Скрыдловъ сталъ таскать насъ съ собою каждую недѣлю въ море на эволюціи, съ понедѣльника до пятницы. Двѣ недѣли онъ насъ таскалъ, а на третьей мы во время одной изъ рискованныхъ эволюцій вслѣдствіе ошибки рулевого столкнулись съ „Нахимовымъ“ и совершенно свернули себѣ носъ на лѣвую сторону. Къ счастію, мы благополучно добрались до Артура, „Касатку“ ввели въ докъ, гдѣ она кончила компанію и чинится. Меня же перевели на „Донской“, чего я давно ждалъ. „Донскимъ“ командуетъ Ванъ-деръ-Шкруфъ, котораго вы, кажется, видѣли у Евтихія Константиновича: онъ съ нимъ ѣздилъ на охоту. Я самъ хлопоталъ попасть на „Донской“,

т. к. для меня изъ всѣхъ уходящихъ судовъ почему то этотъ корабль и его командиръ казались наиболѣе симпатичными; посмотримъ, каковы они окажутся на самомъ дѣлѣ. Курьезно, что на „Донскомъ“ идетъ и мичманъ Ренненкампфъ, мой спутникъ на „Москвѣ“. Давненько я отъ васъ не получалъ писемъ, ну да теперь скоро увидимся. Вы мнѣ переводили деньги, спасибо, но я здѣсь получаю больше, чѣмъ достаточно (282 р. въ мѣсяцъ), и мнѣ какъ то неловко было бы воспользоваться этими деньгами; онѣ были переведены во Владивостокъ, гдѣ я не былъ уже годъ, я и не хлопоталъ объ нихъ, надѣясь что деньги благополучно вернутся къ вамъ обратно за ненахожденіемъ адресата. Во всякомъ случаѣ, большое вамъ спасибо: самый фактъ перевода меня искренно тронулъ, вопервыхъ, какъ доказательство заботы о моей злополучной персонѣ, а во вторыхъ, я думаю, не многіе мои товарищи обладаютъ столь пріятнымъ для нашего брата родителемъ. Извините, меня, что я пишу такъ рѣдко, виноватъ кругомъ! У меня какъ то не укладывается на бумагу то о чемъ хотѣлось бы переговорить лично, видно плохой я писака...

III.

Обратный путь съ Дальняго Востока въ Балтійское море.

Минные классы. Наканунѣ войны съ Японіей.

1902—1904.

„Дмитрій Донской“.

XXXVI.

ГОНЪ-КОНГЪ. *1 января 1902 г.*

Крейсеръ I ранга „Дмитрій Донской“.

Пишу вамъ уже изъ Гонъ-Конга, гдѣ мы стоимъ всѣ праздники. Еще разъ поздравляю васъ и всю семью съ новымъ годомъ и желаю вамъ всего лучшаго. Теперь уходъ нашей экскадры уже совершившійся фактъ; мы неукоснительно слѣдуемъ маршруту, который я вамъ телеграфировалъ. Въ портахъ стоимъ въ среднемъ около 4—6 дней, т. е. во второй половинѣ февраля будемъ въ Средиземномъ морѣ, а къ 15 апрѣля адмиралъ хочетъ быть даже въ Либавѣ.

Второго января уходимъ въ Сингапуръ, оттуда въ Пуловей. Ушли мы изъ Артура 12 декабря. Погода тамъ была мерзѣйшая: морозъ и безпрерывная снѣжная мятель (пурга); было настолько плохо, что я, сравнительно выносливый, и то простудился и поправился только недавно: пересталъ чихать и кашлять уже въ тропикахъ.

Насколько была холодна и непривѣтлива артурская погода, настолько же были теплы и сердечны устроенные Артуромъ проводы нашей эскардѣ. И не мудрено: уходили какъ разъ тѣ суда, которыя заняли Артуръ и почти безсмѣнно провели въ немъ три послѣдніе года. Съ перваго декабря и до самаго ухода вечера и прощальные обѣды слѣдовали одинъ за другимъ.

Наша эскадра устроила балъ въ театрѣ при матросской чайной; этотъ балъ удался во всѣхъ отношеніяхъ, въ Артурѣ его долго будутъ помнить. Артурскій гарнизонъ отвѣтилъ намъ грандіознымъ обѣдомъ въ гарнизонномъ собраніи съ такой выпивкой, которую мы, въ свою очередь, будемъ долго помнить. Нашу эскадру ведетъ необыкновенно свирѣпый адмиралъ, бывшій командиръ Владивостокскаго порта, контръ-адмиралъ Чухнинъ. Къ счастію, „Дмитрій Донской“ и „Владиміръ Мономахъ“ составляютъ отдѣльный отрядъ, идущій самостоятельно подъ начальствомъ командира „Донского“ Ванъ-деръ-Шкруфа, такъ что адмиральскія неистовства ложатся цѣликомъ на „Сысой Великій“, его флагманскій корабль, „Наваринъ“ „Адмиралъ Корниловъ“; на насъ то онъ рычитъ только издалека. Адмиральскій отрядъ стоитъ теперь въ Маниллѣ, и соединимся мы съ нимъ только на нѣсколько дней въ Пуловеѣ, а потомъ опять разойдемся до Средиземнаго моря.

Пуловей—маленькій островокъ въ сѣверной части Маллакскаго пролива, почти совершенно дикій. На немъ имѣется голландскій угольный складъ, и живетъ человѣкъ 12 европейцевъ; послѣднее время онъ служилъ угольной станціей и для нашихъ судовъ. Поговаривали даже одно время, что голландцы предлагали намъ купить Пуловей, и это весьма возможно. Какъ бы то ни было, онъ избранъ для нашего отряда мѣстомъ соединенія для производства эскадренныхъ ученій; тутъ-же намъ, вѣроятно, придется испытать всевозможныя мытарства; къ счастію, потомъ мы опять разойдемся съ адмираломъ.

Послѣ нашихъ однообразныхъ стоянокъ въ Артурѣ и Таку чувствуешь себя прямо наверху блаженства. Погода здѣсь чудная, температура, въ среднемъ, +17°, природа почти тропическая, мѣстность дивная, однимъ словомъ, прелесть. Мы усиленно накупаемъ разныхъ курьезовъ и раритетовъ, такъ что, кажется, наступаетъ финансовый крахъ; я уже началъ жалѣть, что не получилъ вашего перевода. Уже теперь наша публика заполнила своими вещами цѣлыхъ три пустыхъ каюты, а мы едва сдѣлали одну седьмую часть пути.

Я ужасно доволенъ, что возвращаюсь на военномъ суднѣ: не можетъ быть никакого сравненія съ переходомъ на „Добровольцѣ“. Впечатлѣніе такое, точно если бы вашу квартиру начали перемѣщать изъ порта въ портъ, не нарушая строя вашей жизни. Вездѣ чувствуешь себя дома, вездѣ прекрасно принимаютъ, да и стоян-

ки, хотя и небольшія, но все-таки на нѣсколько часовъ, какъ на пассажирскомъ пароходѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось повидаться съ вами въ одномъ изъ портовъ Средиземнаго моря. Если заранѣе списаться, то нѣтъ ничего легче встрѣтиться. Жаль только, что пока отъ насъ держатъ въ секретѣ вторую часть маршрута. Пока можно сказать только: въ Пиреѣ мы будемъ навѣрно: королева Ольга объ этомъ позаботится. Возможно, что мы поспѣшимъ въ Неаполь и какой-нибудь изъ французскихъ портовъ, а одинъ отрядъ пойдетъ въ Артуръ; во всякомъ случаѣ, сообщенія между портами прекрасныя, а ужъ маршрутъ я постараюсь достать. Правда, голубчикъ, папа, подумайте да и махните заграницу, я увѣренъ, что вы хорошо проведете время. Получивъ мое письмо, пишите въ Портъ-Саидъ, въ русское консульство для передачи на „Д. Донской". Я тогда какъ разъ успѣю получить ваше письмо. Если бы вы только знали, какъ мнѣ хочется съ вами поскорѣе повидаться и какое это для меня будетъ счастье.

Въ Кронштадтѣ у насъ до іюня мѣсяца, изъ-за всевозможныхъ смотровъ будетъ форменная каторга, ни минуты свободной, а заграницей вы бы оказались у меня въ гостяхъ и видѣли бы нашу жизнь такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Каютъ-компанія и судовое начальство очень милые, живемъ дружно, отношенія самыя сердечныя. Странное стеченіе обстоятельствъ: на „Донскомъ" плаваютъ два воспитанника Поливановской гимназіи: я и Сѣверцовъ, исполняющій у насъ обязанность старшаго штурмана; онъ въ гимназіи былъ класса на три старше меня, пошелъ во флотъ изъ университета юнкеромъ и теперь по спискамъ на годъ моложе меня.

Пишу это письмо, стоя *собаку* *) подъ самый новый годъ, успѣлъ только выпить въ каютъ-компаніи бокалъ шампанскаго, а уже въ 12 часовъ и 5 минутъ долженъ былъ вступить на вахту.

---

*) *Собака* ночная вахта отъ 12 до 4 утра.

XXXVII.

СИНГАПУРЪ. *13 января 1902 г.*

„Дмитрій Донской".

Пишу вамъ уже изъ Сингапура, куда мы добрались, послѣ довольно спокойнаго перехода, 8 января утромъ, а уходимъ сегодня въ 2 ч. дня. Здѣсь самая южная точка нашего пути, мы почти на экваторѣ, широта около $1^1/_2{}^0$, но жара, слава Богу, насъ не очень мучаетъ, непріятна только сырость, отъ которой все плѣснѣетъ.

Въ Сингапурѣ меня ожидалъ сюрпризъ: пришла телеграмма изъ Артура отъ начальника штаба, что мнѣ данъ еще орденъ*): Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ. Это было для меня совершенно неожиданно, такъ какъ хотя меня представили за службу на Пейхо еще въ прошломъ году, но у меня уже было два ордена и шансовъ на полученіе третьяго не было почти никакихъ.

Сингапуръ очень оригинальный и красивый городъ, но нездоровый климатъ и необыкновенныя мѣстныя условія жизни дѣлаютъ пребываніе въ немъ настолько тяжелымъ, что англійскіе чиновники могутъ жить здѣсь подъ рядъ только 10 мѣсяцевъ, послѣ чего должны уѣзжать на годъ для поправки здоровья въ Англію. Что здѣсь великолѣпно, это чудная растительность съ громаднымъ разнообразіемъ видовъ какъ пальмъ, такъ и лиственныхъ породъ, но зато въ лѣсахъ и даже въ садахъ водится масса всякой мерзости, вродѣ громадныхъ удавовъ и всякихъ ядовитыхъ и не ядовитыхъ гадинъ, а на материкѣ, отъ котораго Сингапуръ отдѣленъ узкимъ проливомъ, пропасть хищнаго звѣря.

На дняхъ я обѣдалъ у нашего консула, барона Кистера. Оригинально было видѣть въ экзотической обстановкѣ типичную журфиксную даму, какой является наша консульша, и слышать отъ нея, какъ недавно у нихъ въ саду поймали удава длиною въ 23 фута, а около дома или на улицѣ изловили еще трехъ другихъ. Вчера мы цѣлый день большой компаніей катались по окрестностямъ, а вечеромъ были на музыкѣ въ ботаническомъ саду, гдѣ отличный оркестръ, вѣроятно, по случаю нашего пріѣзда, игралъ попури

---

*) За мужество и храбрость при наводкѣ моста съ 29 на 30 іюня 1900 на Лутайскомъ каналѣ.

изъ русскихъ мотивовъ, и въ заключеніе, исполнилъ даже „Боже, Царя храни“.

Ботаническій садъ, одинъ изъ лучшихъ и живописнѣйшихъ въ мірѣ, при лунномъ освѣщеніи представлялъ прямо волшебное зрѣлище. Очень интересна въ Сингапурѣ лавка, гдѣ продаются дикіе звѣри. Удивительно дешевы цѣны на хищниковъ: великолѣпный тигръ стоитъ 250 долларовъ, а черная пантера всего 150, макаки и попугаи нипочемъ: я купилъ за шесть рублей попугая, да еще съ огромной клѣткой; жаль только, кажется, придется съ нимъ разстаться: ужъ больно у него омерзительный характеръ: кусается и оретъ, какъ зарѣзанный, при малѣйшемъ къ нему приближеніи.

Вчера продефилировалъ мимо насъ адмиралъ Чухнинъ со своей эскадрой, успѣлъ на лету забросить намъ кучу приказовъ, одинъ другого ругательнѣе. Это не адмиралъ, а просто какой-то крокодилъ. Мы сегодня уходимъ какъ разъ въ Пуловей къ нему на разтерзаніе, гдѣ простояли, къ счастію, не долго; тутъ-то намъ и будетъ на орѣхи, безразлично исправны мы или нѣтъ. Въ Коломбо пойдемъ опять самостоятельно.

XXXVIII.

АЛЕКСАНДРІЯ. *27 февраля 1902 г.*

„Дмитрій Донской“.

Ваше письмо, адресованное въ Портъ-Саидъ, получилъ; не отвѣчалъ вамъ немедленно, такъ какъ ждалъ, пока выяснится нашъ маршрутъ. Письмо до Саида шло всего восемь сутокъ. Въ Александрію мы пришли вчера и будемъ стоять до 7-го марта, когда уходимъ въ Неаполь; приходъ въ Неаполь 10—11 марта, уходъ въ Алжиръ 15-го, уходъ изъ котораго 24 марта; 27 приходъ въ Кадиксъ 30, уходимъ изъ Кадикса въ Шербургъ, приходимъ туда 5 апрѣля, стоимъ недѣлю и уходимъ въ Либаву, гдѣ должны быть не позже 18 апрѣля. Маршрутъ этотъ составленъ адмираломъ и можетъ быть измѣненъ изъ Петербурга; по всей вѣроятности, его мѣнять не будутъ, такъ какъ адмиралъ обязанъ только простоять недѣлю въ Шербургѣ и быть не позже 18 апрѣля въ Либавѣ Въ цир-

кулярѣ штаба указаны точно дни ухода изъ каждаго порта, дни же прихода я разсчиталъ по разстоянію.

Вы совершенно правы, заключивъ, что мнѣ нельзя будетъ уѣхать въ отпускъ изъ Средиземнаго моря или Либавы; до Царскаго смотра въ началѣ мая объ этомъ и думать нечего. Офицеровъ у насъ далеко не полный комплектъ, а съ „Донского“ еще только что перевели одного изъ лейтенантовъ на „Сысой Великій“, такъ что я теперь на немъ старшій вахтенный начальникъ. Мнѣ будетъ стоить большихъ трудовъ получить отпускъ на лѣто. Въ Портъ-Саидѣ получилъ письмо отъ Лили и ея жениха, въ которомъ они усиленно просятъ пріѣхать на ихъ свадьбу изъ Средиземнаго моря, при чемъ Лиля разсуждаетъ совершенно по-дѣтски, видимо, считая мое плаваніе парти-де-плезиромъ, организованнымъ чуть не для моего удовольствія; къ сожалѣнію, это далеко не такъ, наоборотъ, наше плаваніе, благодаря несуразному адмиралу, гораздо тяжелѣе, чѣмъ могло бы быть. До Суэца мы шли отдѣльнымъ отрядомъ и соединились съ адмираломъ наканунѣ прохода каналомъ, чтобы уже не разставаться до Либавы.

Живется у насъ на „Донскомъ“ прекрасно, лучшаго желать трудно. Переходы были очень спокойные, особенно 10-дневный черезъ Индѣйскій океанъ. Изъ Коломбо зашли въ Джибути, самый неинтересный изъ всѣхъ, нами посѣщенныхъ портовъ; къ счастію, стояли всего два дня; погрузились углемъ и пошли въ Суэцъ. До прихода адмирала произвели цѣлый рядъ ученій, не смотря на которыя часть офицеровъ успѣли все-таки съѣздить въ Каиръ.

Въ Портъ-Саидѣ простояли всего одну ночь, но за то такую, какой не было за весь переходъ: мы должны были успѣть погрузить 700 тонъ кардифа, что и было выполнено черномазыми нагрузчиками блестяще, но зато на суднѣ не было живого уголка, не пропитаннаго угольною пылью; я думаю, за однимъ обѣдомъ мы съѣли добрую тонну угольной пыли. Мнѣ еще сверхъ всего пришлось въ это время стоять на вахтѣ; что изъ меня получилось, можете себѣ вообразить. Стоянка въ Александріи не дурна: городъ прекрасный, есть италіанская опера, которую на этой недѣлѣ смѣняетъ французская комедія. Вчера мы были большой компаніей въ театрѣ, шло смѣшанное представленіе: 1 актъ изъ „Аиды“, 2 актъ „Тоска“ и 1 актъ „Самсона и Далилы“. Я уже больше трехъ лѣтъ не былъ въ оперѣ, и вы не можете себѣ представить, какъ было пріятно. Сегодня буду опять, идетъ „Тоска“ уже въ

цѣломъ видѣ. Труппа очень не дурная, голоса прекрасные, и большинство, кромѣ того, не дурно играетъ. Намъ разрѣшено съѣздить въ Каиръ, но мнѣ врядъ ли этимъ придется воспользоваться: у насъ двое офицеровъ больны, и одного переводятъ на „Сысоя“, просто некому стоять на вахтѣ.

Вчера не успѣлъ дописать письма: вечеромъ былъ опять въ оперѣ; впечатлѣніе еще лучше, чѣмъ первый разъ: даже странно видѣть, чтобы оперные пѣвцы такъ хорошо играли. Сегодня первый спектакль французской комедіи; говорятъ, труппа очень хорошая: нѣкоторые артисты были раньше на первыхъ роляхъ въ Михайловскомъ театрѣ въ Петербургѣ; для начала идетъ „Divorsons“. Если достану билетъ, пойду обязательно, тѣмъ болѣе, что съ завтрашняго дня подходитъ очередь вечернихъ вахтъ, и нѣсколько дней придется сидѣть дома. Странно думать, что это письмо вы получите на девятый день: послѣ двухъ мѣсяцевъ этотъ срокъ до смѣшнаго малъ. Надѣюсь, что мы скоро увидимся съ вами; всего въ письмѣ не напишешь, а переговорить намъ съ вами есть о чемъ: вѣдь, три года жизни врозь не шутка.

XXXIX.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. *26 марта 1902 г.*

„Дм. Донской“.

Все никакъ не могъ собраться написать вамъ подробнѣе, пришлось выбрать время на переходѣ изъ Алжира въ Кадиксъ. Нашему „Донскому“ сильно не везетъ; за это плаваніе у насъ уже три офицера списано по болѣзни: тропики такъ дали себя знать очень изнурительной формой дезинтеріи. Насъ и раньше было въ обрѣзъ, а съ уходомъ больныхъ, да и во время ихъ болѣзни, служить пришлось всего шести офицерамъ, считая тутъ ревизора и старшихъ спеціалистовъ Благодаря этому, почти не было времени ѣздить на берегъ да еще въ такихъ интересныхъ портахъ, какъ Неаполь и Алжиръ. Мнѣ все-таки удалось вырвать день свободы и съѣздить на Везувій. Поѣхали мы втроемъ по желѣзной дорогѣ къ сожалѣнію, былъ четвергъ, когда входъ въ Помпею безплатный, офиціальные гиды не работаютъ, и всѣ лучшія зданія,

гдѣ есть хоть немного мозаики или статуи, закрыты. Пришлось осмотрѣть пустыя улицы, и то на скоро, т. к. мы торопились на Везувій. Въ гостиницѣ мы за 13 франковъ съ каждаго получили билетъ на всю поѣздку, т. е. экипажъ до полу горы, оттуда верховыхъ лошадей, до станціи канатной желѣзной дороги, такъ называемой фуникулярной, и билетъ на эту дорогу. Путешествіе вышло очень занятное: экипажъ оказался удивительнымъ произведеніемъ искусства: весь перевязанный по всѣмъ суставамъ бичевками; запряжена въ него мизерная лошадка, которая проявила, впрочемъ, совершенно неожиданную прыть и мчала насъ со скоростью, по меньшей мѣрѣ, автомобиля, приблизительно версты за три отъ Помпеи до городка на склонѣ Везувія. Дальше нужно было ѣхать верхомъ. Пока намъ привели трехъ ужаснѣйшихъ клячъ, мы должны были пережидать въ кабачкѣ, гдѣ подверглись нападенію цѣлой толпы оборванцевъ, старавшихся насильно намъ оказать разныя услуги и клянчившихъ деньги; они меня такъ извели, что я чуть не обломилъ объ нихъ палку. Вообще, обираніе путешественниковъ здѣсь прямо невѣроятное; эти нахальные попрошайки хоть кого выведутъ изъ себя. На своихъ удивительныхъ росинантахъ намъ пришлось подниматься еще верстъ восемь винтомъ по скату Везувія; дорога шла сначала виноградниками, а потомъ совершенно безплодной мѣстностью съ потоками застывшихъ шлаковъ и лавы. Превратившійся въ какое то подобіе тропинки путь былъ чрезвычайно утомительный. По желѣзной дорогѣ поднялись мы почти отвѣсно еще на 900 метровъ и оказались у самаго подножія кратера; тутъ пришлось заплатить еще всевозможнымъ типамъ за доставку насъ къ самому устью кратера, что составляетъ самую трудную часть пути, хотя и продолжается всего минутъ 15. Кратеръ Везувія находится на вершинѣ конической кучи золы и шлаковъ, въ которыхъ нога вязнетъ по щиколодку. Подъемъ очень утомительный, хотя васъ тянетъ сперва и подталкиваетъ сзади коллекція грабителей. Зато, въ концѣ концовъ, мы были вполнѣ вознаграждены, когда достигли вершины: не говоря уже про дивный видъ на весь Неаполитанскій заливъ, самый кратеръ, дѣйствительно, штука замѣчательная по своей грандіозности. Послѣднее время Везувій усиленно дышитъ, такъ что мы сначала увидѣли край жерла, изъ котораго валили клубы тяжелаго бѣлаго дыма, съ сильнымъ запахомъ сѣры; но когда налетѣвшій порывъ вѣтра разогналъ дымъ, то мы увидѣли такую штуку, что просто становилось жутко. Для пущаго эфекта въ брюхѣ Везувія отчаянно

журчало, и тамъ точно черти стали громыхать желѣзными листами. Потомъ мы спустились къ молодому кратеру, но тотъ вовсе не интересенъ: просто дыры въ склонѣ конуса, откуда идутъ настолько горячіе сѣрные пары, что въ плотную къ нему подойти нельзя. Обратно намъ пришлось совершить тотъ же путь съ тою разницей, что на поѣздъ мы сѣли въ Torre-Anuncia, а не въ Помпеѣ; въ Неаполь мы прибыли около десяти часовъ вечера, страшно усталые, но вполнѣ довольные.

Неаполь мнѣ страшно понравился; изъ всѣхъ посѣщенныхъ до сихъ поръ городовъ это, безусловно, лучшій, хотя видъ на него съ моря ничего особеннаго не представляетъ. Непріятно только въ немъ огромное количество попрошаекъ, пристающихъ на каждомъ шагу. Классическіе лаццарони, помоему, много бы выиграли, если бы ходили въ своихъ національныхъ костюмахъ, а не носили невозможные пиджаки, въ которыхъ они ничѣмъ не отличаются отъ кронштадскихъ посячей и кіевскихъ босяковъ. Музыкальность свою неаполитанцы проявили надъ нами во всю: цѣлый день и чуть не всю ночь у борта бродячіе музыканты распѣвали намъ со шлюпокъ свои знаменитыя пѣсенки; надо отдать имъ справедливость, исполняли они недурно, но такъ прожужали намъ уши, что долго еще потомъ въ головѣ звенѣли ихъ мотивы.

27 марта.

Съ нами произошелъ неожиданный сюрпризъ: шли въ Кадиксъ, а попали въ Танжеръ, да еще не просто, а въ видѣ демонстраціи, совмѣстно съ отрядомъ франузскихъ крейсеровъ. Отъ насъ все это держали въ полномъ секретѣ, и мы были очень удивлены, когда встрѣтили въ шестомъ часу утра французскій отрядъ крейсеровъ „Pothuau“ подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ „Chanzy“ и „Latouche Treville“, обмѣнялись съ ними сигналами и пошли вмѣстѣ, а въ 9 ч. утра стали на якорь подъ Танжеромъ. Что сей сонъ значитъ, вы, вѣроятно, знаете изъ газетъ лучше нашего, т. к. мы хотя дѣлаемъ политику, но какую—не знаемъ; кажется, производятъ на кого то давленіе или, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, показываютъ изъ за угла кулакъ Англіи. Днемъ мы всѣ были приглашены на garden party къ нашему повѣренному въ дѣлахъ при Марокскомъ дворѣ. По пути мелькомъ осмотрѣли городъ, довольно живописный, съ занятнымъ народонаселеніемъ. Какъ всегда на оффиціальныхъ пріемахъ, было не особенно весело, но что удивительно—это присутствіе множества хорошенькихъ дамъ въ очень хорошенькихъ туалетахъ; для такой трущобы это прямо неожидан-

ное явленіе. Вечеромъ былъ балъ у французскаго повѣреннаго, но я предпочелъ смѣнить на вахту одного изъ нашихъ штатныхъ танцоровъ, ибо послѣ Джибути и Алжира не питаю довѣрія къ представителямъ французскаго правительства.

Завтра въ 10 часовъ утра уходимъ въ Кадиксъ, гдѣ и отправлю это письмо. Рейдъ здѣсь, между прочимъ, отвратительный, приходится стоять на якорѣ какъ въ открытыхъ моряхъ.

Стоянка въ Алжирѣ пришлась намъ солона: ежедневно по наряду пришлось торчать на всевозможныхъ пріемахъ и балахъ, гдѣ веселаго было очень мало. Послѣ Неаполя Алжиръ кажется неважнымъ городомъ, дѣлать въ немъ нечего, кабачки—и тѣ второго сорта. Въ Алжирѣ впервые пришлось встрѣтиться съ большимъ количествомъ автомобилей; ужасное безобразіе: шипитъ и воняетъ до неприличія; я до сихъ поръ не могу забыть небольшой трехколесный моторъ, пролетѣвшій мимо насъ быстрѣе молніи; съ адскимъ грохотомъ онъ скрылся въ очень узкой улицѣ; какъ онъ не разбился о первую попавшуюся стѣну, одному Богу извѣстно.

Посылаю фототипію „Донского“ на почтовой бумагѣ работы Гейзера въ Алжирѣ; замѣчательна быстрота, съ которой онъ работаетъ: „Донской“ былъ снятъ утромъ при входѣ въ гавань, а вечеромъ уже были присланы пробные оттиски. Пишу письмо уже третій день урывками. Вчера вечеръ у французскаго посланника вышелъ очень удачнымъ; наши, возратясь, разсказывали, что такъ мило нигдѣ не принимали за все наше плаваніе. Оказывается, въ Танжерѣ, несмотря на его глухое мѣстоположеніе, послѣднее время стало съѣзжаться много иностранцевъ, привлеченныхъ его хорошимъ климатомъ.

Сегодня (28) въ 10 ч. утра мы снялись съ якоря. Французскіе крейсера простились съ нами сигналами и пошли въ Средиземное море направо, а мы въ Антлантическій океанъ налѣво. Оказывается, мы, дѣйствительно, произвели домонстрацію противъ Англіи,—ужасно все это глупо. Сейчасъ мы входимъ на Кадикскій рейдъ, надо кончать письмо, того и гляди вызовутъ всѣхъ наверхъ на якорь становиться. Если не полѣнитесь пріѣхать въ Либаву, то скоро, меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ, увидимся съ вами.

XL.

ЛИБАВА. *26 апрѣля 1902 г.*

„Дм. Донской“.

Вчера проводилъ Гришу и Ганю въ Москву, меня же, какъ я и ожидалъ, адмиралъ не отпустилъ. Мнѣ было очень грустно, что болѣзнь помѣшала вамъ прiѣхать въ Либаву. Одно утѣшительно, что вы поправляетесь и серьезнаго ничего нѣтъ. Прiѣздъ братьевъ былъ для меня большой неожиданностью. Насъ задержалъ въ морѣ туманъ, и мы пришли въ Либаву только около 4-хъ часовъ дня 22-го апрѣля. Я на берегъ не поѣхалъ, и можете представить мое удивленiе, когда съ первой же нашей шлюпкой прiѣхалъ съ берега Ганя. Онъ меня прямо поразилъ своими чудовищными размѣрами. За Гришей пришлось съѣздить въ портъ, гдѣ онъ дежурилъ на другой пристани, ожидая шлюпки. Вообще, мальчики распорядились очень умно, благодаря чему и попали ко мнѣ на крейсеръ, раньше чего нельзя. Хотя они и взяли номеръ, но двѣ ночи провели на „Донскомъ“ и, вообще, эти дни были прикомандированы къ крейсеру, такъ что имѣли случай видѣть нашу внутреннюю жизнь, какъ она есть.

Большое спасибо Нинѣ Митрофановнѣ и Володѣ за посылку: масло и обѣ пасхи, а также и кiевское варенье исчезли необыкновенно быстро, сало же подается только къ столу, почему еще держится. Къ моему конфузу, Гриша оказался значительно выше меня, а Ганя хотя и нѣсколько меньше ростомъ, но значительно превосходитъ водоизмѣщенiемъ. Мнѣ очень грустно, что я не попаду на Лилину свадьбу.

Послѣ завтра уходимъ въ Кронштадтъ, гдѣ, я надѣюсь, скоро выяснится, можно ли расчитывать на отпускъ. Вы не можете себѣ представить, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть возможность провести хотя бы небольшую часть лѣта въ Жердовѣ.

Либавскiй портъ мнѣ ужасно не понравился. Портъ-Артуръ куда лучше. Вообще, я не могу себѣ представить плаванiя въ Балтiйскомъ морѣ, да и порядки здѣсь не важные, судя по тому, что пришлось видѣть и слышать.

Холодина здѣсь ужасный. Въ Финскомъ заливѣ еще ледъ, и неизвѣстно, какъ мы доберемся до Кронштадта. Ходятъ слухи, что уже всѣхъ нашихъ офицеровъ расписали на здѣшнiе кораб-

ли; буду всѣми силами стараться какъ нибудь избавиться отъ этого удовольствія.

Господи, что бы я далъ за четыре мѣсяца отпуска лѣтомъ. Говорятъ, на Востокѣ опять осложненія: Алексѣевъ экстренно уѣзжаетъ въ Артуръ. Пожалуй, не дадутъ ни повидаться съ вами, ни кончить классы, угонятъ воевать съ японцами Перспективы все какія то мрачныя, ну, да дастъ Богъ, все устроится. Я ничего бы не имѣлъ противъ возвращенія на Востокъ и даже войны съ Японіе, только бы дали побывать въ отпуску и кончить классы.

XLI.

КРОНШТАДТЪ. *11 мая 1902 г.*

„Дм. Донской".

Мы, наконецъ, въ Кронштадтѣ; только что избавились отъ нашествія французовъ, но смотровъ намъ еще никакихъ не было. Въ Петербургѣ я еще не былъ, да меня туда совсѣмъ не тянетъ; если поѣду, то по необходимости—заказать обмундировку.

Относительно лѣта ничего утѣшительнаго сообщить не могу: здѣсь такой недостатокъ въ офицерахъ, что даже одно изъ судовъ кадетскаго отряда должно было кончить кампанію; на нашу эскадру давно уже точатъ зубы и объ отпускѣ нечего и думать; вѣроятно, лѣтомъ удастся урваться недѣли на двѣ, не больше, да и то слава Богу. „Донской" кончаетъ кампанію 30 мая. Куда меня дѣнутъ послѣ этого, ничего неизвѣстно. Я хлопочу попасть на лѣто въ минный отрядъ, т. к. уже подалъ рапортъ о поступленіи осенью въ минный классъ, да и условія плаванія тамъ сравнительно лучше. Лиля со своей свадьбой заставила меня перенести не одну непріятную минуту, побудивъ хлопотать объ отпускѣ у нашего адмирала, отъ котораго нечего ожидать никакой любезности, и обязываться ему мнѣ хотѣлось бы менѣе всего на свѣтѣ. Если бы вы знали, какъ мнѣ хотѣлось бы провести это лѣто въ Жердовѣ, и какъ все это тяжело.

Эти дни у насъ была прямо бѣда съ французами*): я никогда

*) Пріѣздъ въ Россію президента Лубэ.

не ожидалъ, чтобы аліянсы могли доходить до такой степени, и главное, все это дѣлается совершенно искренно, отъ чистаго сердца, чему я не разъ имѣлъ случай убѣдиться. Приходъ эскадры представлялъ прямо грандіозное зрѣлище, благодаря несмѣтному количеству пароходовъ, вышедшихъ навстрѣчу. Погода стояла чудная, прямо на рѣдкость. Я былъ какъ разъ на вахтѣ, все прекрасно видѣлъ, но зато совершенно охрипъ отъ команды, столько пришлось выкрикивать всевозможныхъ распоряженій. Что дѣлалось въ теченіе послѣдующихъ дней на рейдѣ и въ городѣ, про Петербургъ я уже не говорю, трудно себѣ вообразить: достаточно сказать, что передъ уходомъ на „Guichen" было девять нѣтчиковъ, а на „Montcalm" тридцать, на „Cassini" же одинъ матросъ опился и умеръ, а другой захотѣлъ съ пьяну переплыть Неву и, конечно, утонулъ. Отъ насъ къ французамъ былъ прикомандированъ мичманъ Сѣверцовъ, ему пришлось сопровождать ихъ на всѣ торжества, и могу васъ увѣрить, что онъ не даромъ получилъ французскій орденъ: на него прямо было жаль смотрѣть. Я отдѣлался довольно благополучно, да и то радъ, что все кончилось.

Въ серединѣ наступающей недѣли насъ посѣтитъ Государь, а затѣмъ будутъ произведены смотры комиссіей, которые будутъ продолжаться всего три дня. Я уже началъ шить себѣ платье. По самому скромному подсчету, мнѣ придется истратить около 600 руб., т. к. мнѣ приходится обзаводиться буквально всѣмъ съ ногъ до головы: въ моемъ гардеробѣ не осталось ни одной маломальски приличной вещи, а отъ бѣлья осталось одно пріятное воспоминаніе, благодаря милѣйшимъ прачкамъ всѣхъ оттѣнковъ кожи.

XLII.

КРОНШТАДТЪ. *18 мая 1902 г.*

Только что получилъ ваше письмо со вложеніемъ денегъ. Большое спасибо, я, право, не разсчитывалъ на такую сумму, и мои планы были гораздо скромнѣе. Курьезно, что мы съ вами написали другъ другу въ одинъ и тотъ же день (насколько мнѣ помнится, мое послѣднее письмо тоже отъ одиннадцатаго мая). Изъ этого письма и со словъ Саши, которому я разсказалъ подробно

свои планы, вы теперь знаете, какъ печально обстоитъ вопросъ съ отпускомъ. Приходится хлопотать, чтобы устроить себѣ на лѣто мало-мальски приличное существованіе, а то того и гляди, попадешь въ артиллерійскій отрядъ къ свирѣпому адмиралу Рожественскому, гдѣ не только отпуска не получишь, но еще рискуешь быть проглоченнымъ этимъ чудищемъ. Перспектива кадетскаго отряда не лучше; я возлагаю большія надежды на минный отрядъ, куда надѣюсь попасть завѣдывающимъ миноноской; тамъ есть маленькій шансъ на кратковременный отпускъ; во всякомъ случаѣ, тамъ люди симпатичные и дышится много легче.

Шестнадцатаго у насъ былъ Государь. Смотръ прошелъ блестяще. Государь разговаривалъ со всѣми нами совсѣмъ просто. Изъ адмиральскихъ разговоровъ во время смотра окончательно выяснилось, что насъ отнюдь не собираются увольнять въ отпускъ, а наоборотъ, питаютъ относительно насъ самыя гнусныя намѣренія. Завтра Чухнинъ спускаетъ свой флагъ, и въ теченіе недѣли намъ будетъ производить смотры адмиралъ Сиденеснеръ съ комиссіей. Послѣ смотра „Донской" идетъ въ Либаву, гдѣ и будетъ зимовать. Буду ли на немъ во время перехода въ Либаву, еще неизвѣстно, т. к. послѣ смотра насъ распишутъ по разнымъ отрядамъ.

XLIII.

ТРАНЗУНДТЪ. *13 іюня 1902 г.*

Текеръ-сари.

Я получилъ миноноску № 9 и уже пришелъ съ ней въ Транзундтъ въ составѣ миннаго отряда. Объ этой комбинаціи я вамъ уже писалъ, когда она еще была въ проектѣ, теперь все устроилось какъ нельзя лучше. Отпускъ на все лѣто оказался окончательно невозможнымъ, но я думаю теперь устроиться такъ, чтобы это лишеніе, очень для меня тяжелое, чувствовалось возможно менѣе. Я уже вамъ писалъ, что если мнѣ будетъ невозможно къ вамъ пріѣхать, то постараюсь устроить такъ, чтобы вы могли провести хотя бы часть лѣта у меня; теперь все устроено, и дѣло только за вами. Вотъ какъ все устроено: прежде всего, у меня взята дача, т. к. на миноноскѣ жить нельзя. Дача состоитъ изъ

двухъ комнатъ, кухни и закрытой стекляной галлереи, такъ что могу помѣстить массу народа. Столуемся мы компаніей на другой дачѣ и держимъ сообща кухарку, кромѣ того, у меня заведено, на всякій случай, собственное хозяйство. Служба занимаетъ у меня всего около 6½ часовъ въ день, когда я выхожу на миноноскѣ на рейдъ стрѣлять миной отъ 8 ч. 30 м. до 11 ч. утра и отъ 2-хъ до 6-ти дня, остальное время я совершенно свободенъ, по субботамъ же и воскресеньямъ свободенъ цѣлый день. Живу я на островѣ Текеръ-сари на берегу бухточки, гдѣ подъ самымъ берегомъ стоитъ моя миноноска; вообще, тутъ очень мило и хорошо живется, такъ что я думаю, вамъ здѣсь понравится.

Удобства жизни ничуть не хуже, чѣмъ въ любомъ дачномъ мѣстѣ, но зато нѣтъ ничего похожаго на сутолоку и скуку дачныхъ мѣстъ. Живется здѣсь, вродѣ какъ въ Жердовѣ. Маршрутъ вамъ будетъ весьма несложенъ: изъ Петербурга утреннимъ поѣздомъ вы выѣзжаете въ Выборгъ, оттуда каждый день въ 3 ч. дня отваливаетъ канонерская лодка „Дождь", которая поддерживаетъ сообщеніе миннаго отряда съ Выборгомъ. Передъ пріѣздомъ вы мнѣ телеграфируйте по адресу: Транзундтъ, минный отрядъ, миноноска № 9, и я выѣду васъ встрѣтить, если же почему-либо это мнѣ не удастся, то на „Дождѣ" будутъ предупреждены о вашемъ прибытіи. Пріѣзжайте, дорогой папа, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Вы меня глубоко огорчите, если не пріѣдете; что вамъ здѣсь будетъ хорошо, и вы увидите много интереснаго, за это я вамъ ручаюсь.

XLIV.

КРОНШТАДТЪ. *12 сентября 1902 г.*

Я только что поступилъ въ минный классъ и живу теперь въ Кронштадтѣ. Миноноска кончила кампанію 4-го сентября, а 11-го у меня уже были экзамены, такъ что я, къ моему крайнему огорченію, не имѣлъ никакой возможности уѣхать куда бы то ни было, тѣмъ болѣе, что недѣлю пришлось возиться съ отчетностью миноноски, которая, несмотря на малыя размѣры судна, достаточно сложна и велика. Къ экзамену, благодаря всему этому, почти не было времени готовиться, но все, слава Богу, обошлось благопо-

лучно, и я выдержалъ хорошо. Насъ принято 30 человѣкъ, въ томъ числѣ два болгарскихъ офицера; конкуренціи не было, да и экзаменовали пустяшно. Сегодня начались занятія. Премудрости въ насъ накачиваютъ бездну, заниматься придется очень серьезно. Лекціи начинаются въ 9 ч. утра и продолжаются до 3-хъ, съ маленькими перерывами въ 20 м.; съ 3-хъ до 5 время свободно, а съ 5 до 8 вечера идутъ практическія занятія—какъ видите, изрядно. Особенно громадны курсы электричества, физики и химіи, не считая спеціальныхъ предметовъ.

Живу я вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Ждановымъ *). Зани-

Лейтенантъ Б. К. Ждановъ.

маемъ мы меблированную квартиру въ три комнаты, очень чистенькую и удобную. Главное, хорошо то, что квартира вполнѣ въ нашемъ распоряженіи, такъ какъ другихъ жильцовъ нѣтъ, а старушка-хозяйка исполняетъ обязанности прислуги и заботится объ насъ лучше всякой няньки. Эта Матвѣевна довольно оригинальная личность: она уже 24 года сдаетъ квартиру морскимъ офицерамъ

*) Борисъ Константиновичъ Ждановъ погибъ геройскою смертью въ Цусимскомъ бою: онъ не захотѣлъ оставить свой корабль „Адмиралъ Ушаковъ“ и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ ко дну. Былъ шаферомъ у лейтенанта Вырубова.

и за свою заботливость пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью и любовью чуть не во всемъ нашемъ флотѣ.

Лѣто у насъ, къ сожалѣнію, омрачилось очень грустнымъ происшествіемъ: застрѣлился одинъ изъ командировъ миноносокъ, лейтенантъ Колокольцовъ, назначенный на миноноску № 32 вскорѣ послѣ вашего отъѣзда. Онъ поселился съ нами на большой дачѣ, куда мы перебрались уже безъ васъ. Это былъ вполнѣ нормальный человѣкъ, повидимому, не имѣвшій никакихъ данныхъ къ самоубійству, въ минномъ классѣ онъ шелъ и кончилъ первымъ. 14 августа мы устроили у себя на дачѣ вечеръ, на которомъ было до 70 человѣкъ приглашенныхъ, было очень весело, садъ былъ иллюминованъ, устроили даже порядочный фейерверкъ, танцы продолжались до 2-хъ часовъ ночи. Послѣ разъѣзда Лесли, Колокольцовъ и я просидѣли еще до 4-хъ часовъ и весело разговаривали, а на другой день около 1 ч. дня Колокольцовъ совершенно неожиданно для всѣхъ застрѣлился, не оставивъ никакихъ записокъ. Впечатлѣніе на нашъ дружескій текерсарскій кружокъ эта исторія произвела самое тягостное. Все лѣто пошло на смарку, и мы были очень рады, когда, наконецъ, вернулись въ Кронштадтъ.

На другой день послѣ моего возвращенія съ вашихъ проводъ изъ Петербурга, ко мнѣ совершенно неожиданно явилась мама. Появленіе ее было чисто феерическое. въ 4 ч. ночи, когда мы всѣ спали. Я не имѣлъ даже возможности провести ее на дачу, такъ какъ тамъ спали Мордвиновъ и Лесли. Мы съ ней просидѣли на галлереѣ, куда я велѣлъ подать самоваръ. Я старался вести разговоръ съ мамой, не касаясь никакихъ острыхъ вопросовъ, что мнѣ и удалось: мы съ ней очень мило пробесѣдовали до 7 часовъ, когда она уѣхала въ Выборгъ на чухонскомъ пароходѣ. Цѣль посѣщенія мамы мнѣ не совсѣмъ ясна, т. к. мнѣ трудно себѣ представить, чтобы она такъ сильно хотѣла меня видѣть, впрочемъ, это вѣроятно происходитъ отъ моей собственной черствости и привычки къ изолированности. Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ, мнѣ даже было пріятно съ ней поболтать, и я жалѣлъ, что ей невозможно было оставаться дольше.

Въ Петербургѣ я бывалъ исключительно по дѣламъ службы и только случайно попалъ въ Маріинскій театръ. Я купилъ себѣ грамофонъ съ концертнымъ рупоромъ; онъ поразительно хорошо передаетъ, какъ пѣніе, такъ и оркестровыя вещи, голосъ вполнѣ сохраняется, отчетливость замѣчательная. Фонографъ съ нимъ не выдерживаетъ никакого сравненія. Мы имъ теперь очень увле-

каемся, и ему парядочно приходится работать. Совѣтую и вамъ пріобрѣсть такой, онъ вполнѣ окупаетъ свою цѣну. Мы пробовали пускать его вечеромъ въ открытое окошко: надо было видѣть, что дѣлалось на улицѣ. Жаль, что мнѣ не удалось побывать въ Жердовѣ, ну, да дастъ Богъ, это еще отъ меня не ушло.

Мой кронштадскій адресъ: уголъ Сайдашной и Медвѣжьей улицъ, домъ Цѣпова, кв. 9. Можете адресовать и въ минный классъ.

XLV.

КРОНДШТАДТЪ. *3 октября 1902 г.*

У насъ теперь занятія въ полномъ ходу: отъ избытка премудрости просто голова начинаетъ пухнуть. Судите сами: съ 9-ти часовъ утра до 3-хъ дня у насъ три лекціи и $1^1/_2$ часа практическихъ занятій съ двумя пятиминутными и однимъ двадцатиминутнымъ перерывами, въ 3 ч. мы идемъ домой обѣдать, а въ 4 ч. 30 м. должны уже опять быть въ классѣ на практическихъ занятіяхъ, которыя продолжаются до 7-ми вечера; только въ субботу лекціи кончаются въ 1 ч. 30 м. дня. Кромѣ спеціальныхъ предметовъ, у насъ очень серьезно проходится физика и химія, съ прекрасно поставленными практическими занятіями. Курсы по всѣмъ предмѣтамъ огромны, и времени едва хватаетъ. Работать эту зиму придется очень серьезно, впрочемъ, до сихъ поръ очень интересно, а т. к. насъ собралась дружная компанія, то даже весело, особенно на практическихъ работахъ, и я своей судьбой пока доволенъ: въ классѣ, дѣйствительно, можно многому поучиться. Вы спрашиваете, въ какомъ состояніи мои финансы. Жалованья мнѣ вполнѣ хватаетъ на квартиру, столъ и разные мелкіе расходы, вродѣ прачки; свободной наличности въ кассѣ, конечно, нѣтъ, но такъ какъ въ Питеръ я попрежнему не очень то люблю ѣздить, то жить вполнѣ можно. Минусомъ у меня являются не взятые у Норденштрама сюртукъ и мундиръ, которые онъ все перешивалъ, такъ какъ они вышли не важно; въ виду же того, что у меня есть новый сюртукъ, а мундиръ еще приличенъ, они лишніе, и я ихъ пока не беру. Въ этомъ мѣсяцѣ намъ еще выдадутъ по 50 р. на покупку

книгъ, и ужъ тогда положеніе будетъ вполнѣ недурно. Какъ я вамъ уже писалъ, жизнь у меня обставлена отлично: квартира очень хороша, столъ не оставляетъ желать ничего лучшаго и, кромѣ того, обходится очень дешево: съ насъ троихъ въ день выходитъ около 60 к. съ персоны. Погода у насъ отвратительная: вчера выпалъ снѣгъ и вообще такая слякоть, что мы всѣ чихаемъ и кашляемъ. Пока до свиданія, цѣлую васъ крѣпко; спасибо, что написали, надѣюсь, что и впредь нѣтъ-нѣтъ да и черкнете строчку, а также охотно принимаются приложенія сельскими продуктами и кіевскимъ вареньемъ.

XLVI.

КРОНШТАДТЪ. *12 ноября 1902 г.*

Большое спасибо за варенье, несмотря на большое количество, оно просуществовало какихъ-нибудь дня три. Извините, что такъ долго не могъ собраться написать: время такъ летитъ, что за постоянными занятіями не замѣчаемъ, какъ уже прошелъ почти мѣсяцъ. Наши несчастныя головы за это время успѣли набить такимъ количествомъ премудрости, что прямо приходишь въ ужасъ, какъ только начнешь разбираться. Оказывается, что въ идеалѣ наукѣ нужно посвящать 12 ч. въ сутки, но мы, къ сожалѣнію, никакъ не можемъ достигнуть такого совершенства и ограничиваемся 8-ю часами, проведенными въ классѣ. Надо отдать справедливость: преподаваніе поставлено прекрасно, и до сихъ поръ у меня интересъ не пропалъ. Въ концѣ декабря будутъ повѣрочные экзамены по физикѣ, химіи и электричеству; придется заняться основательно. У насъ уже начались морозы до 10^0, снѣгу, впрочемъ, еще и нѣтъ. На будущей недѣлѣ открывается катокъ; можно будетъ въ $1^1/_2$ часовый перерывъ кататься для освѣженія головы.

6-го декабря насъ производятъ въ лейтенанты и, слѣдовательно, необходимо мѣнять погоны и эполеты на всѣхъ вещахъ. За это время я былъ два раза въ Питерѣ, и то ѣздилъ на свадьбы двухъ товарищей. Съ моимъ бюджетомъ такія поѣздки ужъ черезчуръ разорительны. Оба раза я былъ у тети Сони (Бельгардтъ) и

даже разъ остался ночевать, т. к. у нея имѣется для меня спеціальная комната, которой я, вѣроятно, буду рѣдко пользоваться.

XLVII.

КРОНШТАДТЪ. *12 января 1903 г.*

Шестого января я сдѣлалъ предложеніе Катѣ Развозовой, получилъ согласіе, и теперь меня ужасно мучаетъ моя невольная неоткровенность съ вами на праздникахъ. Дѣло въ томъ, что наше объясненіе произошло довольно неожиданно для меня самаго, а до него мы съ Катей не обмолвились ни словомъ объ нашихъ чувствахъ, хотя прекрасно понимали другъ друга и съ лѣта были неразлучны. Я лично расчитывалъ на вашъ пріѣздъ въ Кронштадтъ, когда хотѣлъ показать вамъ Катю и поговорить съ вами по душѣ. Мое предложеніе было также сюрпризомъ и для семьи Развозовыхъ: зная мои бродяжническія наклонности и стремленіе въ плаваніе, они ничего не ожидали. Про семейство Развозовыхъ я вамъ неоднократно разсказывалъ, т. к. они уже сыграли крупную роль въ моей жизни: благодаря ихъ кружку, я при первыхъ своихъ шагахъ въ офицерскомъ чинѣ не сбился съ панталыку, не спился и вообще, кажется, пошелъ, по должному пути. Катю вы собственно видѣли, но помнить не можете, т. к. были на Текеръсари у Развозовыхъ всего нѣсколько минутъ, а барышень была какъ разъ цѣлая куча. Ей 20 лѣтъ, она свѣтлая шатенка, небольшого роста, особой красотой не отличается, такъ что съ моей стороны нѣтъ увлеченія внѣшностью, за что же я ее полюбилъ—трудно написать въ одномъ письмѣ, да я и не умѣю—увидите при ближайшемъ знакомствѣ. Окончательный толчокъ всему дала моя поѣздка въ Жердову, когда я убѣдился, что Катя будетъ мнѣ не только хорошей женой, несмотря на мою морскую службу, но и къ нашему жердовскому семейному кружку она подходитъ вполнѣ. Не сердитесь, дорогой папа, на непочтительнаго сына, который васъ все-таки очень любитъ и видитъ въ васъ своего единственнаго до сихъ поръ близкаго человѣка, да къ тому же онъ, право, ужъ не такая скотина, какъ кажется на первый взглядъ. Пріѣзжайте въ Кронштадтъ и поможете мнѣ вашимъ совѣтомъ и сердечнымъ участіемъ

разобраться во всевозможныхъ трудныхъ вопросахъ, которыхъ у меня такъ много набралось. Относительно свадьбы я еще ничего не могу рѣшить окончательно. Хотѣлось бы весной передъ плаваніемъ, сейчасъ послѣ экзаменовъ, чтобы жить на Текеръ-сари своимъ хозяйствомъ, но очень можетъ быть, придется вѣнчаться послѣ плаванія и сейчасъ же ѣхать въ отпускъ.

XLVIII.

КРОНШТАДТЪ. *3 февраля 1903 г.*

Ваше письмо произвело на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Я безусловно виноватъ передъ вами, сознаніе этой вины для меня гораздо мучительнѣе, чѣмъ вы, быть можетъ, думаете. Я самъ не понимаю, почему не поговорилъ съ вами по душѣ на праздникахъ, хотя меня ужасно тянуло; глупо, что причинъ къ этому никакихъ не было, тѣмъ болѣе тѣхъ, которыя вы предполагаете. Единственнымъ слабымъ извиненіемъ можетъ служить то, что я не ожидалъ такой скорой развязки. За все это ваше письмо является суровымъ и вполнѣ заслуженнымъ воздаяніемъ. Но мнѣ очень грустно, что вы пишете, будто я вамъ оставляю одну матеріальную сторону—это уже незаслуженная мною обида т. к. я у васъ ничего не просилъ и именно тутъ-то и думаю свести вашу роль на нѣтъ. Я считаю необходимымъ выяснить наши отношенія, тѣмъ болѣе, что это очень просто: мнѣ отъ васъ ничего не нужно въ смыслѣ матеріальномъ. Я думаю, что это сразу упроститъ наши отношенія, и мы съ вами будемъ считаться только въ области болѣе симпатичной, гдѣ я теперь, къ сожалѣнію, кругомъ передъ вами не правъ. Минный классъ дастъ мнѣ матеріальную обезпеченность при всевозможныхъ служебныхъ комбинаціяхъ и по нашему уставу въ 23 года можно жениться и безъ реверса, при условіи перевода въ Квантунскій или Сибирскій экипажи. Я очень вамъ благодаренъ за все, что вы до сихъ поръ для меня сдѣлали, т. к., конечно, теперешнимъ своимъ положеніемъ я обязанъ вамъ; мнѣ бывало пріятно имѣть лишнія деньги въ карманѣ, но вы знаете, что я ихъ всегда считалъ извѣстною роскошью, безъ которой могъ бы обойтись. Мои потребности довольно скромны, и на нихъ

хватитъ содержанія миннаго офицера, моя будущая жена въ этомъ отношеніи мнѣ подъ пару. Девяносто процентовъ нашихъ офицеровъ живутъ на получаемое содержаніе при гораздо худшихъ условіяхъ, надѣюсь, и я не хуже другихъ.

По странной случайности одновременно съ вашимъ письмомъ, въ классъ пришло предложеніе командира крейсера „Алмазъ" Ив. Ив. Чагина кому-нибудь изъ слушателей итти къ нему миннымъ офицеромъ. Я знаю Ив. Ив. по Востоку съ самой лучшей стороны, почему и изъявилъ желаніе. „Алмазъ" строится, какъ яхта для Алексѣева и, по всей вѣроятности, будетъ переведенъ въ Квантунскій экипажъ. Это мѣсто дастъ мнѣ круглый годъ плаванія почти все время въ Артурскомъ бассейнѣ и около 320 р. въ мѣсяцъ, а съ переводомъ въ Квантунскій экипажъ даже около 400. „Алмазъ" еще строится и его предполагаютъ отправить позднѣе, осенью этого года. Въ Артурѣ теперь можно будетъ устроиться очень сносно: новый городъ растетъ такъ, какъ грибъ.

Еще разъ прошу прощенья, дорогой папа, за невольно причиненное вамъ огорченіе. Мнѣ бы отъ души хотѣлось чтобы вы меня простили, т. к. для меня вы попрежнему самый близкій человѣкъ и ваше участіе мнѣ всегда было и будетъ нужно, хотя отнюдь не въ матеріальной области.

XLIX.

КРОНШТАДТЪ. *31 марта 1903 г.*

Христосъ Воскресе!

Отъ души желаю вамъ и всѣмъ жердовянамъ весело провести эти праздники. Искренно жалѣю, что не могъ провести ихъ съ вами. На святой у насъ какъ разъ два самыхъ трудныхъ экзамена: въ среду химія, въ субботу взрывчатыя вещества. Вообще, приходится туго и только послѣ 26 апрѣля можно будетъ вздохнуть спокойно. 27 былъ первый экзаменъ по электричеству и телеграфу безъ проводовъ. Волновались мы ужасно, никогда не ожидали, что благополучно справимся съ такимъ громаднымъ курсомъ. Совершенно неожиданно экзаменъ прошелъ блестяще: половина балловъ больше 11,5, низшій и единственый баллъ былъ 10,1 у

самаго безнадежнаго слушателя. Я получилъ 11,7 за устный отвѣтъ, телеграфы 12 и за практическія занятія 12. Послѣ завтра экзаменъ по теоріи динамо-машины и судовой электротехники, не знаю, сойдетъ ли такъ же благополучно.

Сегодня получилъ ваше письмо. Большое вамъ спасибо, я съ вами вполнѣ согласенъ, и во что-бы то ни стало, постараюсь послѣ экзаменовъ пріѣхать въ Жердову. Простите, если мои письма были неладно написаны; огорчить вась ими я отнюдь не хотѣлъ, мнѣ было ужасно трудно ихъ написать: до такой степени все положеніе было для меня неестественно и тяжело. Я глубоко и искренно убѣжденъ, что недоразумѣніямъ между нами нѣтъ мѣста, и личное свиданіе все разъяснитъ. За наши будущія отношенія я не боюсь; даже, если я лично буду несчастливъ, это на нихъ ни въ коемъ случаѣ отразиться не должно—вы для меня всегда останетесь самымъ близкимъ и дорогимъ человѣкомъ. Относительно моей невѣсты могу только сказать, что она гораздо болѣе сердечный человѣкъ, чѣмъ я; она здѣсь пользуется общею любовью, и я не знаю буквально ни одного человѣка какъ среди молодежи, такъ и среди людей пожилыхъ отъ молодого мичмана до стараго адмирала, который не относился бы къ ней симпатично. Съ этой стороны опасаться нечего: благодаря моей женитьбѣ вы познакомитесь только еще съ нѣсколькими хорошими людьми.

По волѣ случая, мамѣ пришлось первой познакомиться съ моей невѣстой и ея семьей. Она совершенно неожиданно появилась среди нашей холостой компаніи, провела здѣсь цѣлый вечеръ, обобрала всѣ остатки китайскихъ вышивокъ у моего товарища Жданова, а у меня откопала китайскій холстъ, который я случайно забылъ захватить съ собою на Рождествѣ. Взамѣнъ всей этой дряни она намъ прислала двухъ маленькихъ таксъ: одну Жданову *), другую мнѣ. Мы со Ждановымъ давно хотѣли раздобыть себѣ таксиковъ, но все намъ не удавалось разыскать. Мой звѣрь будетъ поднесенъ въ пасхальномъ яйцѣ Катѣ.

Мать со мною была очень мила, но все же осталось послѣ нея какое то тяжелое впечатлѣніе: ужъ очень я отъ нея отвыкъ, какъ то трудно себѣ представить, что она моя мать. Въ концѣ концовъ, мнѣ ее очень жаль: тяжелое она получила воздаяніе.

Въ Петербургѣ играетъ и пользуется большимъ успѣхомъ

*) Такса Жданова погибла на „Суворовѣ“.

Марія Константиновна *). Она пріѣхала на гастроли, всего на 10 спектаклей въ началѣ поста, но теперь, оказывается, уѣдетъ только послѣ Ѳоминой недѣли. Я разъ былъ у нея: играла она въ новомъ театрѣ Неметти, гдѣ то очень далеко на Петербургской сторонѣ, теперь же перебралась въ театръ-пассажъ. Марія Константиновна все такая же. Странно было видѣть въ труппѣ знакомыя лица Загорскаго Левицкаго, Полянскую.

Съ мамой пріѣзжалъ Бакисъ **). Онъ былъ такъ любезенъ, что доставилъ щенятъ сюда. Бакисъ выступалъ на концертѣ учениковъ Прянишникова подъ псевдонимомъ Бакланова. Въ „Новомъ Времени" его очень похвалили. Въ апрѣлѣ онъ даетъ концертъ въ Петербургѣ. Вообще, его дѣла, кажется, идутъ на ладъ.

L.

КРОНШТАДТЪ. *27 декабря 1903 г.*

Поздравляю васъ съ днемъ вашего рожденія и съ наступающимъ Новымъ годомъ. Мы съ Катей добрались до Кронштадта вполнѣ благополучно. Въ Петербургѣ оказалось, что нашъ багажъ еще не пришелъ, я его не сталъ ждать, а поручилъ получить артельщику, который и доставилъ мнѣ его на другой день въ Кронштадтъ въ полной исправности. Въ Ораніенбаумѣ мы заѣхали на минуту къ старому адмиралу Мессеру. Черезъ море теперь прекрасная дорога, ѣхали мы въ парной кибиткѣ и мигомъ добрались до Кронштадта. Наше появленіе было сюрпризомъ, хотя накануне всѣ почему то видѣли насъ во снѣ. Мэри, впрочемъ, видитъ Жердову чуть не каждый день, и рѣшили, что мы должны на дняхъ пріѣхать. Вечеромъ мы довольно неожиданно для себя попали на елку къ Ѳедѣ Васильеву, гдѣ было очень мило; кромѣ насъ тамъ былъ только Огаревъ и еще трое старыхъ знакомыхъ

---

*) Извѣстная украинская артистка Заньковецкая.

**) Георгій Андреевичъ Бакисъ-Баклановъ, нынѣ артистъ Московской Императорской оперы. Гастроли его въ Америкѣ (Бостонъ) имѣли большой успѣхъ. Онъ былъ товарищемъ брата лейтенанта Вырубова по Пятой Кіевской гимназіи.

изъ генералитета. Настроеніе здѣсь удивительно спокойное, войны, видимо, не ждутъ и въ нее не вѣрятъ *), хотя вчера, напримѣръ, Тиленъ привезъ изъ Питера извѣстіе, что послѣ праздниковъ мобилизуется лейбъ-гвардіи кадровый и Александро-Невскій полки, на предметъ отправленія на Востокъ. У насъ же пока приказано 12 старымъ лейтенантамъ, которые на очереди въ старшіе офицеры, быть готовыми по первому требованію къ немедленной отправкѣ на Востокъ. Ходятъ слухи, что на Новый годъ будетъ

Лейтенантъ Сергѣй Петровичъ Огаревъ **).

очень большое производство въ капитаны 2-го ранга, произведутъ будто бы около 100 человѣкъ—это нѣчто небывалое, и сообразно этому много мичмановъ въ лейтенанты, такъ что Тиленъ будетъ, навѣрно, произведенъ, а я сильно постарѣю по службѣ. Мнѣ становится досадно, что я не провелъ праздника съ вами: эти дни нельзя было даже явиться по начальству, я только расписался въ экипажѣ. Былъ я на своей квартирѣ; она очень миленькая; хотя

*) Ровно черезъ мѣсяцъ въ Артурѣ были подорваны японцами наши броненосцы „Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“ и „Паллада“.

**) Минный офицеръ броненосца „Наваринъ“, погибъ вмѣстѣ со своимъ судномъ въ Цусимскомъ бою, отбивая до послѣдней минуты минныя атаки. Товарищъ по выпуску Вырубова и его шаферъ.

и маленькая, но зато она очень чиста, удобна и даже имѣетъ парадный видъ. Впрочемъ, отчасти и хорошо, что она мала: легче будетъ сдѣлать ее уютной; послѣ праздниковъ будемъ покупать обстановку. Пока мы живемъ у Карри Ѳеодоровны и чувствуемъ себя прекрасно. Сегодня въ морскомъ собраніи большой балъ; днемъ вся наша компанія по просьбѣ Тилена, который дирижируетъ, приводила въ порядокъ котильонъ. На балъ отправились только Карри Ѳеодоровна и Мэри, мы же съ Катей думаемъ начать блистать въ обществѣ 30 на елкѣ въ собраніи.

Кстати, чуть не забылъ сообщить, что протекція отцу Михаилу уже оказана*). Карри Ѳеодоровна говорила объ немъ адмиралу Андрееву, который сказалъ, что у Желобовскаго есть правая рука, нѣкій протоіерей, въ свое время чѣмъ то обязанный Андрееву и потому готовый для него все сдѣлать. Отцу Михаилу пока надо постараться, чтобы объ немъ не дали сквернаго отзыва изъ епархіи, и тогда его поступленіе во флотъ обезпечено.

P. S. А все-таки, я думаю, что на войну пойду.

LI.

КРОНШТАДТЪ. *22 января 1904 г.*

На прошлой недѣлѣ я написалъ вамъ длинное письмо, въ которомъ подробно излагалъ всѣ свои дѣянія за послѣднее время. Обстановка моя прибыла по назначенію, прислугу удалось достать очень приличную, съ прекрасными рекомендаціями, въ экипажѣ мнѣ дали вѣстового, такъ что непріятный вопросъ съ прислугой рѣшенъ. Мы пока еще ночуемъ съ Катей у Карри Ѳеодоровны, но въ воскресенье думаемъ перебраться окончательно. Квартира вышла очень миленькая, даже отдѣланная начерно, когда же повѣсимъ драпировки, будетъ замѣчательно уютно. Все бы было пре-

*) Отецъ Михаилъ Чикалевскій, священникъ въ селѣ Бобрикъ, вѣнчавшій лейтенанта Вырубова, пожелалъ поступить священникомъ во флотъ, такъ какъ онъ былъ вдовъ. Во флотъ ему попасть не удалось, но онъ попалъ священникомъ въ Волынскій полкъ и былъ въ Манджуріи во время войны.

красно, но, къ сожалѣнію, у меня вышелъ порядочный перерасходъ, въ которомъ и приношу повинную. Дѣло въ томъ, что въ данный моментъ, получивъ жалованье, и взявъ ссуду изъ офицерскаго капитала, гдѣ я имѣю право взять около 200 руб., я буду располагать 280 р., заплатить же мнѣ нужно 288 по одному счету, да 75 р. по другому, не считая того, что 5 февраля нужно платить за квартиру 60, да на столъ и прочее хозяйство нужно столько же. Какъ видите, прогаръ полный, хотя я и старался во всю: изъ экономіи не покупалъ даже такихъ вещей, какъ трюмо въ гостиную, и еще не купилъ плюшевыхъ занавѣсей. Я никакъ не думалъ, что въ хозяйствѣ нужно такую пропасть всякой всячины. Мебель на всю квартиру обошлась мнѣ около 1000 р. (1071) и я думалъ, что остальныхъ денегъ мнѣ хватитъ на прочее, но оказалось, не тутъ то было. Положеніе мое преотвратительное: вы знаете, какъ мнѣ тяжело бываетъ обращаться съ просьбою о деньгахъ даже къ вамъ, да еще послѣ того, какъ я съ апломбомъ заявилъ, что за глаза обойдусь 1000 руб. Но все таки, я считаю лучше дѣйствовать прямо, почему еще въ прошломъ письмѣ просилъ прислать рублей 300—это минимумъ того, что мнѣ нужно, чтобы привести мои финансы въ мало-мальски сносное состояніе.

Хлопотъ до сихъ поръ еще масса, и я съ нетерпѣніемъ жду, когда всѣ эти треволненія прекратятся, и мое хозяйство, наконецъ, будетъ пущено въ ходъ. Живется мнѣ, въ концѣ концовъ, отлично, не смотря на треволненія: дѣла столько, что рѣшительно нѣтъ времени скучать, да и вообще семейная жизнь много осмысленнѣе холостой, въ чемъ я съ радостью убѣдился.

Эти дни я очень занятъ службой, т. к. остался за адъютанта и долженъ сидѣть въ экипажѣ съ 9½ до 2-хъ, а съ 2-хъ до 3-хъ обучать экипажъ всякимъ премудростямъ военной службы, необходимымъ въ виду предстоящихъ инспекторскихъ смотровъ. За то благодаря тому, что я адъютанствую, удалось себѣ выхлопотать вѣстового. Это письмо я вамъ пишу на дежурствѣ по экипажу, тоже удовольствіе не изъ послѣднихъ.

Теперь пойдутъ воинственныя новости: только что произведенъ совершенно не во время въ контръ-адмиралы капитанъ I ранга Іессенъ и назначенъ начальникомъ минной обороны Квантуна: на этихъ дняхъ онъ долженъ отправиться по назначенію. Іессенъ одинъ изъ лучшихъ и энергичныхъ нашихъ командировъ—его назначеніе знаменательно. Сегодня по всѣмъ экипажамъ и отрядамъ спрашивали желающихъ офицеровъ и инженеръ-механиковъ

отправляться въ Тихій океанъ; свѣдѣнія эти должны были быть представлены въ штабъ черезъ два часа послѣ полученія телеграммы. Вообще, сегодня опять рядъ безпокойныхъ извѣстій: Катя, между прочимъ, прислала мнѣ на дежурство записку, въ которой говоритъ, что по городу начали циркулировать слухи о томъ, что война уже объявлена, съ другой стороны, мой экипажный товарищъ говорилъ, что на придворномъ балу 19 января онъ слышалъ, что войны, навѣрно, не будетъ—вотъ тутъ и разберись. *) Мы уже привыкли къ этому тревожному настроенію и относимся довольно спокойно, но бываютъ минуты, когда начинаешь шибко волноваться. Я лично настроилъ себя быть готовымъ каждую минуту къ отправкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ устраиваюсь такъ, какъ будто я всю жизнь проведу въ Кронштадтѣ; получается иллюзія, отъ которой и мнѣ, а главное, всѣмъ меня окружающимъ легче переносить всю эту ненормальщину. Все вышеизложенное взято изъ дѣйствительности и фактически точно, теперь на закуску нѣсколько сенсаціонныхъ новостей, за точность которыхъ не ручаюсь. Говорятъ, будто всѣ наличные офицеры кронштадскаго порта уже записаны по судамъ тихоокеанской эскадры и съ момента объявленія войны немедленно отправляются на Востокъ, здѣсь же всѣ должности будутъ замѣщены офицерами запаса. На Востокъ отправляютъ 4 корпуса гвардейской стрѣлковой бригады, которой приказано быть готовой къ отправленію. Адмиралъ Рожественскій назначается начальникомъ эскадры Тихаго океана и проч. и проч.

Говорятъ, мы сдѣлали значительныя уступки въ Кореѣ, но переговариваться съ японцами относительно Манджуріи, наотрѣзъ отказались; японцы требуютъ отъ насъ гарантій очищенія Манджуріи. Вообще, насъ теперь не удивятъ никакія событія, мы ихъ, вѣроятно, встрѣтимъ спокойнѣе, чѣмъ теперешніе сенсаціонные слухи. Пока до свиданія! Я все таки надѣюсь угостить васъ хорошимъ хересомъ у себя на новосельѣ. Катя и всѣ Развозовы шлютъ привѣтъ **).

---

*) 27 января, черезъ семь дней, три нашихъ броненосца были выведены изъ строя, и война объявлена.

**) Въ февралѣ лейтенантъ Вырубовъ былъ назначенъ на достраивающійся „Князь Суворовъ“, на которомъ онъ черезъ 7 мѣсяцевъ пошелъ со второй эскадрой на Востокъ.

LII.

КРОНШТАДТЪ. *8 іюня 1904 г.*

„Кн. Суворовъ".

Къ сожалѣнію, я совершенно не могу сообщить вамъ даже приблизительно время отплытія эскадры, т. к. это рѣшительно никому неизвѣстно. Въ прошлое воскресенье было окончательно рѣшенъ, при участіи Государя, какъ маршрутъ эскадры, подробности ея плаванія, составъ и назначеніе, такъ, вѣроятно, и время, конечно, приблизительное, ея отправленія, но во-первыхъ все это держится въ строжайшей тайнѣ, и во-вторыхъ, совершенно не зависитъ даже отъ Государя. Командирамъ судовъ передано только, что Государь желаетъ, чтобы корабли были готовы къ 1 іюля, послѣ чего Государь лично будетъ пріѣзжать на корабли чуть не каждую недѣлю и торопить работы. Все это прекрасно, но, къ сожалѣнію, готовность современнаго корабля не можетъ быть предписана съ точностью до одной недѣли. „Суворовъ" и „Бородино" къ 1 іюля, дѣйствительно, будутъ готовы въ главныхъ частяхъ и могутъ приступить къ испытаніямъ механизмовъ, артиллеріи и минъ, на что требуется при благопріятныхъ результатахъ minimum мѣсяцъ; параллельно будемъ принимать запасы по всѣмъ частямъ, что тоже дѣло далеко не легкое. Въ худшихъ условіяхъ „Орелъ" и крейсера „Олегъ", „Жемчугъ" и „Изумрудъ", зато „Александръ III" уже теперь готовъ, даже въ деталяхъ. Можно сказать только, что благоразумнѣе было бы послать эскадру не раньше октября, чтобы имѣть, дѣйствительно, надежные корабли, испытанные по всѣмъ частямъ съ обученною командою, но, конечно, насъ пошлютъ раньше, при чемъ срокъ отправленія будетъ зависѣть отъ тысячи причинъ и угаданъ быть не можетъ.

Эскадра собирается, дѣйствительно, грандіозная: уже теперь по спискамъ въ штабѣ значится 39 вымпеловъ, изъ нихъ 8 миноносцевъ и 10 транспортовъ, остальные все боевые корабли; всего же пойдетъ отъ 45 до 59 кораблей. Выйдя въ океанъ эскадра, или по крайней мѣрѣ большая ея часть, исчезнетъ безъ вѣсти, и узнаете о насъ только мѣсяца черезъ $2^1/_2$ по телеграммамъ изъ портовъ Дальняго Востока.

Мнѣ кажется, что вамъ всего удобнѣе пріѣхать въ іюлѣ.

Дѣло въ томъ, что въ іюнѣ мы будемъ иногда уходить въ море, теперь же мы мирно стоимъ въ гавани, и я ежедневно бываю свободенъ послѣ 5 ч. вечера, т. ч. даже обѣдаю дома. Кромѣ того, къ 1 августа мы думаемъ перемѣнить квартиру: мы нашли очень удобную квартиру, близко отъ Карри Ѳеодоровны, болѣе удобную, чѣмъ наша, больше и дешевле на 5 рублей въ мѣсяцъ, да еще въ домѣ хорошаго знакомаго Развозовыхъ *), генерала Зеленаго. Главное, важно, что новая квартира почти рядомъ съ Развозовыми, все же спокойнѣе за Катю. Въ довершеніе всего, въ 20-хъ числахъ августа у насъ ожидается прибавленіе семейства, т. ч. безпокойства будетъ много; какъ нарочно больше всего шансовъ, что именно въ это время эскадра отправится на Востокъ.

Лучше всего для меня было бы, если бы вы пріѣхали теперь, пожили бы у меня нѣкоторое время, а передъ уходомъ эскадры пріѣхали бы еще разъ проститься. Мнѣ очень хотѣлось бы повидать братьевъ, я надѣюсь, что они соберутся пріѣхать въ Кронштадтъ. При полной мобилизаціи мы съ удобствомъ помѣстимъ 6 человѣкъ: 4 у меня, а двухъ у Карри Ѳеодоровны. Напишите окончательно ваше рѣшеніе. Пока сами не соберетесь, пришлите хоть Ваню, ему, навѣрно, будетъ пріятно проѣхаться, да и намъ будетъ большая радость. Братьямъ, да и вамъ также, навѣрно, будетъ интересно: у меня самого голова идетъ кругомъ отъ всякихъ чудесъ техники. Ганѣ передайте, что у насъ плаваетъ его пріятель инженеръ механикъ Кримеръ, который показывалъ ему машину на „Донскомъ". Пока до свиданія, крѣпко цѣлую васъ; Катя цѣлуетъ васъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ возможности похвастаться своимъ хозяйствомъ.

P. S. Подробности относительно эскадры оглашенію не подлежатъ, т. к., хотя настоящіе секреты мнѣ самому неизвѣстны, все же лучше, чтобы то, что я пишу, дальше Жердовы не шло.

---

*) К. Ѳ. Развозова мать жены лейтенанта Вырубова.

LIII.

РЕВЕЛЬ *6 сентября 1904 г.*

„Кн. Суворовъ“.

Наконецъ то я улучшилъ свободную минуту, чтобы написать вамъ, и то только благодаря тому, что у насъ случилось небольшое поврежденіе въ машинѣ. Адмиралъ перенесъ флагъ на „Александръ III“ и ушелъ съ эскадрой въ море на эволюціи. Чтобы вы имѣли представленіе о здѣшнемъ режимѣ, опишу по порядку одинъ день, напримѣръ, 7 сентября, сравнительно легкій, въ добавокъ съ моей пропускной вахтой, слѣдовательно, относительно свободный. Съ 6 ч. утра мы вылавливаемъ мины загражденія; на это ученіе, впрочемъ, я случайно не попалъ, т. к. пошелъ старшій минный офицеръ, моя же служба началась съ 8 ч. утра, когда я пошелъ стрѣлять минами съ миннаго катера, провозился съ нимъ до 11 ч., въ одиннадцать пообѣдалъ и немедленно отправился къ подводнымъ аппаратамъ готовить мины, чѣмъ и занимался до 2-хъ часовъ; въ два часа эскадра снялась съ якоря и пошла въ море на стрѣльбу изъ пушекъ и минами, окончили къ 6-ти; въ шесть обѣдъ, который прерывался три раза авралами и кончился только въ девятомъ часу; въ 8 ч. 30 м. назначена боевая стрѣльба по щиту, который я долженъ былъ освѣщать фонарями, но пошелъ туманъ, мы зря проболтались около часу и щита не нашли; съ 9 ч. 30 м. до 10 ч. 30 м. обыденное освѣщеніе прожекторами по росписанію. Въ этомъ родѣ изо дня въ день; часто дни выдаются много труднѣе. Къ этому надо прибавить, что на вахту теперь поставлены исключительно лейтенанты, что даетъ черезъ пять дней одинъ свободный отъ вахты, что свободно отъ ученій одно только воскресенье, и то относительно, что въ 7 ч. вечера прекращается не только сообщеніе съ берегомъ, но и судовъ между собою, всякое движеніе по рейду, а также и во всякую шлюпку, не показавшую опознательнаго сигнала, часовые по второму оклику стрѣляютъ. Частные пароходы и суда останавливаются далеко въ море дозорными судами. Если вы себѣ все это представите, то будете имѣть нѣкоторое понятіе, почему мнѣ до сихъ поръ не удавалось вамъ написать. При всемъ томъ не могу сказать, чтобы мнѣ было тяжело служить: я уже втянулся въ режимъ, на берегъ меня не тянетъ, единственно тя-

жело не имѣть возможности располагать хоть минуткой свободной, чтобы написать письмо. Какъ это ни странно, у меня появилась потребность писать, я даже стараюсь вести дневникъ, не знаю, на долго ли хватитъ. Сколько мы будемъ стоять въ Ревелѣ, не знаю. Говорятъ, 20-го намъ будетъ Царскій смотръ. Вообще, вопросъ съ нашимъ уходомъ рѣшенъ, говорятъ такъ: при первыхъ удачныхъ дѣйствіяхъ Куропаткина, мы выходимъ немедленно и идемъ въ Артуръ, если же такихъ вѣстей не будетъ, то выходимъ съ разсчетомъ прійти во Владивостокъ къ открытію навигаціи. Теперь извѣстно, что аргентинскіе и чилійскіе крейсера куплены, какъ говорятъ, за сумасшедшую цѣну 110,000,000, тогда какъ имъ красная цѣна милліоновъ 60. Всего пріобрѣтено семь кораблей, изъ нихъ 4 броненосныхъ крейсера, 1 полуброненосный и 2 легкихъ. Насколько мнѣ удалось узнать имена кораблей: Аргентинскіе броненосные крейсера „Garibaldi“, „Belgrano“, San „Martino“ —это старшіе братья „Кассуги“ и „Нисина“ и два легкихъ крейсера съ большимъ ходомъ „Boenos Aires“ 4500 тон. и „Nuevo di Juil'o“ 3500 т. У Чили броненосный крейсеръ „O' Niggins“— это, пожалуй лучшій изъ всѣхъ и „Esmeralda“ очень сильный и быстроходный полуброненосный крейсеръ въ 7000 т. Не знаю, на сколько эти свѣдѣнія вѣрны: *) можетъ быть, въ штабѣ и перепутали названія, но эти имена я слышалъ изъ нѣсколькихъ источниковъ. Такая солидная прибавка, конечно, сильно измѣнитъ дѣло въ нашу пользу. Къ сожалѣнію, много значитъ, въ какомъ видѣ придутъ эти корабли, а это намъ совершенно не извѣстно.

Пока до свиданія! Не сердитесь на меня за рѣдкія письма. Я, по возможности, буду писать чаще, какъ только улучшу минутку времени. Отъ жены получилъ уже нѣсколько писемъ, она уже встала съ постели, но еще слаба, ребенокъ чувствуетъ себя прекрасно,—пересталъ орать по ночамъ; няню наняли.

P. S. „Орелъ“, „Алмазъ“, „Жемчугъ“ и „Камчатка“ уже готовы. Злополучный „Изумрудъ“ свернулъ себѣ носъ въ докѣ и чинится. На той недѣлѣ онъ присоединится къ намъ.

---

*) Много въ то время говорилось объ этой покупкѣ, но по невѣдомымъ причинамъ она не состоялась.

LIV.

ЛИБАВА. *2 октября 1904 г.*

„Кн. Суворовъ".

Сегодня въ 8 ч. утра мы, наконецъ, идемъ на Востокъ. Что выйдетъ изъ этого безпримѣрнаго въ исторіи предпріятія, покажетъ будущее. Дастъ Богъ, доберемся до Того и сведемъ съ нимъ счеты. У насъ только что прожилъ три дня подполковникъ Меллеръ, ушедшій изъ Артура на миноносцѣ „Рѣшительный", а сегодня явился капитанъ 2-го ранга Семеновъ*) старшій офицеръ „Діаны". Оба они разсказываютъ массу интереснаго: по ихъ словамъ въ Артурѣ совсѣмъ не такъ плохо, какъ мы всѣ думаемъ.

Писать мнѣ можно по слѣдующимъ адресамъ: 1) С.-Петербургъ, портовая контора, Его Превосходительству, Филиппу Александровичу Дегтереву, для переди на 2-ю эскадру Тихаго океана или 2) Одесса, Торговый домъ Гинзбурга и К⁰. Адресуя Гинзбургу, надо письма обязательно отправлять въ двойномъ конвертѣ: на внѣшнемъ вышеуказанный адресъ, а на внутреннемъ только „Петру Александровичу Вырубову" безъ всякаго обозначенія; самый же адресъ „2-я эскадра Тихаго океана, броненосецъ „Князь Суворовъ" слѣдуетъ писать на отдѣльной бумажкѣ, которую и приклеить однимъ уголкомъ ко внутренному конверту, чтобы ее легко можно было оторвать. Такой способъ отправленія рекомендованъ штабомъ эскадры и имѣетъ свои основанія. Черезъ Дегтерева можно посылать и посылки. Писать съ эскадры можно что угодно: письма не цензуруются, не разрѣшено только получать письма помимо вышеуказанныхъ посредниковъ.

Настроеніе на эскадрѣ прекрасное. Съ уходомъ за границу наша каторжная служба получаетъ извѣстную цѣль. Не забывайте, пишите чаще. Я вамъ, вѣроятно, буду писать довольно аккуратно, хотя отправлять письма можно будетъ не очень часто. Не забывайте мою Катюшу, для нея, вѣдь, всякая ласка имѣетъ громадное значеніе.

---

*) Извѣстный нынѣ покойный лѣтописецъ похода 2-й эскадры, сочиненія котораго: „Расплата" и „Бой при Цусимѣ" переведены на всѣ европейскіе языки.

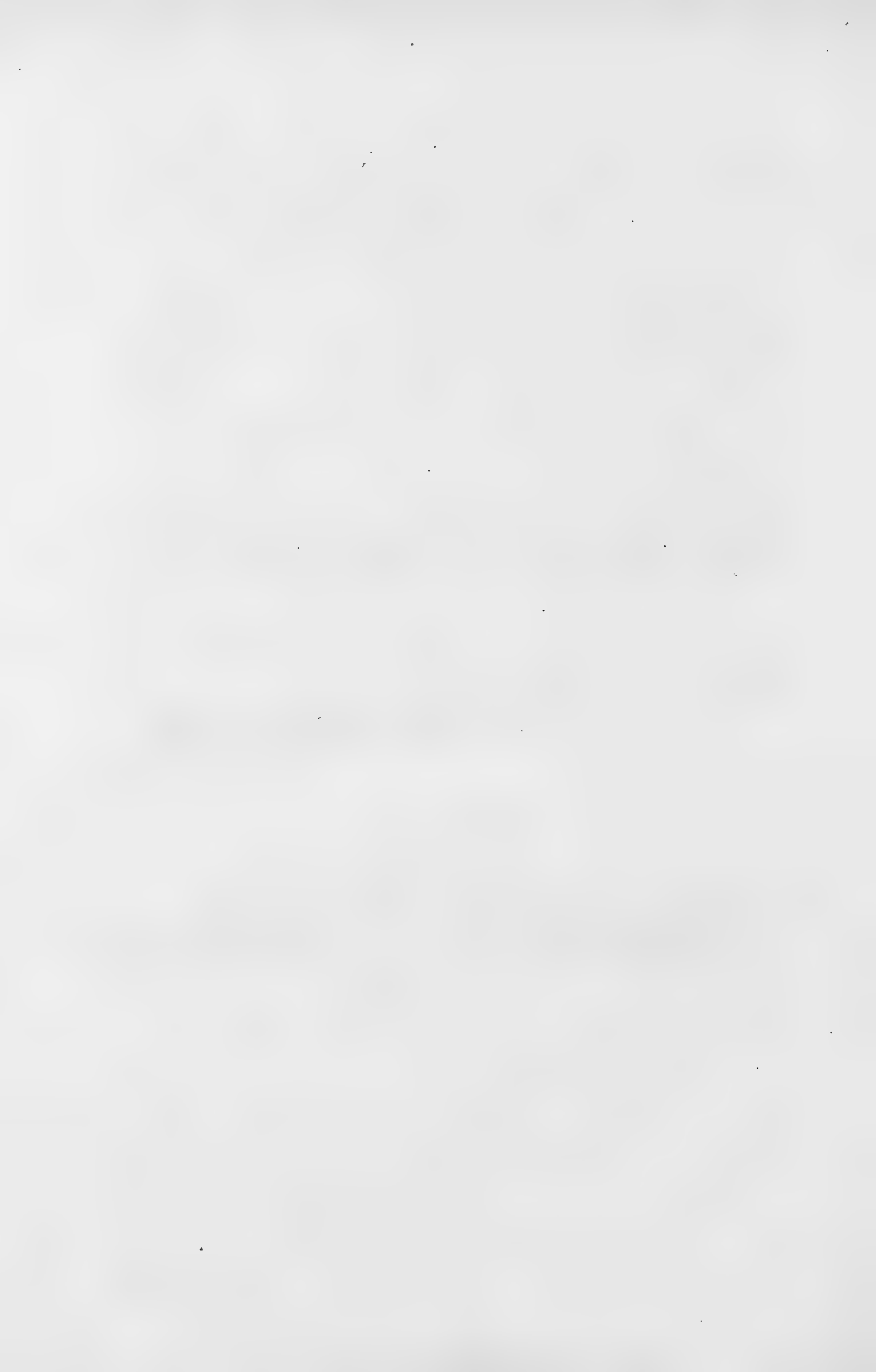
IV.

Война съ Японіей.

Походъ Второй эскадры Тихаго океана.

1904—1905.

Группа офицеровъ на броненосцѣ „Кн. Суворовъ"; снята въ 1904 году передъ отходомъ на Дальній Востокъ. Изъ группы осталось въ живыхъ послѣ Цусимскаго боя пять человѣкъ. Въ третьемъ ряду пятый отъ колоны—Вырубовъ, въ правомъ углу наверху второй—Богдановъ.

LV.

ВИГО. *14 сентября 1904 г.*

Броненосецъ „Кн. Суворовъ".

Вы, вѣроятно, получили мое послѣднее письмо изъ Либавы. Теперь пишу вамъ уже изъ Испаніи, куда мы прибыли вчера не безъ треволненій и даже, судя по здѣшнимъ газетамъ, нашумѣли на весь свѣтъ.

Изъ Либавы мы выбрались только 2-го октября въ полдень всей эскадрой, впрочемъ, раздѣленной на 4 эшелона. 4-го въ 7 ч. утра, безъ особыхъ приключеній, подошли ко входу въ Бельты и стали на якорь у маяка Факебьергъ. Здѣсь насъ уже ждали угольщики, всего 4 штуки подъ датскимъ и германскимъ флагами. Несмотря на крайне неблагопріятную погоду, мы немедленно стали грузиться углемъ и пополнили свои запасы. 5-го пришло

извѣстіе, что Рожественскій произведенъ въ вице-адмиралы. Утромъ 6-го снялись съ якоря и пошли Бельтами. Шли съ большими предосторожностями, такъ какъ имѣли указанія, что японцы въ трехъ мѣстахъ собирались поставить мины. Наканунѣ вышли съ тралами „Ермакъ" и спасательный пароходъ „Роландъ", а за ними для охраны протраленнаго пространства отрядъ крейсеровъ. Много помогали намъ датчане: ихъ крейсеръ III класса „Heimdal" и миноносецъ все время сопровождалъ насъ; кромѣ того, проливы охранялись цѣлымъ рядомъ зафратованныхъ нами мелкихъ пароходовъ и парусныхъ судовъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, опасныя мѣста прошли благополучно и къ 8 ч. утра 7-го октября подошли къ Скагену. Стали на якорь подъ берегомъ, и суда, не окончившія погрузки, погрузились. Вечеромъ получили цѣлый рядъ тревожныхъ извѣстій отъ нашихъ агентовъ въ Норвегіи. Японцы подъ разными видами вышли изъ норвежскихъ фіордовъ намъ навстрѣчу; видѣли, будто бы, даже ихъ миноносцы.

Въ 8 ч. 15 м. вечера того же 7-го снялись съ якоря и пошли въ Нѣмецкое море, какъ говорятъ, въ Брестъ; эскадра почему то раздѣлена на 6 эшелоновъ, миноносцы снялись и ушли значительно раньше насъ, они должны идти въ Шербургъ. Чѣмъ вызвано это распоряженіе—неизвѣстно; благодаря ему, мы остаемся безъ дозорныхъ судовъ, крейсера тоже впереди. Утромъ 8-го попали въ туманъ, гдѣ я отстоялъ крайне тяжелую вахту.

Около 9 ч. вечера 8-го стали получать съ „Камчатки", которая шла сзади миляхъ въ 30, по безпроволочному телеграфу тревожныя извѣстія, что ее аттакуютъ 8 миноносцевъ, отъ которыхъ она удираетъ, закрывши огни. Послѣ этого начались крайне подозрительные телеграммы съ просьбой показать мѣсто эскадры; похоже было на то, что съ нами говорятъ японцы. Около 1 часу ночи 9-го я былъ разбуженъ орудійной пальбой; когда я выскочилъ наверхъ, что произошло очень быстро, такъ какъ мы всѣ спали одѣтыми, а прислуга у орудій, то мнѣ представилась картина форменнаго боя. Съ обоихъ бортовъ на насъ шли по два небольшихъ парохода, при чемъ маневрировали болѣе, чѣмъ подозрительно; съ 4-хъ точекъ горизонта свѣтили прожекторы, и оттуда также было сдѣлало нѣсколько выстрѣловъ. Пароходамъ пришлось очень плохо, ихъ засыпали градомъ снарядовъ и одинъ изъ нихъ уже подъ нашей кормой началъ тонуть. Я самъ видѣлъ, какъ у него на палубѣ рвался снарядъ за снарядомъ. Вся канонада продолжалась не болѣе 10 минутъ, но борты кораблей прямо горѣли

огнями, пулеметы такъ и трещали. Съ „Бородино“ и транспорта „Анадырь“ ясно видѣли два контръ-миноносца, которые маневрировали, прикрываясь пароходами; по нимъ стрѣляли и, казалось, одинъ былъ сильно поврежденъ.

Характерно, что англичане возмущены, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, по словамъ рыбаковъ, на мѣстѣ катастрофы до самаго утра оставался яко-бы русскій миноносецъ, который никому помощи не подавалъ; такъ какъ наши миноносцы были далеко впереди, то вопросъ, чей это миноносецъ—остается открытымъ. Рожественскій телеграфировалъ въ Лондонъ и Петербургъ, что это какъ разъ и есть не утопленный нами миноносецъ, аттаковавшій ночью.

Плаваніе Нѣмецкимъ моремъ и каналомъ удивительно спокойное. Около полудня 11-го подошли къ Бресту; начался туманъ, войти въ гавань было невозможно, и мы рѣшили итти прямо въ Виго, куда и прибыли 13-го утромъ вполнѣ благополучно послѣ чуднаго и рѣдкаго по спокойствію перехода Бискайскимъ заливомъ. Тутъ насъ ждали непріятности. Испанцы, напуганные англичанами, несмотря на видимыя симпатіи населенія, не хотѣли позволить намъ грузиться углемъ съ ожидавшихъ насъ транспортовъ, и только сегодня удалось добиться разрѣшенія принять по 400 тоннъ.

LVI.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ. *28 октября 1904 г.*

Пишу вамъ на переходѣ изъ Танжера въ Даккаръ, портъ во французскомъ Сенегалѣ, куда мы прибудемъ, вѣроятно, послѣзавтра рано утромъ. Въ Танжерѣ я успѣлъ послать вамъ только коротенькую открытку, теперь же буду продолжать мое письмо изъ Виго.

Порядкомъ надоѣлъ намъ этотъ почтенный испанскій портъ со своими порядками, такъ сильно напоминающими наши отечественные. Въ концѣ-концовъ, все обошлось благополучно. 14-го испанцы разрѣшили намъ погрузить по 400 тоннъ угля каждому. 15-го утромъ мы уже покончили погрузку, принявъ полные запасы. Рожественскій все время усиленно переговаривался съ Петербургомъ, Лондономъ и Мадридомъ. Извѣстія были довольно скверн-

ныя, хотя ражъ у англичанъ замѣтно утихалъ. Мы больше всего боялись, чтобы не напортила наша милая дипломатія и чтобы не пришлось разоруживаться или возвращаться въ Либаву. Къ счастію, чаша сія насъ миновала! Канителили до вторника 19 октября, когда, къ общей радости, снялись съ якоря и пошли въ Танжеръ на соединеніе съ прочими нашими отрядами.

16-го пришелъ давно ожидаемый рефрежираторный *) пароходъ „Эсперансъ" съ мясомъ и другими съѣстными припасами для эскадры; въ бухту онъ, впрочемъ, не вошелъ, а остановился въ морѣ, внѣ предѣловъ испанскихъ территоріальныхъ водъ. Такъ какъ на этомъ пароходѣ намъ было прислано на 15,000 фунтовъ стерлинговъ золота, то мнѣ пришлось ходить къ нему за деньгами на вооруженой миноноскѣ; путешествіе не изъ пріятныхъ, вслѣдствіе сильной океанской зыби.

Съ „Эсперансъ" мы увидали большой трехъ-трубный англійскій крейсеръ, который шелъ въ Виго.

Когда мы вернулись, крейсеръ уже стоялъ на якорѣ. Это оказался „Ланкастеръ",— одинъ изъ самыхъ современныхъ англійскихъ бронированныхъ крейсеровъ. Онъ, очевидно, пришелъ посмотрѣть, что мы дѣлаемъ, хотя командиръ его пріѣхалъ съ визитомъ къ адмиралу и сказалъ, что зашелъ въ Виго только за почтой. Дѣйствительно, послѣ визита адмиралу „Ланкастеръ" сейчасъ же ушелъ въ море и вернулся на другой день утромъ, чтобы принять отвѣтный визитъ адмирала, а затѣмъ сейчасъ же ушелъ обратно. Все это время нашъ безпроволочный телеграфъ принималъ англійскія депеши какъ шифрованныя, такъ и простыя; много говорилось, между прочимъ, объ „Эсперансъ".

Присутствіе англійской эскадры въ нашемъ ближайшемъ сосѣдствѣ было несомнѣнно, въ этомъ мы не замедлили убѣдиться воочію. 20-го, вступивъ на „собаку" **), я принялъ отъ своего предшественника по вахтѣ сообщеніе, что 4 крейсера, огни которыхъ видны съ обоихъ бортовъ, видимо, насъ конвоировали, переговаривались сигналами и производили различныя перестроенія, имѣя, повидимому, огромное преимущество въ скорости хода. Изъ этого можно было заключить, что все это новѣйшія суда. Пріятель „Ланкастеръ" былъ между ними; онъ довольно нахально подошелъ почти вплотную къ намъ.

---

*) Судно съ холодильниками для провизіи.

**) Ночная вахта.

Утромъ мы увидали всѣхъ четырехъ на горизонтѣ. Одинъ изъ нихъ, огромный четырехъ-трубный крейсеръ класса „Drake“, былъ подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ; другіе были „Lankaster“, „Hermes“ и двухъ-трубный крейсеръ, имени котораго узнать не удалось. Вечеромъ 20-го англичанъ было уже цѣлыхъ 7. Къ утру они скрылись.

21-го въ 2 часа дня мы пришли въ Танжеръ, гдѣ застали отрядъ Фелькерзама и Энквиста въ полномъ составѣ, а также транспорты, за исключеніемъ миноносцевъ и парохода „Кн. Горчаковъ“, которые ушли на Критъ. Нѣмецкіе угольщики уже ждали насъ на рейдѣ, а въ 5 час. вечера къ нашему лѣвому борту отшвартовался угольный пароходъ „Pallas“, и мы начали погрузку. Погрузка оказалась для насъ чрезвычайно удачной: мы грузи-

Танжеръ.

ли въ среднемъ 57,8 тоннъ въ часъ и на столько превзошли всѣхъ остальныхъ, что „Суворову“ достались всѣ три приза за быструю погрузку. Въ 6 часовъ пришелъ съ моря нашъ соплаватель—госпитальный пароходъ „Орелъ“; лихо обрѣзавъ намъ корму, онъ прошелъ по правому борту, неистово галдя „ура!“

Въ 7 часовъ снялся съ якоря и ушелъ въ море отрядъ Фелькерзама: „Сисой Великій“, „Наваринъ“, „Свѣтлана“, „Алмазъ“, „Жемчугъ“ и транспортъ „Китай“. Они совмѣстно съ миноносцами и отрядомъ черноморскихъ транспортовъ идутъ Суэцкимъ каналомъ, мы же со всѣми прочими судами огибаемъ Африку. Въ Танжерѣ простояли до 7-ми утра 23-го; при съемкѣ съ якоря „Анадырь“ поднялъ на якорѣ телеграфный кабель, и якорь пришлось перерубить. Идемъ мы въ Даккаръ, портъ во французскомъ Сенегалѣ у самаго Зеленаго мыса; здѣсь намъ предстоитъ принять огромный запасъ угля, почти въ два раза больше нормальнаго; придется завалить всю нашу палубу и батарейную, а также весь

нашъ ютъ; работа каторжная! Переходъ, по обыкновенію, былъ удивительно спокойный, только жара давала себя чувствовать все больше и больше. Адмиралъ довольно рѣдко появлялся на переднемъ мостикѣ, такъ что и вахты были много легче.

30-го въ 8 часовъ утра пришли въ Даккаръ,—портъ, нельзя сказать, чтобы очень живописный. По обыкновенію, насъ ожидаетъ цѣлая эскадра угольщиковъ-нѣмцевъ. Французы приняли насъ радушно. Губернаторъ предложилъ даже транспортамъ взять уголь на берегу, но днемъ прибыли телеграммы изъ Парижа, которыя запретили намъ выдачу угля. Воспользовались неясностью текста и послали запросъ въ Парижъ, а пока начали погрузку съ угольщиковъ. Работа кипѣла. Конкуренція между нами и „Александромъ III" шла отчаянная: офицеры, доктора, даже попъ, лично работали въ трюмахъ. Финишъ мы сдѣлали блестящій, принявъ въ часъ 120 тоннъ, чѣмъ побили англійскій рекордъ 102 тоны. „Александръ III" былъ побѣжденъ: мы опять взяли всѣ три приза,—но за то если бы вы могли представить, въ какомъ мы были всѣ видѣ, и во что превратился нашъ „Суворовъ"! Работали непрерывно 29 часовъ, не обращая вниманія на тропическую жару. Духота стоитъ ужасная: спишь буквально въ собственномъ соку съ угольной пылью.

Вчера намъ первый разъ было разрѣшено съѣхать на берегъ. Самый городъ ничего интереснаго не представляетъ, но очень интересны мѣстные негры. Курьезно, что въ городѣ среди европейскихъ зданій попадаются цѣлыя негритянскія деревушки, живущія своей характерной, уличной жизнью. Вечеромъ я обѣдалъ съ французскими офицерами и очень мило провелъ время. Завтра въ 3 часа дня уходимъ куда-то на югъ.

У насъ большой недостатокъ въ книгахъ и журналахъ. Если бы вы намъ прислали какихъ-нибудь старыхъ журналовъ и какихъ ни на есть книгъ, мы бы всѣ вамъ были очень благодарны. Подпишитесь, пожалуйста, для меня на „Кіевлянинъ". Все это надо адресовать: Одесса. Торговый домъ Гинзбургъ и К°, для передачи на 2-ю эскадру Тихаго океана.

Броненосецъ „Князь Суворовъ“.
Флагманскій корабль адмирала Рожественскаго, на которомъ вторымъ минеромъ плавалъ лейтенантъ Вырубовъ.

LVII.

РЕЙДЪ ГАБУНЪ. *15 ноября 1904 г.*

Поздравляю васъ съ праздниками и наступающимъ Новымъ годомъ! Дастъ Богъ, онъ принесетъ намъ больше счастья, чѣмъ этотъ 1904-й... Поздравленіе нѣсколько заблаговременно, но я пишу изъ такой трущобы, что если письмо дойдетъ къ праздникамъ, то это будетъ необыкновенно удачно.

Изъ Даккара мы вышли 3 ноября. Послѣ спокойнаго перехода мы пришли 13 къ рѣкѣ Габунъ, находящейся на 15° N широты, такъ что мы, даже принявъ во вниманіе указанное въ Лоціи теченіе, промахнулись и преждевременно пересѣкли экваторъ. Въ самую рѣку мы не пошли, потому что входъ туда очень трудный: плохо обставленъ, да и французы могли не дать намъ грузиться углемъ. Въ виду этого мы стали на якорѣ внѣ территоріальныхъ водъ, въ разстояніи трехъ миль отъ берега, гдѣ ужъ

мы сами себѣ господа. По обыкновенію, насъ ожидали нѣмецкіе угольщики, и эскадра сейчасъ же приступила къ погрузкѣ угля. Нельзя сказать, чтобы это было особенно пріятное занятіе подъ экваторомъ, гдѣ и такъ все время паришься въ собственномъ соку. Тяжелая штука плаваніе въ тропикахъ! Какъ на зло, у насъ еще сломался одинъ рефрежираторъ, другой выбивается изъ силъ, а все не можетъ сдѣлать настоящаго мороза. На берегу я еще не былъ. Говорятъ, что послѣ погрузки угля намъ разрѣшатъ имѣть сообщеніе съ берегомъ. Я непремѣнно воспользуюсь этой возможностью: по словамъ бывшихъ на берегу, страна очень интересная. Мы стоимъ въ 20 миляхъ отъ маленькаго городка Либервилля, и каждое утро отъ насъ ходитъ туда миноноска. Европейцевъ живетъ здѣсь человѣкъ полтораста, да и то изъ нихъ за послѣдніе полъгода четырехъ съѣли людоѣды. Наша публика имѣла даже аудіенцію у мѣстнаго негритянскаго царька. Все происходило совсѣмъ какъ въ порядочномъ романѣ изъ путешествій: на царькѣ былъ старый мундиръ англійскаго адмирала, синіе штаны и треуголка. Его министръ двора былъ тоже въ мундирѣ и треуголкѣ съ перьями, но безъ „оныхъ". Оказывается, царекъ всего три дня какъ вступилъ на престолъ послѣ своего брата, прахъ котораго хранился тутъ же около него въ сундукѣ. Коронація этого почтеннаго человѣка предстоитъ на дняхъ, и я надѣюсь попасть на это зрѣлище.

Мѣстный губернаторъ принялъ насъ довольно любезно, даже прислалъ адмиралу моему фруктовъ и зелени, но все же просилъ лучше въ рѣку не входить, особенно рекомендуя для стоянки, въ случаѣ ненастной погоды, бухту Лопецъ, но погода стоитъ превосходная, и адмиралъ отказался.

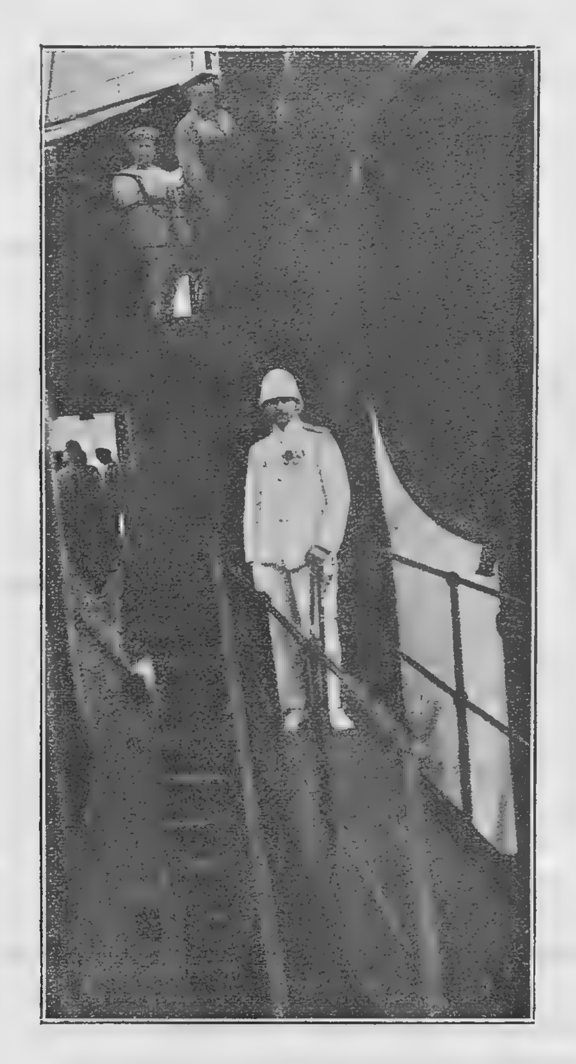
Вчера пришелъ пароходъ съ почтою и привезъ „свѣжія" новости отъ 2 октября стараго стиля: самыя свѣжія телеграммы, вывѣшенныя въ клубѣ, извѣщали о нашемъ выходѣ изъ Виго! Больше мѣсяца у насъ нѣтъ извѣстій съ войны. Что дѣлаетъ Куропаткинъ,—для насъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Адмиралъ телеграфировалъ въ Петербургъ просьбу сообщить новости. Вы можете себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждемъ отвѣтной телеграммы!

Теперь намъ предстоитъ самый трудный переходъ: мы будемъ огибать южную оконечность Африки, и неизвѣстно, удастся ли по дорогѣ подгрузиться углемъ. Въ Индѣйскомъ океанѣ мы должны, наконецъ, получить почту, это постоянная мечта всей эскадры.

LVIII.

АНГРА-ПЕКВЕНА. *28 ноября 1904 г.*

Пишу вамъ изъ Ангры-Пеквены. Это довольно мерзкая трущоба въ германскихъ южно-африканскихъ владѣніяхъ, находящаяся

Лейтенантъ П. А. Вырубовъ на „Суворовѣ“
снятъ 14 ноября 1904 г.

на 27 град. южной широты. Бухта очень плохо защищена, реветъ порядочный вѣтеръ, уголь грузить невозможно. Берега—сплошныя

скалы и песокъ, вообще, миленькое мѣстечко! Самаго города не видно: онъ за мысомъ. Здѣсь въ 1902 г. было всего 7 европейцевъ, но съ тѣхъ поръ городъ сильно увеличился.

Сегодня пришелъ пароходъ съ нѣмецкими войсками. Оказывается, англичане снабдили оружіемъ и направили на нѣмцевъ воинственное пограничное племя черномазыхъ. Нечего сказать, любезные сосѣди! Бѣдные нѣмцы только что справились съ Гереро, а тутъ опять готова непріятность.

Ангра-Пеквена послѣ Танжера—первый портъ, откуда насъ не просятъ честью; нѣмцы даже рады нашему приходу. Вообще, это единственная нація, которая теперь дѣйствительно намъ много помогаетъ. Французы оказались просто пр ..!

Въ Габунѣ мы простояли до 18 ноября. 17-го я былъ на берегу въ Либервилѣ. Оказалось, далеко не такъ интересно, какъ можно было ожидать. Природа сильно уступаетъ тропической Азіи. Интересны только негры,—уже другого типа, чѣмъ въ Даккарѣ. Наше офицерство накупило на берегу множество попугаевъ, сѣрыхъ съ красными хвостами; нѣкоторые изъ нихъ совершенно ручные.

19-го мы торжественно отпраздновали переходъ черезъ экваторъ, по старымъ морскимъ традиціямъ. На корабль явился Нептунъ съ супругой и огромной свитой всевозможной чертовщины, допросилъ командира о причинѣ нашего появленія на экваторѣ и собралъ изрядную дань чарками съ господъ офицеровъ. Послѣ этого всѣхъ, не переходившихъ экваторъ, поливали изъ пожарныхъ шланговъ и купали въ огромной ваннѣ, сдѣланной изъ цѣлаго брезента. Передъ купаніемъ мазали физіономію малярной кистью, мыломъ, разведеннымъ въ цѣлой бочкѣ, и брили саженной бритвой. Затѣмъ Нептунъ далъ намъ свободный пропускъ, обѣщалъ благопріятные вѣтры и безпошлинное рыбное продовольствіе. Артисты были очень хороши, костюмы прямо безподобны, все празднество сошло очень мило. Самого адмирала облили съ ногъ до головы, а прочее офицерство все перебывало въ ваннѣ; командира купали подъ звуки туша. У меня снято нѣсколько фотографій, но я еще не успѣлъ проявить; если удадутся—пришлю.

Изъ Габуна мы пошли прямо на югъ. Температура стала такъ рѣзко мѣняться, что черезъ два дня уже было холодно стоять на вахтѣ въ бѣломъ. Перемѣна климата была настолько рѣзка, что офицерство у насъ стало болѣть инфлюэнцой и одно время у насъ

было трое больныхъ. Я, слава Богу, благополучно перенесъ этотъ переходъ.

23-го, послѣ спокойнаго перехода подошли къ Great Fish Bay очень удобной якорной стоянкѣ, но, къ сожалѣнію, въ португальскихъ владѣніяхъ. Въ бухту мы не вошли, такъ какъ тамъ стоялъ португальскій стаціонеръ, паршивенькая канонерская лодка „Limpopo"; стали на якорь у входа въ бухту въ трехъ миляхъ отъ берега, внѣ территоріальныхъ водъ. Португальцы пробовали насъ вышибать, но остались съ носомъ; мы преспокойно погрузились углемъ и ушли дальше 24-го въ 4 ч. дня.

Чѣмъ южнѣй, тѣмъ становилось холоднѣй; здѣсь теперь, по нашему, конецъ мая, вообще все на выворотъ: солнце движется противъ солнца, молодая луна имѣетъ такой видъ, какъ у насъ послѣдняя четверть. Появились альбатросы, которые безъ всякой церемоніи летаютъ чуть не надъ вахтеннымъ мостикомъ; занятныя птицы, я такихъ громадныхъ еще не видывалъ. Подходя къ Ангра-Пеквена, мы въ первый разъ встрѣтили довольно свѣжій вѣтеръ, но нашимъ громадамъ хоть бы что; онѣ почти не качаются!

Настроеніе у насъ очень хорошее: привыкли даже къ отсутствію извѣстій и адмиральскому рыку. Спеціально послали госпиталь „Орелъ" въ Капштадтъ за новостями, а то мы съ 11 октября не имѣемъ извѣстій съ войны. Отсюда мы идемъ прямо на Мадагаскаръ, гдѣ, наконецъ, получимъ почту и соединимся съ отрядомъ Фелькерзама и черноморскими транспортами.

LIX.

МАДАГАСКАРЪ. *28 декабря 1904 г.*

Цѣлый мѣсяцъ я не имѣлъ возможности послать вамъ письмо. Послѣдній разъ я писалъ вамъ изъ Ангры-Пеквены 28 ноября. Неважная была тамъ стоянка. Все время дулъ вѣтеръ, временами до 10 балловъ, погрузка съ пароходовъ была невозможна; попробовали было подвести пароходъ къ борту, но результатъ вышелъ плачевный: поломали бортъ себѣ и пароходу и погнули въ дугу 75 мм. орудіе нижней батареи. Уголь грузили съ баркасовъ, принимая въ часъ по 24 тонны. 3-го, наконецъ, стихло, а 4-го утромъ

мы снялись съ якоря и пошли кругомъ мыса прямо на Мадагаскаръ, но не въ Діего Хуарецъ, какъ предполагали раньше, а въ портъ St. Mary. 6-го въ полдень прошли мимо Капштадта въ 30 миляхъ отъ него и произвели салютъ по случаю царскаго дня. Вѣтеръ опять началъ свѣжѣть. Послѣ полуночи мы обогнули мысъ Игольный и слѣдующіе три дня шли уже попутнымъ штормомъ силой 10—11 балловъ; волны доходили до 41 фута высоты, такъ что мы даже потеряли легкій катеръ № 1, разбитый вдребезги волнами. Несмотря на такія суровыя условія, наши броненосцы держались идеально; размахъ только изрѣдка достигалъ $8^1/_2$ град. на стороны, большей же частью не превышалъ 5 град. по 7 размаховъ въ минуту. Катеръ потеряли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неудачнаго расположенія шлюпъ-балокъ.

Къ 10-му стихло, а остальной переходъ мы, по обыкновенію, шли при чудныхъ условіяхъ погоды. Особенно плохо пришлось во время шторма маленькому „Роланду" и транспорту „Малайя"; первый справился молодцомъ и не отсталъ отъ эскадры, но „Малайя" отбилась отъ насъ, и мы даже боялись за ея участь.

16-го мы стали на якорь въ проливѣ между Маріинскими островами и Мадагаскаромъ, на глубинѣ 35 саженъ. Рейдъ открытый и стоянка на такой глубинѣ ничего хорошаго не представляетъ. На переходѣ мы рѣшили, наконецъ, изгнать ресторатора, кормившаго насъ отвратительно, и мнѣ пришлось принять на себя его обязанности. Задача не легкая, такъ какъ провизія у насъ на исходѣ, мясо на „Эсперансъ" почти все протухло, а достать на берегу очень трудно. Къ счастью, 17-го „Роландъ" отправился въ портъ Таматаву съ телеграммами; я воспользовался случаемъ и поѣхалъ за провизіей. Французы встрѣтили насъ очень мило, даже устроили маленькую овацію, но затѣмъ ободрали, какъ липку, а провизію сплавили неважную. Таматава очень миленькій городокъ, но воспоминанія о ней у меня остались неважныя, такъ какъ весь день 18-го мы бѣгали съ 5 ч. утра по магазинамъ, вечеромъ же при погрузкѣ попали подъ проливной тропическій дождь, да такъ и проспали всю ночь мокрыми. Какимъ то чудомъ это обошлось намъ благополучно, и лихорадки мы не получили.

Въ St. Mary на насъ посыпались одни за другими тяжелыя извѣстія съ Востока: ужасная гибель эскадры, бездѣйствіе Куропаткина, наконецъ, капитуляція Артура! Есть съ чего придти въ отчаяніе и пасть духомъ! Но, должно быть, еще велики наши духовныя силы, такъ какъ съ гордостью могу сказать, что и тѣни

унынія нѣтъ на нашей эскадрѣ, хотя одинъ Богъ знаетъ, что мы всѣ пережили и какъ намъ все это тяжело. Въ довершеніе всего госпиталь „Орелъ“ привезъ англійскія газеты изъ Капштадта, полныя инсинуацій по нашему адресу, съ массой тревожныхъ вѣстей изъ Россіи.

При этихъ условіяхъ, извѣстіе, что Камимура съ 8-мью броненосными крейсерами и 12 миноносцами идетъ намъ навстрѣчу и уже прошелъ Цейлонъ—было для насъ большой радостью. Мнѣ лично не вѣрится: слишкомъ ужъ глупо со стороны японцевъ удаляться отъ своей базы и подставлять намъ свой флотъ по частямъ. Этимъ сильно повышаются наши шансы, тогда какъ, жди они спокойно у себя дома,—и мы сами не замедлимъ явиться! Единственно, чѣмъ можно объяснить ихъ поведеніе, это свойственнымъ азіатамъ опьяненіемъ своими успѣхами, послѣ которыхъ они насъ уже ни въ грошъ не ставятъ, но подобное отношеніе къ врагу рѣдко проходитъ безнаказаннымъ.

Въ St. Mary, по обыковенію, завалили броненосецъ углемъ; на этотъ разъ приняли еще больше: цѣлыхъ 2,500 тоннъ,—нормальный запасъ — 1,100. Соединеніе съ отрядомъ Фелькерзама, благодаря вмѣшательству Петербурга, не состоялось тамъ, гдѣ мы предполагали, такъ какъ его послали въ бухту Pasindova безъ вѣдома Рожественскаго. Пришлось долго сноситься телеграммами какъ въ St. Mary, такъ и въ Pasindova-bay.

21-го изъ за свѣжести погоды мы перемѣнили мѣсто и стали на 10 миль сѣвернѣй, за косой, подъ самымъ Мадагаскарскимъ берегомъ. „Роландъ“ опять усланъ съ депешами въ Тамативу. По ночамъ у насъ теперь полная охрана: треть офицеровъ все время наверху, команда спитъ у орудій, миноноски въ цѣпи. Впервые Рожественскій догадался стоять съ закрытыми огнями и то по доброму совѣту кап. 2-го ранга Семенова, бывшаго въ Артурѣ на „Діанѣ“.

23-го выслали крейсера съ Энквистомъ, а 24-го утромъ снялись сами съ якоря и пошли на соединеніе съ Фелькерзамомъ. Намъ надо сдѣлать около 500 миль, обогнуть сѣверную оконечность Мадагаскара и спуститься на 150 миль по его западному берегу. Рождество встрѣтили въ море. Адмиралъ сказалъ командѣ краткую, но прочувствованную рѣчь, причемъ въ первый разъ за все плаваніе поблагодарилъ команду за работу и даже пустилъ слезу! Въ полдень 25-го мы встрѣтили въ море „Свѣтлану“ и два миноносца изъ отряда Фелькерзама, посланныхъ намъ навстрѣчу.

Съ миноносца „Бѣдовый“ намъ передали почту, къ сожалѣнію, очень скудную; на мое имя не было ни одного письма. Ужасно грустно: со 2 декабря не имѣю вѣстей ни отъ васъ, ни отъ жены. Тяжелое время мы переживаемъ! Мнѣ страшно подумать, что Саша Развозовъ, вѣроятно, убитъ; это будетъ такой ужасный ударъ, что я просто не знаю, какъ мои его переживутъ. Дастъ Богъ, въ 1905 году счастье намъ улыбнется, и мы наверстаемъ сторицей!

Лейтенантъ П. А. Вырубовъ.

Послѣдній сдѣланный съ него снимокъ на Мадагаскарѣ, 14 декабря 1904 г., ровно за шесть мѣсяцевъ до Цусимы.

LX.

МАДАГАСКАРЪ, PASINDOVA-BAY. *5-го января 1905 г.*

Вчера, наконецъ, получилъ столь долго жданную почту; привезъ ее французскій пароходъ „Messagérie maritime“.

Послѣзавтра мы двигаемся дальше; предстоитъ почти 20-дневный переходъ Индѣйскимъ океаномъ, и мы попадемъ прямо на театръ войны, такъ какъ я не сомнѣваюсь, что наше первое знакомство съ японцами произойдетъ въ Зондскомъ архипелагѣ.

Новый годъ мы встрѣчали вмѣстѣ съ адмираломъ въ нашей каютъ-компаніи. Было очень мило и оживленно. Адмиралъ сказалъ маленькую рѣчь, пожелавъ намъ встрѣтить 1905 годъ живыми и здоровыми въ кругу родныхъ и знакомыхъ, съ сознаніемъ выполненнаго долга. Онъ былъ очень оживленъ и просидѣлъ съ нами до двухъ часовъ ночи, причемъ никому не былъ въ тягость. Послѣ его ухода пошли рѣчи и спичи; рѣчи и спичи дошли даже до экспромтовъ въ стихахъ; нѣкоторые члены каютъ-компаніи разошлись въ 8 часовъ утра.

Къ намъ подошли воспомогательные крейсеры „Терекъ“, „Кубань“ и „Уралъ“; къ сожалѣнію, они слабо вооружены. Стоянка у насъ очень тяжелая изъ-за невыносимой жары: съ 8 час. утра до 4 час. дня просто ничего невозможно дѣлать. Въ это время жизнь на берегу совершенно прекращается; судовую жизнь пріостановить нельзя, и командѣ приходится очень тяжело.

LXI.

НОЗИБЭ. *22 января 1905 г.*

Мы все еще стоимъ у Мадагаскара и неизвѣстно, когда двинемся дальше: можетъ быть на-дняхъ, можетъ быть еще не скоро. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе неопредѣленное, чѣмъ наше положеніе. Жизнь у насъ ужасно однообразная, но время летитъ чрезвычайно быстро. На Мадагаскарѣ начался періодъ дождей; погода стоитъ на манеръ петербургской осени, только дожди идутъ настоящіе, тропическіе. Адмирала, наконецъ, надоумили

добрые люди произвести учебную стрѣльбу. Вѣдь мы съ Ревеля еще не стрѣляли.

13-го, 18-го и 19-го выходили въ море всей эскадрой и стрѣляли по щитамъ. Первая стрѣльба была неважная, но вторая и особенно третья—прекрасныя. До очевидности ясно, какъ намъ нужна практика. Особенно хорошо стрѣляли 12″ башни: носовая, напримѣръ, изъ 6 снарядовъ положила 5, такъ что адмиралу Того пришлось бы расписаться въ полученіи ихъ полностью. Но важнѣе всего, что снаряды эти не случайные, а являлись результатомъ увѣреннаго управленія огнемъ и хорошей наводки. При каждомъ выстрѣлѣ носовой башни мы всѣ были убѣждены, что снарядъ попадаетъ удачно, и только слѣдили, не разобьетъ ли онъ совсѣмъ щитъ. Маневрировала эскадра тоже очень недурно, особенно первый броненосный отрядъ.

20-го пришла вторая почта, полученная отъ Гинзбурга. Я получилъ нѣсколько писемъ изъ Кронштадта и кучу „Кіевлянина“, по 19 декабря включительно. Мы теперь переживаемъ въ Россіи такое интересное время, а до насъ мало доходитъ вѣстей. Я сильно боюсь за своихъ: въ Кронштадтѣ столько темныхъ элементовъ, благодаря о. Іоанну, и такъ много рабочаго люда, что уличные безпорядки всегда возможны, а вѣдь у меня въ домѣ единственный мужчина—пятимѣсячный Шурикъ. До сихъ поръ не знаю, живъ ли Саша Развозовъ! Послѣднія извѣстія о немъ, что онъ отличился и попалъ въ донесеніе Стесселя, относится къ концу ноября.

Ждановъ былъ въ Кронштадтѣ; теперь онъ назначенъ на „Адмиралъ Ушаковъ“, уѣхалъ въ Либаву и уходитъ съ 3-й эскадрой.

Каковъ нашъ Кладо? Давно бы пора такъ пробрать наше министерство: подумайте, вѣдь въ статьяхъ Кладо нѣтъ и сотой доли тѣхъ мерзостей и того непроходимаго идіотства, которыя дѣлало и продолжаетъ дѣлать это милое учрежденіе, такъ основательно погубившее нашъ несчастный флотъ. Если, дастъ Богъ, мнѣ удастся еще съ вами увидаться, я вамъ поразскажу много такого, чего вы, вѣроятно, даже при самой пылкой фантазіи себѣ представить не можете...

Въ своемъ адмиралѣ мы окончательно разочаровались. Это человѣкъ, совершенно случайно заслужившій такую хорошую репутацію; на самомъ дѣлѣ, онъ самодуръ, лишенный какихъ бы то ни было талантовъ. Онъ уже сдѣлалъ и продолжаетъ дѣлать рядъ грубыхъ ошибокъ. Одна надежда на его личную храбрость, благо-

даря которой мы хоть будемъ имѣть возможность хорошо подраться. Но все-таки, какъ видите, мы не унываемъ, и я глубоко убѣжденъ, что съ Божьей помощью мы съ честью выйдемъ изъ этой грязной исторіи. . . . . .

LXII.

НОЗИБЭ. *5 февраля 1905 г.*

1 февраля, наконецъ, пришли такъ долго жданные „Олегъ", „Изумрудъ" и „Ріонъ". Пришли они довольно курьезно: эскадра наша ходила на эволюцію и захватила ихъ въ море! Въ этотъ день я оставался съ паровыми катерами на рейдѣ и былъ крайне удивленъ такому прибавленію семейства. На крейсерахъ, неожиданно для насъ, пришла почта отъ конца декабря; вѣроятно, она передана была имъ съ почтоваго парохода. Всѣ письма относятся къ періоду сдачи Портъ-Артура. Конечно, они проникнуты тяжелымъ настроеніемъ, нами здѣсь своевременно пережитымъ; пришлось переживать все это во второй разъ. Судьба видимо, хранила близкихъ мнѣ людей: живъ Саша Разводовъ, прорвались на миноносцѣ въ Циндао Беренсъ и Бахиревъ; только судьба одного лейт. Гертнера, тоже большого моего пріятеля, мнѣ неизвѣстна.

17-го умеръ въ Кронштадтѣ старикъ Мессеръ. Ушелъ въ могилу лучшій и честнѣйшій нашъ адмиралъ, въ свое время первый поднявшій вопросъ о неустройствѣ нашего флота и всю жизнь съ этимъ неустройствомъ боровшійся. Это и отразилось на его похоронахъ: изъ Петербурга ни одна собака не пріѣхала, зато въ Кронштадтѣ Бирилевъ сдѣлалъ все, что могъ, для отдачи ему послѣдняго долга и всѣ остатки флота были на лицо. Однако, я пишу вамъ кронштадтскія новости, къ тому же, вѣроятно, вамъ извѣстныя!

Наша эскадра стоитъ безнадежно въ Нозибэ. Адмиралъ продолжаетъ самодурствовать и дѣлать грубыя ошибки. Въ довершеніе всего онъ, видимо, не хочетъ идти впередъ, но прямо этого не говоритъ, а маскируетъ всякими удивительными приказами. Недаромъ покойный Мессеръ говорилъ: „Не вѣрю я въ этого адмирала!"—и прибавлялъ нѣсколько не особенно лестныхъ эпитетовъ. Мы всѣ уже давно въ немъ разочаровались и путнаго ничего отъ

него не ждемъ. Это продуктъ современнаго режима, да еще сильно раздутый рекламой. Карьера его чисто случайнаго характера. Можетъ быть, онъ хорошій придворный, но какъ флотоводецъ— грошъ ему цѣна! Относительно его предварительной дѣятельности могу сообщить, что мнѣ доподлинно извѣстно: только благодаря ему, мы не пріобрѣли эскадру ни болѣе, ни менѣе какъ изъ шести первоклассныхъ броненосныхъ судовъ, въ томъ числѣ „Ниссинъ“ и „Кассуга“.

Вы, можетъ быть, удивитесь, что я вдругъ разразился такими комплиментами по его адресу? Дѣло въ томъ, что, пока были хоть какія-нибудь иллюзіи на его счетъ, я не считалъ себя въ правѣ писать что-либо, теперь же все достаточно выяснилось. Такъ какъ этотъ милый господинъ имѣетъ склонность валить все на личный составъ эскадры, ни въ чемъ неповинной, то мнѣ хотѣлось бы дать вамъ возможность правильно судить о грядущихъ событіяхъ.

Многихъ вещей я все-таки не имѣю права писать; но если, дастъ Богъ, послѣ войны мы съ вами будемъ имѣть возможность поговорить въ тиши вашего кабинета, сообщу вамъ много удивительныхъ вещей. Можете себѣ представить: за этотъ мѣсяцъ я видѣлъ адмирала не больше пяти разъ да и то въ общемъ итогѣ не болѣе 20 минутъ, такъ что въ смыслѣ личныхъ отношеній онъ очень удобенъ. Тѣмъ болѣе въ этомъ отношеніи грѣхъ жаловаться мнѣ: за все время совмѣстнаго плаванія я получилъ отъ него всего три, четыре замѣчанія.

На другихъ корабляхъ адмиралъ не былъ съ ухода изъ Россіи. Командиры судовъ собирались у него всего три раза... Судите сами, можно ли при такихъ условіяхъ знать свою эскадру? Ничьи совѣты не принимаются, даже спеціалистовъ по техническимъ вопросамъ, приказы пишетъ лично, обыкновенно смаху, не разобравъ дѣла, и прямо поражаетъ дикимъ тономъ и рѣзкостью самыхъ неожиданныхъ выраженій. Благодаря недостаточной освѣдомленности происходятъ довольно курьезные анекдоты. Командировъ и офицеровъ считаетъ поголовно прохвостами и мошенниками, никому ни на грошъ не вѣритъ, на что не имѣетъ никакихъ данныхъ, такъ какъ три четверти командировъ прекрасные и опытные моряки, остальной же личный составъ ничѣмъ не заслуживаетъ такого къ себѣ отношенія. Единственно, кому удается оказывать вліяніе на адмирала,—это капитану 2 ранга Семенову, бывшему старшему офицеру „Діаны“; только благодаря его умѣлому воздѣйствію, эскадру начали хоть сколько-нибудь готовить,

но и тутъ на каждомъ шагу приходится бороться съ самодурствомъ. Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Все дѣлается, чтобы убить духъ, но запасъ энергіи у насъ еще настолько великъ, что до сихъ поръ этого еще не удалось и, дастъ Богъ, не удастся.

Припоминая адмираловъ, съ которыми я раньше плавалъ, и къ которымъ у меня осталось чувство глубокаго уваженія, я воображаю себѣ, какую грозную силу представляла бы наша эскадра подъ флагомъ, напримѣръ, Дубасова. Вотъ имя, которое грозно звучитъ для японцевъ! Благодаря его энергіи, мы не имѣли этой войны въ 1897—98 годахъ. Тяжелый человѣкъ, зато отличный морякъ, обладающій многими талантами настоящаго флотоводца. Дубасовъ сумѣлъ бы довести эскадру въ блестящемъ состояніи, и ужъ если бы сцѣпился съ Того, то основательно. Къ сожалѣнію, благодаря какимъ-то интригамъ въ Петербургѣ, Дубасовъ совсѣмъ затертъ, и на войну послали такого „адмирала", какъ Скрыдловъ, а вести вторую эскадру назначили наше сокровище!

Боже, какъ намъ надоѣлъ злополучный Нозибэ! Уходъ эскадры совершенно неизвѣстенъ: можетъ быть, простоимъ еще мѣсяцъ, а можетъ и двинемся неожиданно. Но главное, обидно, что не видимъ ни одного здраваго распоряженія; вся энергія личнаго состава должна тратиться на борьбу съ абсурдами. Мало надежды на разумность дѣйствій въ виду непріятеля! А все таки мы не унываемъ и надѣемся на Николая Угодника, да на энергію и знаніе офицерства, которое далеко не такъ плохо, какъ насъ воображаетъ адмиралъ.

Благодаря службѣ, время летитъ незамѣтно: я просто не успѣлъ оглянуться, какъ промелькнулъ январь. Недавно я назначенъ завѣдывать судовой миноноской. Мы образуемъ самостоятельный отрядъ особаго назначенія, собранный изъ всѣхъ судовыхъ миноносокъ эскадры; на насъ будутъ возложены довольно сложныя задачи. Завѣдуетъ отрядомъ капитанъ 2 ранга Семеновъ и мы чуть не ежедневно ходимъ на дневныя и ночныя эволюціи, а также стрѣльбу минами и изъ орудій. Третьяго дня произвели ночную аттаку на эскадру, что уже было вопреки здравому смыслу, такъ какъ во ремя войны учебныхъ аттакъ не полагается, ввиду возможности нарваться на настоящую.

На берегу я, по должности завѣдующаго столомъ каютъ-компаніи, бываю довольно часто. Во, вторникъ, 1 февраля, предпринялъ

даже цѣлую экспедицію съ командиромъ „Анадыря“ на паровомъ катерѣ по негритянскимъ деревушкамъ, расположеннымъ по берегу о. Нози-Комба. Удивительно интересны здѣшніе черномазые! Хотя мы чуть не подверглись солнечному удару, но зато видѣли пропасть любопытнаго. Туземцы на диво веселый и добродушный народъ; по интелектуальному развитію они стоятъ много выше нашихъ мужиковъ. Ходилъ я какъ то на охоту вглубь острова Нози-бэ: убилъ лѣсного пѣтуха и поймалъ трехъ хамелеоновъ. Удивительные звѣри! Одного я взялъ къ себѣ въ каюту „на предметъ ловли мухъ“; свою миссію онъ выполнялъ блестяще, но, къ сожалѣнію, потомъ куда то удралъ. Я имѣлъ случай воочію убѣдиться, что хамелеоны дѣйствительно мѣняютъ цвѣта. Я купилъ себѣ двухъ полуобезьянокъ породы Маки; удивительно ласковые и занятные звѣрки! Мнѣ ужасно хотѣлось бы довести ихъ благополучно до Жердовы и поселить въ зимнемъ саду. Вы себѣ представить не можете, что это за прелесть! Что въ нихъ въ особенности хорошо—это чистоплотность. Говорятъ только, что они совсѣмъ не переносятъ перемѣны климата, ну да, можетъ, паровое отопленіе выручитъ. Передъ уходомъ изъ Нозибэ постараюсь также наловить побольше хамелеоновъ всѣхъ сортовъ—это, кажется, звѣри живучіе.

Вашъ образокъ, которымъ вы меня благословили, ношу постоянно. Къ сожалѣнію, у него сломался шарниръ, но былъ исправленъ судовыми средствами!

Жители Мадагаскара.

LXIII.

НОЗИБЭ. *19 февраля 1905 г.*

Мы все еще стоимъ въ нашемъ Нозибейскѣ! Даже мѣстные негры научились говорить по-русски, и въ городѣ появились вывѣски на русскомъ языкѣ. Надоѣло все это изрядно. Когда уходимъ, до сихъ поръ неизвѣстно. На будущей недѣлѣ грузимся углемъ; завалимъ, по обыкновенію, всѣ палубы, и командѣ негдѣ будетъ жить. Къ сожалѣнію, это не можетъ быть вѣрнымъ признакомъ близкаго похода, потому что дѣянія нашего адмирала вообще мало обоснованы, и грузиться ему могла придти фантазія совершенно зря. Насъ всѣхъ пугаетъ перспектива возвратиться, ничего не сдѣлавъ, а между тѣмъ идти впередъ съ нашимъ „флотоводцемъ" тоже не сладко, такъ какъ онъ продолжаетъ доказывать свою полную неспособность командовать эскадрой и необыкновенное пренебреженіе ко всѣмъ требованіямъ здраваго смысла и даже морской тактики. Какъ видите, положеніе незавидное! довольно даже, можно сказать, глупое. Жизнь у насъ проходитъ незамѣтно благодаря вахтамъ и ученіямъ. На этой не-

дѣлѣ мы занимаемся минными аттаками на судовыхъ миноноскахъ. Благодаря умѣлымъ распоряженіямъ капитана 2-го ранга Семенова, мы нѣсколько разъ удачно подходили незамѣченными къ эскадрѣ, несмотря на крайне трудныя условія. Не могу сказать, чтобы это служило къ чести эскадры, но надо отдать имъ справедливость, что съ каждымъ разомъ аттаковать становится все труднѣе, а послѣдній разъ намъ уже ничего не удалось.

Какъ видите—положеніе незавидное!.. Курьезовъ у насъ изрядно: напримѣръ, въ штабѣ возникла цѣлая большая переписка по дѣлу о павіанѣ „Гришкѣ", принадлежавшемъ одному изъ членовъ штаба. Эта обезьна забралась въ каюту къ одному изъ флагъ-офицеровъ, тотъ обидѣлся и подалъ рапортъ; дѣло пошло по всѣмъ инстанціямъ и даже, кажется, собирается завершится легкимъ скандальчикомъ. Все это было бы смѣшно, еслибъ не было такъ грустно! Необходимо что-либо предпринять, а то эта стоянка окончательно изведетъ личный составъ.

LXIV.

НОЗИБЭ. *3 марта 1905 г.*

Сегодня, наконецъ, куда-то идемъ въ 12 часовъ! По обыкновенію, это отъ насъ тайна. Извѣстно только, что приказано имѣть на 45 дней машинныхъ матеріаловъ и другихъ запасовъ, и что первый переходъ будетъ около 20 дней. Идемъ ли мы на Зондскіе острова или въ Джибути, на соединеніе съ отрядомъ Небогатова, мнѣ совершенно неизвѣстно.

Адмиралъ вдругъ принялъ это рѣшеніе и сразу началъ пороть совершенно безсмысленную горячку. Вчера утромъ пришелъ пароходъ Гинзбурга съ нѣсколькими тысячами тоннъ необходимѣйшихъ запасовъ на эскадру: его экстренно выгружаютъ на транспортъ „Анадырь" и не даютъ кораблямъ взять необходимыя вещи. Не сегодня—завтра, должна придти огромная почта изъ Европы, ее мы не ждемъ. Все дѣлается изъ одного упрямства, вопреки здравому смыслу. На дняхъ мы получили ужасное извѣстіе о погромѣ Куропаткинской арміи, что хуже всего—довольно туманное. Можете себѣ представить, какъ у насъ тяжело на душѣ! Одинъ безпросвѣтный мракъ. Нашей эскадрѣ осталось одно: сцѣ-

питься съ Того мертвой схваткой: либо онъ, либо мы. Да, мы дойдемъ къ тому времени до точки: ни сами пощады не запросимъ, да и японцамъ ея не будетъ. Иного выхода нѣтъ: мы загнаны въ уголъ. Согласитесь сами: идти впередъ безумно и противно здравому смыслу, такъ какъ съ блокадой Владивостока мы потеряли послѣднюю базу; возвращаться—тяжело и стыдно. Только бы адмиралъ не выкинулъ какой-нибудь непоправимой глупости и не лишилъ бы насъ возможности хоть погибнуть со славой! Послѣдніе дни здѣсь такая невозможная жара, что просто нѣтъ возможности чѣмъ-либо заниматься. Пожалуй, на походѣ будетъ лучше.

LXV.

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ. *28 марта 1905 г.*

Пользуясь нежданнымъ случаемъ черкнуть вамъ нѣсколько строкъ; къ сожалѣнію, нѣтъ времени и возможности написать подробно, потому что это письмо имѣетъ нѣкоторые шансы попасть въ руки японцевъ. Надѣюсь, со временемъ напишу все подробно.

Мы уже 25 дней въ морѣ. Совершили удачный переходъ Индѣйскимъ океаномъ, благополучно прошли чрезвычайно опасный для насъ Малайскій проливъ и теперь находимся въ прямой возможности со дня на день встрѣтиться со всѣмъ флотомъ Того. По свѣдѣніямъ, переданнымъ намъ изъ Сингапура, японцы со всѣмъ флотомъ устроили себѣ базу въ Лабуанѣ и, вѣроятно, примутъ всѣ мѣры, чтобы насъ поймать. Относительно нашего настроенія скажу, что мы всѣ пришли къ тому убѣжденію, что возвращеніе домой имѣетъ для насъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если мы сумѣемъ показать японцамъ, что нельзя безнаказанно оплевывать и покрывать грязью русскій флотъ. Я убѣжденъ что мы имъ солоно придемся. Намъ выхода нѣтъ: либо гибель, либо побѣда. Во всякомъ случаѣ постараемся продать себя возможно дороже: корабль за корабль, на меньшее не согласимся! Живется намъ сравнительно недурно, если бы не хроническія тяжелыя извѣстія. Сидимъ уже на солонинѣ, хотя еще имѣемъ въ запасѣ корову и

двухъ телятъ; хозяйство мое, какъ видите упростилось чрезвычайно. Здоровье мое исправно: я легко переношу тропики, даже, по обыкновенію, толстѣю. Дни ужасно однообразны но зато летятъ необыкновенно скоро. Я искренно вѣрю, что съ Божіей помощію мы съ честію выйдемъ изъ этого испытанія, и я буду имѣть возможность, посѣтивъ васъ въ Жердовѣ, не краснѣя разсказать вамъ свои похожденія.

. . —

БУХТА ВАНЪ-ФАНГЪ. *21 апрѣля 1905 г.*

Христосъ Воскресе!

Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности поздравить васъ письмомъ, благодаря нашему походу, а телеграммы какъ разъ на Страстной на время запретили отправлять изъ тактическихъ соображеній. Да впрочемъ, какъ-то страшно поздравлять за мѣсяцъ до праздниковъ! Послѣднее письмо я вамъ отправилъ въ море съ оказіей черезъ Сайгонъ, кажется, 26 марта.

31 марта мы подошли къ бухтѣ Камранъ у береговъ французскаго Аннама. Минные катера и миноносцы были посланы обслѣдовать и протралить бухту. Я ходилъ на минномъ катерѣ № 1 и провелъ очень интересныя сутки. Удалось побывать на берегу и завести знакомство съ очень милыми французами. Бухта оказалась великолѣпная: два большихъ рейда, наружный и внутренный. Въ глубинѣ бухты небольшой французскій поселокъ, частное предпріятіе, которое разростется въ большой портъ.

Французы приняли насъ съ распростертыми объятіями и были милы до чрезвычайности, особенно, когда получили выгодную аферу. Въ тотъ же день вечеромъ вошли и встали на внутренній рейдъ транспорты, эскадра же вошла только 1 апрѣля въ полдень и стала на наружномъ рейдѣ. Для охраны рейда высылаются миноносцы и минные катера, два дежурныхъ крейсера стоятъ въ морѣ, образуя свѣтовую преграду... Мнѣ черезъ день приходится ходить въ дозоръ, что не особенно пріятно, т. к. акуратно съ 11 ч. дня начинаетъ дуть сильный мѣстный бризъ, который разводитъ сильную волну, и стихаетъ только къ разсвѣту.

Болтаться цѣлую ночь на миноноскѣ очень утомительно, да и вниманіе требуется самое напряженное. Днемъ у меня было пропасть дѣла съ пріемкой провизіи для каютъ-компаніи. Изъ Сайгона пришелъ цѣлый пароходъ, „Eridan“ съ запасами.

Въ Вербную субботу насъ ждалъ сюрпризъ: по дипломатическимъ соображеніямъ, французы должны были просить насъ честью изъ Камрана. Въ воскресенье мы ушли въ море, оставивъ въ бухтѣ только транспорты, которые догружались съ нѣмецкихъ угольщиковъ. Мы болтались въ морѣ до среды, когда стали на якорѣ въ бухтѣ Ванъ-Фангъ на 50 миль сѣвернѣе Камрана. Это тоже очень удобная бухта, но болѣе пустынная, чѣмъ Камранская. Но и это наше убѣжище открыто 19 апрѣля; насъ опять попросили честью. На этотъ разъ, мы, впрочемъ, ушли всего на одинъ только день; сегодня стали на якорь на старомъ мѣстѣ. Какъ видите, положеніе наше довольно глупое, но что дѣлать, намъ необходимо дождаться Небогатова, который долженъ придти не сегодня—завтра. У насъ уже есть телеграма что 15-го третья эскадра прошла Пенангъ; безпокоитъ только, что нѣтъ извѣстій о проходѣ ею Сингапура.

До сихъ поръ Небогатовъ шелъ молодцомъ, сдѣлавъ этотъ путь въ $2^1/_2$ мѣсяца. Какъ жаль, что осадка нашихъ судовъ не дала возможности и нашей эскадрѣ пройти Суэцкимъ каналомъ; мы были бы уже давно на театрѣ войны, и кто знаетъ, что бы случилось! Пасху мы встрѣтили довольно хорошо, но вслѣдствіе угольной грузки на Страстной недѣлѣ многихъ службъ не было. Благодаря изобилію свиней и птицы въ бухтѣ, пасхальный столъ вышелъ довольно приличный. Великолѣпно удались куличи и пасхи; къ сожалѣнію, сырной пасхи не удалось соорудить. Въ Страстную субботу я привезъ съ берега цѣлую гору всякой тропической зелени; попадались очень красивые экземпляры, такъ что церковь и каютъ-комиссіи ухрашени очень недурно, хотя у насъ половина каютъ-компаніи завалена углемъ. Адмиралъ съ нами только христосовался, разговлялся же у себя, потому что изъ-за угля мы не могли помѣстить у себя весь штабъ. Въ такіе дни, какъ Пасха, какъ-то особенно грустно становится отсутствіе близкихъ людей, а въ эту Пасху у меня это чувство было необычайно сильно. Въ два часа дня въ воскресенье я ушелъ въ дозоръ на минномъ катерѣ, гдѣ и болтался до 7-ми часовъ утра 18-го.

Недавно я чуть не задушилъ на смерть человѣка голыми руками. Дѣло было на пароходѣ „Eridan“, во время разгрузки про-

II и III эскадры Тихаго океана за нѣсколь

визіи для каютъ-компаніи. 5 апрѣля команда „Орла“ перепилась и страшно безчинствовала; одинъ пьяный матросъ бросился съ кулаками на кап. 2-го ранга Г., тотъ отбилъ нападеніе, но въ это время свихнулъ себѣ ногу, а матросъ обхватилъ его руками и старался повалить на палубу. Я немедленно бросился на помощь Г.; такъ какъ матроса нельзя было оторвать, то я схватилъ его за горло и душилъ, пока тотъ не закричалъ и не разжалъ рукъ, послѣ чего бросилъ его на палубу.

Вообще, команда съ „Орла“ ведетъ себя ниже всякой критики, и адмиралъ рѣшилъ за нихъ приняться серьезно; моего матроса разстрѣляютъ по приходѣ во Владивостокъ. Какъ на зло, на „Орлѣ“ на Пасхѣ былъ небольшой безпорядокъ, адмиралъ поѣхалъ туда и навелъ на нихъ порядочнаго страху, оралъ онъ, какъ никогда и наговорилъ такихъ вещей и въ такихъ образныхъ выраженіяхъ, что доставилъ намъ развлеченіе по крайней мѣрѣ на сутки; Ю. и Ш. страшно влетѣло, попало и офицерамъ, но тѣ очень довольны, такъ какъ теперь у нихъ руки развязаны, и они могутъ подтягивать команду, а то Ю. своимъ отношеніемъ къ командѣ совершенно ее развратилъ и лишилъ офицеровъ всякаго авторитета.

LXVI.

ВАНЪ-ФАНГЪ. *29 апрѣля 1905 г.*

26 апрѣля мы, наконецъ, соединились съ Небогатовымъ. Слава Богу, у насъ теперь руки развязаны, и завтра мы идемъ во Владивостокъ. Небогатовъ совершилъ свой походъ блестяще и привелъ свои корабли въ отличномъ состояніи. Шутка сказать,

„Суворовъ“.

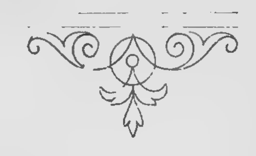

дней до боя въ походномъ строю.

онъ совершилъ весь походъ въ $2^1/_2$ мѣсяца, да еще съ кораблями, про которые говорили, что они дальше Средиземнаго моря не уйдутъ. Нашъ адмиралъ, видимо, никакъ не можетъ переварить, что Небогатовъ распорядился куда умнѣе его и проявилъ гораздо болѣе энергіи и здраваго смысла. Въ общемъ, мы получили солидную прибавку въ два 12-дюйм. орудія, два 10-дюйм., четыре 9 дюйм. и шесть 120 мм. Къ сожалѣнію, японцы открытаго морского боя, навѣрно, не дадутъ, такъ какъ для нихъ рискъ большой, а будутъ морить насъ мелкими гадостями въ видѣ всевозможныхъ минъ и брандеровъ. Теперь мы на порогѣ самыхъ интересныхъ событій. Когда это письмо дойдетъ до васъ, судьба многихъ изъ насъ уже рѣшится.

Ужасно обидно, что нельзя повидаться со Ждановымъ мы съ нимъ обмѣнялись только привѣтствіемъ по семафору. Небогатовъ привезъ намъ почту,—правда, немного: я получилъ письмо отъ жены и отъ васъ.

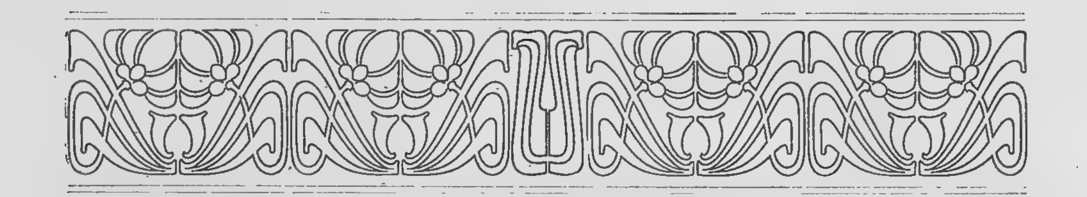
Французы опять изгнали насъ изъ Ванъ-Фанга. 26-го мы вышли, а 28-го опять пришли на старое мѣсто. Теперь, кажется, въ послѣдній разъ Небогатовъ грузится углемъ въ сосѣднемъ Куа-Бэ. Сегодня съ разсвѣтомъ опять выходимъ въ море, гдѣ и будемъ болтаться до завтра. Дай Богъ завтра двинуться окончательно впередъ!

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Послѣднее письмо П. А. Вырубова было написано 29 апрѣля, за двѣ недѣли до Цусимскаго боя, гдѣ погибъ геройскою смертью авторъ писемъ, вѣрный своему служебному долгу. Вотъ какъ изображаютъ это событіе участники Цусимскаго боя Таубе и В. Семеновъ въ своихъ книгахъ: „Послѣдніе дни второй Тихоокеанской эскадры“ и „Бой при Цусимѣ“:

„Насталъ роковой день 14 мая. Около 5 часовъ утра справа по носу эскадры показался коммерческій пароходъ, который, увидѣвъ насъ, сейчасъ же повернулъ отъ эскадры и черезъ нѣсколько времени скрылся изъ виду—это было весьма подозрительно.

Въ 6 часовъ утра съ крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“ былъ сдѣланъ сигналъ: „Вижу непріятельскій корабль на правомъ траверзѣ“. Это былъ японскій крейсеръ „Идзуми“.

Въ 10 ч. 50 м. былъ данъ сигналъ адмирала: „Съ „Суворова“ будетъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ 12-дюймоваго орудія по „Идзуми“, но выстрѣла такъ и не послѣдовало, потому что вниманіе было сразу обращено въ другую сторону: въ то же время съ лѣвой стороны сзади показался новый непріятельскій отрядъ, который быстро шелъ, нагоняя эскадру.

Въ 1 ч. 50 м. „Суворовъ“ открылъ огонь по шедшему головнымъ японскому броненосцу „Миказа“. Черезъ нѣсколько моментовъ японцы стали отвѣчать, и бой начался по всей линіи.

„Я,—пишетъ В. Семеновъ,—серьезно собирался въ предстоящемъ бою записывать моменты и мѣста отдѣльныхъ попаданій, а также производимыя ими разрушенія. Но гдѣ же тутъ было записывать подробности, когда и сосчитать попаданія оказалось невозможнымъ! Такой стрѣльбы я не только никогда не видѣлъ, но

и не представлялъ себѣ. Снаряды сыпались безпрерывно, одинъ за другимъ“.

Въ короткое время „Суворову“ японскими снарядами были нанесены очень крупныя поврежденія; большинство офицеровъ и команды были перебиты, въ нѣсколькихъ мѣстахъ начинался пожаръ, съ которымъ едва успѣвали бороться. „Между тѣмъ,— говоритъ В. Семеновъ,—если мы за дымомъ собственнаго пожара почти не видѣли непріятеля, онъ насъ хорошо видѣлъ и всю силу своего огня сосредоточилъ на подбитомъ броненосцѣ, пытаясь добить его окончательно. Снаряды сыпались одинъ за другимъ. Это былъ какой то вихрь огня и желѣза... Стоя почти на мѣстѣ и медленно разворачиваясь машинами, чтобы привести на должный курсъ и слѣдовать за эскадрой, „Суворовъ“ по-очереди подставлялъ непріятелю свои избитые борта, бѣшено отстрѣливаясь изъ уцѣлѣвшихъ (уже немногихъ) орудій...“

Вотъ что записано объ этихъ моментахъ очевидцами изъ японцевъ.

„Вышедшій изъ строя „Суворовъ“, охваченный пожаромъ, все еще двигался (за эскадрой), но скоро подъ нашимъ огнемъ потерялъ переднюю мачту, обѣ трубы и весь былъ окутанъ огнемъ и дымомъ. Положительно никто бы не узналъ, что это за судно, такъ оно было избито. Однако и въ этомъ жалкомъ состояніи все же, какъ настоящій флагманскій корабль, „Суворовъ“ не прекращалъ боя, дѣйствуя, какъ могъ, изъ уцѣлѣвшихъ орудій...“

Другая выдержка изъ описанія дѣйствій эскадры адмирала Камимура сообщаетъ слѣдующее:

„Суворовъ, поражаемый огнемъ обѣихъ нашихъ эскадръ, окончательно вышелъ изъ строя. Вся верхняя часть его была въ безчисленныхъ пробоинахъ, и весь онъ былъ окутанъ дымомъ. Мачты упали; трубы упали одна за другой; онъ потерялъ способность управляться, а пожаръ все усиливался... Но, и находясь внѣ боевой линіи, онъ все же продолжалъ сражаться такъ, что наши воины отдавали должное его геройскому сопротивленію...“

Между тѣмъ, положеніе „Суворова“ становилось все хуже и хуже.

„Въ нижней батареѣ за недостаткомъ рукъ начали чаще и чаще заниматься пожары... Изъ судовыхъ офицеровъ, кромѣ Богданова, прибѣжалъ еще лейтенантъ Вырубовъ (младшій минеръ). Молодой, рослый, здоровый, въ кителѣ на распашку, онъ всюду бросался въ первую голову, и одинъ его окрикъ—„Навались! Не

сдавай!"—раздававшійся среди дыма и пламени, казалось, удваивалъ силы работавшихъ...

Въ это время случайно проходившій мимо „Суворова" миноносецъ „Буйный", по собственной иниціативѣ, приблизился къ искалѣченному броненосцу, чтобы спросить, не можетъ ли онъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ.

Флагъ-капитанъ, находившійся на срѣзѣ, приказалъ сдѣлать ему семафоромъ (руками) сигналъ: „Примите адмирала".

Н. Н. Коломейцевъ, капитанъ 2-го ранга, командиръ миноносца „Буйный".

„Буйный" держался на ходу не далеко отъ борта. Командиръ его, капитанъ 2 ранга Коломейцевъ, кричалъ въ рупоръ: „Есть ли у васъ шлюпка перевезти адмирала? У меня нѣтъ!"

Въ компаніи съ Курселемъ, боцманомъ и еще двумя-тремя матросами мы достали изъ верхней батареи нѣсколько полуобгорѣлыхъ коекъ, какой-то конецъ *) и начали изъ этого матеріала вязать нѣчто вродѣ плота, на которомъ разсчитывали спустить адмирала на воду и такъ передать на миноносецъ. Рискованно, но другого выхода не было.

*) Во флотѣ говорятъ „конецъ", а не веревка.

— Ваше превосходительство! Выходите!

Адмиралъ молча смотрѣлъ на насъ, покачивая головой... Не то—соглашался, не то—нѣтъ... Положеніе было затруднительное...

— Что вы разглядываете!—вдругъ закричалъ Курсель.—Берите его! Видите, онъ совсѣмъ раненый!

И словно всѣ только и ждали этого крика, этого толчка... Всѣ сразу заговорили, заторопились... Нѣсколько человѣкъ пролѣзло въ башню... Адмирала схватили подъ руки, подняли... но едва онъ ступилъ на лѣвую ногу, какъ мучительно застоналъ и окончательно лишился сознанія. Это было и лучше.

Лейтенантъ Н. П. Богдановъ.

Адмирала поспѣшно притащили на рукахъ съ кормового на носовой срѣзъ узкимъ проходомъ между башней и раскаленнымъ бортомъ верхней батареи и отсюда по спинамъ людей, стоявшихъ на откинутомъ полу-портикѣ и цѣплявшихся по борту, спустили, почти сбросили на миноносецъ, выбравъ моментъ, когда этотъ послѣдній поднялся на волнѣ и метнулся въ нашу сторону.

— Ура! Адмиралъ на миноносцѣ! Ура! закричалъ Курсель, махая фуражкой...

— Ура!—загремѣло кругомъ.

Какъ я съ моими порчеными ногами попалъ на миноносецъ —не помню... Помню только, какъ, лежа на горячемъ кожухѣ между трубами, смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на „Суворова"...

Это были мгновенія, которыя уже никогда не изглаживаются изъ памяти.

— Отваливайте скорѣе!—кричалъ со срѣза Курсель...

— Не теряйте минуты! Отваливайте! Не утопите адмирала,

—ревѣлъ Богдановъ, перевѣсившись за бортъ и грозя кулакомъ Коломейцеву...

— Отваливайте! чортъ возьми! отваливайте!—поддерживалъ Вырубовъ, высунувшись изъ пушечнаго порта позади правой передней 6-дюймовой башни...

Отваливай! Отваливай!—вторила имъ, махая фуражками, команда, вылѣзшая на срѣзъ, выглядывавшая изъ портовъ нижней батареи.

В. В. фонъ-Курсель-Вернеръ,
прапорщикъ по морской части.

Выбравъ моментъ, когда миноносецъ откинуло отъ борта, Коломейцевъ далъ задній ходъ...

Прощальное „ура"! неслось съ „Суворова"...

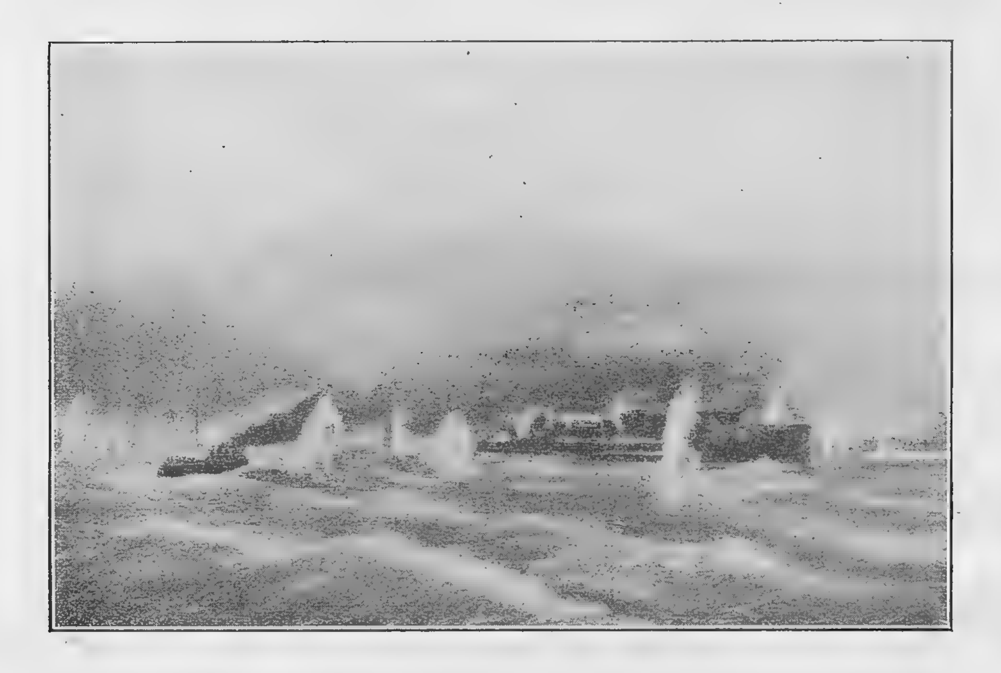
Вотъ какъ описываютъ японцы послѣднія его минуты:

„Въ сумеркахъ, въ то время какъ наши крейсера гнали непріятельскіе къ сѣверу, они увидѣли „Суворова", одиноко стоявшаго вдали отъ мѣста боя, съ сильнымъ креномъ, окутаннаго огнемъ и дымомъ. Бывшій при нашихъ крейсерахъ отрядъ миноносцевъ капитанъ-лейтенанта Фудзимото тотчасъ же пошелъ на него въ атаку.

Этотъ корабль („Суворовъ"), весь обгорѣвшій и еще горящій, перенесшій столько нападеній, разстрѣливающійся всей (въ точ-

номъ смыслѣ этого слова) эскадрой, имѣвшій только одну случайно уцѣлѣвшую пушку въ кормовой части, все же открылъ изъ нея огонь, выказывая рѣшимость защищаться до послѣдняго момента своего существованія, пока плаваетъ на поверхности воды.

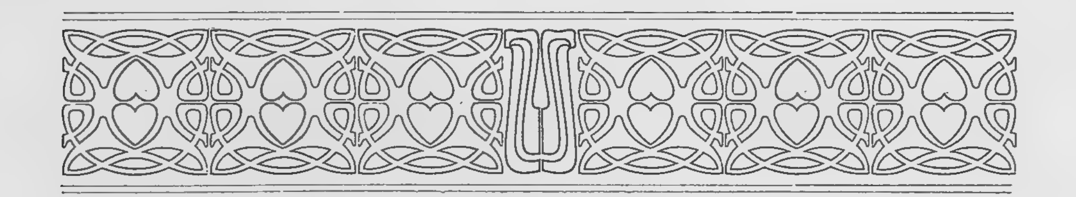
Наконецъ, въ 7 час. вечера, послѣ двухъ аттакъ нашихъ миноносцевъ, онъ пошелъ ко дну".

Послѣднія минуты броненосца „Князь Суворовъ".

(Съ акварели Славинскаго, сдѣланной съ наброска во время боя инженеръ-механикомъ броненосца „Орелъ" Костенко).

Вѣчная память погибшимъ героямъ!...

Добавленіе.

Письма, отысканныя во время печатанія книги.

А.

МОРСКОЙ КОРПУСЪ. [illegible] *10 января 1894 г.*

Я теперъ уже совсѣмъ привыкъ къ корпусу. Ученье у меня теперь поправляется, вотъ мои отмѣтки: Законъ Божій 10, алгебра 9, исторія 10, французскій яз. 10, англійскій языкъ 7,7. Съ поведеніемъ только я до сихъ поръ никакъ не могу справиться; до сихъ поръ все шло хорошо, а сегодня опять не утерпѣлъ—получилъ записку.

Дѣло было такъ: вчера мы всѣ сговорились пускать на англійскомъ урокѣ мыльные пузыри; вечеромъ приготовили мыльный растворъ, въ классѣ навертѣли трубочекъ—и началась потѣха. Въ началѣ класса я не пускалъ пузырей, но когда преподаватель выгналъ изъ класса одного изъ пускавшихъ, я не вытерпѣлъ—сѣлъ на его мѣсто и началъ пускать пузыри. Все шло благополучно, одинъ пузырь особенно хорошо полетѣлъ, весь классъ поднялъ галдежъ, такъ что преподаватель поневолѣ замѣтилъ и выгналъ меня изъ класса, но я, ничуть не унывая, прошелъ въ классный W. C., а черезъ нѣсколько времени вернулся въ классъ, явился тому же преподавателю и, чтобы онъ какъ-нибудь не вспомнилъ, что выгналъ меня изъ класса, залѣзъ подъ скамейку, гдѣ благополучно

пролежалъ до конца урока. Все бы этимъ и кончилось, если бы онъ не вздумалъ еще сверхъ всего подать записку на насъ двоихъ. Теперь не знаю, что мнѣ за это будетъ: навѣрно, сбавятъ съ поведенія; это тѣмъ болѣе досадно, что въ ротѣ я велъ себя отлично и до сихъ поръ не получилъ ни одного замѣчанія, не только что записки.

Напишите мнѣ, папа, пожалуйста подробнѣе, что у васъ дѣлается: мнѣ очень хочется знать, какъ вы теперь проводите время.

В.

(Учебный день морского кадета на кораблѣ).

РОЧЕНСАЛЬМЪ. *20 августа 1894 г.*

Учеб. судно „Баянъ“.

Сегодня я получилъ ваше письмо отъ 27 іюня; по этому вы можете судить, какъ исправна здѣшняя почта. Вы пишете, что писали уже нѣсколько разъ, но до сихъ поръ до меня не дошло ни одного письма; весьма вѣроятно, что въ одинъ прекрасный день я получу ихъ всѣ за разъ: отъ здѣшней почты всего можно ожидать.

Теперь я постараюсь, дорогой папа, описать вамъ, по возможности, нашу здѣшнюю жизнь съ самаго начала.

Отправили насъ изъ корпуса 12 мая въ 12-мъ часу послѣ молебна и краткой напутственной рѣчи директора. Нашу роту отправили въ Кронштадтъ на большомъ колесномъ портовомъ пароходѣ „Ижара“, который и доставилъ насъ на нашъ „Баянъ“. Въ Кронштадтѣ мы простояли до 14 числа вечера, когда насъ вытянули на рейдъ два паровыхъ барказа и пароходъ-помощникъ. Въ 8 часовъ пришелъ „Скобелевъ“, мы ему подали буксирныя перлиня, и онъ потащилъ насъ въ Роченсальмъ*). Мы въ среднемъ шли около 5 узловъ и къ вечеру 20 мая были уже въ Роченсальмѣ. Не обошлось у насъ безъ приключенія, которое могло

*) Роченсальмъ находится на сѣверномъ берегу Финскаго залива.

кончиться очень печально, но, къ счастію, обошлось благополучно. Когда мы пришли въ Роченсальмъ, „Скобелевъ“ вмѣсто того, чтобы сразу войти въ фарватеръ и итти на рейдъ Лангекостка, пошелъ зачѣмъ то на королевскій рейдъ, который находится съ другой стороны острова Котки, и, когда онъ дѣлалъ поворотъ, то лопнули оба перлиня, и, хотя мы сейчасъ же отдали якорь, но насъ все-таки поперло на камень, которымъ намъ и содрало мѣдную обшивку подводной части отъ гротъ-русленей почти до самаго ахтерштевня. Это мы узнали, конечно, послѣ, когда спустили водолаза. Будь тогда хоть небольшое волненіе, мы отдѣлались бы далеко не такъ дешево. Съ трудомъ достали въ Коткѣ буксирный пароходъ, который и взялся перетащить насъ на рейдъ Лангекостка, содравъ за это 100 марокъ. Но этимъ наши злоключенія еще не кончились: едва мы съ великимъ трудомъ выходили якорь и наложили стопора, какъ вдругъ всѣ стопора полопались, якорь шлепнулся въ воду и пошелъ сучить канатъ: къ счастью, шпиль былъ разоруженъ, а то бы всѣ стоявшіе около, а таковыхъ было очень много, почти всѣ кадеты, были бы убиты на мѣстѣ и превращены въ фрикасэ. Наконецъ, поздно вечеромъ, мы очутились въ бухтѣ Лангекостка, гдѣ и бросили лѣвый якорь.

Съ тѣхъ поръ потекла наша однообразная жизнь. День мы проводимъ такъ: въ 6 часовъ дудка: „Кадеты вставай, койки вязать“. Мы всѣ встаемъ, одѣваемся, вяжемъ койки. Черезъ 15 минутъ дудка: „кадеты, койки наверхъ“; мы относимъ свои койки наверхъ и подаемъ ихъ укладчику, который и укладываетъ ихъ въ бортовыя сѣтки. Когда всѣ койки вынесены, опять дудка: „кадеты, наверхъ, на молитву“; мы становимся на шканцахъ во фронтъ и поемъ „Отче нашъ“ и „Спаси, Господи, люди твоя“, послѣ чего дудка: „кадеты, чай пить“. Послѣ чая насъ гоняютъ черезъ марсъ и мы спускаемъ шестерки. Въ 8 часовъ подъемъ флага. Послѣ подъема флага насъ посылаютъ на „всѣ гребныя суда“ и мы дѣлаемъ на веслахъ кругъ версты въ полторы вокругъ яхточки, вѣхи и „Баяна“. Послѣ гребнаго ученія очередное отдѣленіе выступаетъ на вахту, а остальные кадеты посылаются на шестерки для парусназо ученія, которое и продолжается до $10^1/_2$ часовъ.

Въ 11 часовъ дудка: „пробу наверхъ“, послѣ которой слѣдуетъ другая: „командѣ и кадетамъ обѣдать“, и подымается флагъ О (отдыхъ). Время отъ 11 до 2-хъ, когда поднятъ флагъ „отдыхъ“, считается на кораблѣ въ нѣкоторомъ родѣ свя-

щеннымъ: во время него командиръ не смѣетъ безъ крайней необходимости употреблять команду, кромѣ, разумѣется, вахтеннаго отдѣленія, ни для какихъ работъ. Въ 12 ч. подымается флагъ В (полдень); вахтенный начальникъ командуетъ: „восемь бить“ *), и слѣдующее отдѣленіе вступаетъ на вахту.

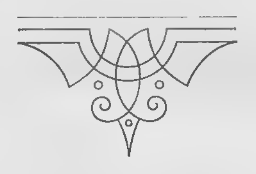
Въ 2 ч. намъ даютъ чай и спускаютъ „отдыхъ“. Отъ 2-хъ до 4-хъ у насъ или палубныя занятія, или артиллерійская тревога. Отъ 4-хъ до 6-ти опять парусное ученіе. Въ 6-ть часовъ мы ужинаемъ, и опять слѣдующее отдѣленіе вступаетъ на вахту. Отъ 6-ти до 8-ми бываетъ иногда водяная или пожарная тревога и и подымаютъ учебныя суда.

Въ 8-мъ часовъ молитва; послѣ молитвы команда: „кадетамъ койки брать“; мы беремъ койки, кто подвѣшивается, а кто и просто пристраивается гдѣ-нибудь на полу. Съ заходомъ солнца спускаютъ флагъ, и морской день конченъ.

Офицеры здѣсь у насъ очень хорошіе, и отношенія здѣсь у насъ вовсе не корпусныя — это видно уже изъ того, что я до сихъ поръ ни разу не былъ наказанъ.

Единственнымъ разнообразіемъ за все лѣто было приходъ Государя **), который посѣтилъ „Баянъ“, угощалъ насъ шампанскимъ и на прощаніе подарилъ намъ двѣ лососки аршина въ полтора каждая.

Дастъ Богъ, мы съ вами скоро увидимся, и тогда я вамъ разскажу все подробно,—теперь же нѣтъ никакой возможности написать все то, что хотѣлосъ бы разсказать.

*) На кораблѣ время считается склянками, и въ полдень приходится восемь склянокъ.

**) Е. И. В. Александръ III.

Оглавленіе.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка Сверху	Строка Снизу	Напечатано	Нужно
4	14		Евгенія	Евтихія
5, 12, 13, 14			Рогенсальмъ	Роченсальмъ
13		10	Иваницкій	Ивановскій
14			1907 г.	1897 г.
16			балокъ	банокъ
16	14		Кинда	клада
23		7	Трапезундѣ	Транзундѣ
24			1998	1898
25			1908	1898
42	17		лонгъ-шетими	лонгъ-шезами
42	22		устроенный	задраенный
45	9		семю	семью
63	6		Марозъ	Морозъ
68	12		пить	жить
77	9		Артуръ	Алжиръ
111	6		14 сентября	14 октября
112	9		зафратовать	зафрахтовать
125	18		воспомогательные	вспомогательные
127		19	Разводовъ	Развозовъ

Вся сумма, вырученная отъ продажи изданія, поступитъ въ комитетъ по сооруженію въ С.-Петербургѣ храма-памятника въ память погибшихъ въ Японскую войну русскихъ моряковъ.

Цѣна 1 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ

Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

Кіевъ, Крещатикъ № 33.

Петербургъ, Екатерининская № 4.

